

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1915.

№ 9.

МАЙ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Распоряженія **Высокопреосвящен. Антонія** 337—339
- Устройство и Управленіе Римско-Католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности. (Продолж.). **Проф.-Прот. Т. И. Буткевича** 340—357
- Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи. (Продолж.). **Проф.-прот. Н. Степелцаго** 358—382
- Православно-христіанская теософія. (Продолж.). **Свящ. Н. Ремизова** 383—401
- Мистицизмъ въ философіи Платона и отзвуки его въ русской поэзіи. **А. Гладкаго** 402—432
- Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней Руси. (Продолж.). **Н. М. Гальковскаго** 433—452
- Православно-христіанское ученіе объ истинной вѣрѣ и жизни. (Приложеніе). **Прот. Д. Попова** 135—150

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ и ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Высочайшій рескриптъ.—Высочайшія награды.—Высочайшая благодарность.—Распоряженіе по Харьковской епархіи.—Архiepистырское обращеніе къ духовенству Харьковской епархіи. Отъ Комитета Высочайше разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 года.—Письмо къ Высокопреосвященнѣйшему Архiepиепископу Антонію.—Репортъ Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Архiepиепископу Антонію.—Къ свѣдѣнію церковно-школьницкихъ дѣятелей Харьковской епархіи. Епархіальныя извѣщенія.—Примѣрная программа Свящ. Писанія Нового Завета.—II. О праздничномъ отдыхѣ. *Свящ. Іакова Приходина*.—Епархіальная хроника.—Ипоепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія (Стр. 453—492).

ХАРЬКОВЪ.

Епархіальная Типографія, Каплуновская улица, д. № 2.

1915.

„ВѢРА и РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи.

Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за границу 12 р. съ пересылкою.

Разорочка въ уплату не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **Харьковѣ:** въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ Харьковскихъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петроградѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гости. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1913 г. за **8 руб.** съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть приобретаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ и РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. ЦѢНА за 8 книгъ **8 рублей** съ пересылкою. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

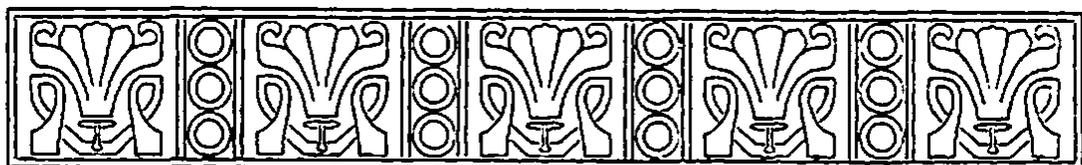
Πίστις ἡσώμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Мая 1915 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Голинъ

Распоряженія Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

V. Объ обязательномъ служеніи съ діакономъ.

Не смотря на неоднократныя распоряженія Епархіальнаго Начальства, многіе священники не допускаютъ къ священнослуженію діаконовъ, занимающихъ несломницкую вакансію, отчасти по своему настоятельному упрямству, а отчасти потому, что не умѣютъ служить съ діакономъ, а научиться не желаютъ. Посему, подтверждая настоящимъ распоряженіемъ, чтобы во все воскресныя и праздничныя дни служба совершалась съ участіемъ облаченного діакона, въ тѣхъ приходахъ, гдѣ имѣется лицо, облеченное симъ саномъ, предлагаю діаконамъ, занимающимъ несломницкій штатъ, въ случаѣ устранинія ихъ отъ священнослуженія, жаловаться на сіе непосредственно мнѣ. Православная служба красится служеніемъ іерея со діакономъ и безъ послѣдняго бываетъ кургузая и неблагоустроенная.

VI. О покрываніи женщинами и дѣвцами головъ при причащеніи.

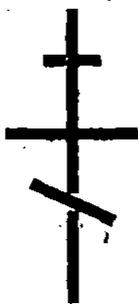
Св. Апостоль Павелъ писалъ къ Коринтянамъ: *дешкая женщина, молящаяся или пророчествующая съ открытой головой, постыжается свою голову, ибо это то же, какъ если бы она была обрѣтая. Ибо если жена не хочетъ покрываться, то пусть и стрижется, а если жена стыдно быть обстриженной или обрѣтой, то пусть покрывается.* Далѣе апостоль поясняетъ, почему это такъ, и прибавляетъ: *„А если бы кто захотѣлъ спорить, то мы не имѣемъ такого обычая, ни церкви Божіи“* (1 Кор. 11, 5—16). Этотъ обычай приходитъ въ храмъ, а тѣмъ болѣе ко св. причащенію

съ покрытой головой въ Россіи соблюдаютъ всѣ женщины и дѣвушки, при чемъ въ чисто русскихъ городахъ, и даже въ Петроградѣ, причастницы покрываютъ голову не шляпками и не шапочками, что весьма ненавистно русскому народу, а платками, или косынками или чепчиками. Правила вселенскихъ соборовъ отлучаютъ отъ св. причастія мужчинъ, одѣвающихъ въ женское платье, и женщинъ, одѣвающихъ въ мужское. Считаая шапочки принадлежностью мужескаго пола и видя ихъ по деревнямъ только на татаркахъ, русскіе крестьяне въ восточныхъ губерніяхъ нерѣдко составляютъ приговоры, чтобы женщины не являлись въ церковь въ шляпахъ. Въ большихъ городахъ это допускается изъ угожденія модѣ, но не въ честь причастія, когда всѣмъ подобаетъ предстать Христу, и душу очистивъ отъ грѣховъ, и внѣшній видъ свой уподобивъ истинному христіанству.

VII. Какіе кресты надо ставить на храмахъ, часовняхъ и колокольняхъ.

Православный крестъ или восьмиконечный (трехраменный), или четырехконечный, но съ одинаковыми концами; латинскій крестъ—четыреконечный, но съ удлиненнымъ нижнимъ концомъ. Уніатскій же крестъ—шестиконечный, безъ верхнихъ раменъ, т. е. безъ верхней перекладины, а со средней и нижней, перекошенной. Чтобы правильно ее класть, надо помнить тропарь постный девятого часа: „Посредѣ двою разбойнику, мѣрило праведное обрѣтесе крестъ Твой, овому убо низводиму во адъ тяготою хуленія: другому же легчащуся отъ прегрѣшеній къ познанію бгословія, Христе Боже, слава Тебѣ“. Итакъ, опущенный конецъ косоі перекладины долженъ быть подъ лѣвую руку Распятаго къ безумному разбойнику, а поднятый подъ правую къ благоразумному разбойнику. Распятый Господь

предлагаетсялицомъ
щце къ церкви для
ных) двери, видятъ

къ западу, такъ что подходя-
вхоженія въ ея западныя (крас-
крестъ въ такой формѣ, а от-

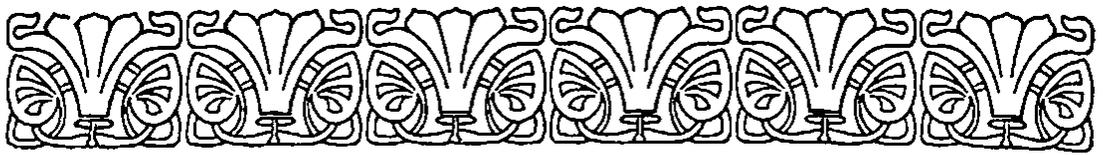
нюдь не въ формѣ уніатскаго невѣжества. Должно
замѣтить, что такой нелѣпой формы кресты пошли
только въ восточныхъ бывшихъ уніатскихъ епар-

хіяхъ, а въ Галиціи до послѣдняго времени уніаты отстаивали древній восьмиконечный или трираменный крестъ, воспрещенный папой Леономъ XIII-мъ или Пиемъ IX-мъ, но все-таки еще сохраняющійся во многихъ уніатскихъ церквахъ стараніями русскихъ людей.

Если такъ дорожатъ православнымъ крестомъ отторженные силою отъ Церкви наши братья по крови, то тѣмъ болѣе должны дорожить имъ мы, церковныя чада. Посему предлагаю клиру и мірянамъ, а наипаче мастерамъ церковныхъ вещей отнюдь не допускать уніатскихъ и латинскихъ крестовъ, а только православные и притомъ съ правильнымъ наклономъ нижней перекладины.

Устройство и Управление Римско-Католической Церкви вообще и въ Россіи въ частности.

(Продолженіе *).

5. *Почетныя права папы* (Primatus honoris). Согласно тому высокому положенію, которое занимаетъ папа, какъ глава католической церкви, ему принадлежать слѣдующія почетныя права: 1) онъ имѣетъ особые знаки своего достоинства (insignia): а) прямой пастушескій жезлъ (pedum rectum), съ крестомъ наверху, б) кольцо рыбака (anulus piscatoris) съ изображеніемъ ап. Петра въ лодкѣ¹⁾, в) тиару, или золотую тройную корону, какъ символъ власти папы въ церкви, чистилищѣ и царствѣ небесномъ. О происхожденіи папской тиары католическіе канонисты говорятъ неодинаково, и ихъ объясненія носятъ не научный, а скорѣе легендарный характеръ. По однимъ, всѣ папскія отличія, а въ томъ числѣ и папская тиара, ставятся въ связь съ именемъ императора Константина; другіе утверждаютъ, что корона была дарована папѣ франкскимъ королемъ Хлодвигомъ (изъ рода Меровинговъ), сыномъ Хильдериха. Двойную корону, по однимъ, возложилъ на себя уже папа Николай II, умершій въ 1061 году, по другимъ,—только Бонифацій VIII. Тройная корона или теперешняя тиара, по однимъ, устроена была папою Климентомъ V (ум. въ 1314 г.), по другимъ,—Урбаномъ V (въ 1352 г.)²⁾. 2. Одежда папы: а) бѣлый шелковый таларъ, б) стихарь (въ видѣ рубахи, надѣваемой на таларъ) изъ тонкаго батиста (льняной), в) *Сарра* (скуфія) изъ крас-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 8 за 1915 г.

¹⁾ Этимъ кольцомъ папа припечатываетъ также и свои бреве на красномъ или зеленомъ воскѣ.

²⁾ Срв. Vüscher-Recchi, Der Ursprung der päpstlichen Tiara und der bischöflichen Mitra, 1899.

наго атласа; г) красная бархатная шапочка (бареть), д) пурпуровые шелковые башмаки съ вышитымъ на нихъ золотомъ крестикомъ; е) златотканная стола (въ родѣ епитрахили или ораля), ж) красная мантия (mozetta), з) палліумъ (омофоръ),—развѣ немного шире двухъ дюймовъ, съ тремя брилліантовыми астрами или розетками на нихъ, который папа обязательно носитьъ при всѣхъ своихъ богослуженіяхъ...

3. При обращеніи къ папѣ, всегда говорятъ ему: „Sanctissime Pater“ или „Sanctitas vestra“ („Святѣйшій отецъ“ или „Ваше святѣйшество“). Въ послѣднее время нѣкоторые католическіе канонисты (напримѣръ, Зибернагль) и титулъ—„vicarius Christi“ („намѣстникъ Христа“) относятъ къ почетнымъ титуламъ папы,—что, очевидно, дѣлается въ видѣ уступки критикамъ католичества, но въ ущербъ католической догматикѣ. Папа самъ во всѣхъ своихъ буллахъ и другихъ официальныхъ бумагахъ обыкновенно называетъ себя „Servus servorum Dei“ („рабъ рабовъ Божіихъ“),—и это названіе у католиковъ считается настолько существеннымъ, что если бы его не было въ какой либо буллѣ, то она не была бы признана подлинною. Но если мы вспомнимъ, что названіе это въ VI вѣкѣ принялъ папа Григорій I только ради укора константинопольскимъ патріархамъ, именовавшимъ себя *вселенскимъ*, то мы не будемъ вмѣстѣ съ католическими канонистами считать его выраженіемъ папской скромности, а увидимъ въ немъ скорѣе подтвержденіе афоризма, что иногда мнимое смиреніе бываетъ хуже гордости. Самымъ почетнымъ названіемъ папы католическіе канонисты считаютъ выраженіе: „pontifex maximus“ или „pontifex summus“. Такъ у языческихъ римлянъ, по свидѣтельству Цицерона и Ливія, назывались верховные жрецы, а затѣмъ—императоры, отъ которыхъ папы не захотѣли отставать даже и въ этомъ отношеніи. *Папами* римскіе епископы стали называть себя, по мнѣнію однихъ католическихъ канониковъ, только съ VI вѣка, по примѣру Александрійскихъ патріарховъ; по мнѣнію другихъ, наименованіе это усвоилъ папа Григорій VII.—Мѣстопробываніе папъ, ихъ каѳедра, даже должность обыкновенно называется „sedes apostolica“—(„апостольскій престолъ“, „апостольская каѳедра“); эпитетъ „апостольскій“ отождествляется съ эпитетомъ „папскій“: „апостольское постановленіе“ значитъ: „папское постановленіе“.

4. Adoratio (почитаніе)—въ видѣ цѣлованія папской туфли, что обязательно для каждаго привѣтствующаго папу католика, отъ чего только въ недавнее время освобождены коронованныя особы,—они цѣлуютъ папское плечо или руку. Этого папскаго почета, повидимому, конфузятся и сами католическіе канонисты: они (напримѣръ, Вальтеръ) называютъ его обычаемъ восточно-азіатскимъ, перешедшимъ въ Византію чрезъ епископовъ и императоровъ—Іоанна I и Іустина (525 г.), затѣмъ Агапита и Юстиніана. Если это правда, то отсюда выводъ одинъ,—что не слѣдуетъ подражать всему, что было въ древней Азіи и Византіи... 5. О смерти папы должны торжественно свидѣтельствовать кардиналы, которые сами убѣждаются въ ней тѣмъ, что одинъ изъ нихъ (кардиналъ—камерлингъ) ударяетъ скончавшагося папу въ лобъ серебрянымъ молоточкомъ. Тѣло умершаго папы обязательно должно быть выставлено для поклоненія народа въ капеллѣ церкви св. Петра (если папа скончался въ Римѣ); затѣмъ тремя избранными (часто даже по личному желанію самого умершаго) кардиналами оно влагается въ кипарисный гробъ: кипарисный гробъ съ тѣломъ папы вставляется въ свинцовый, а оба вмѣстѣ, наконецъ, въ дубовый, такъ что тѣло усопшаго папы всегда погребается въ трехъ гробахъ. Если самъ папа, при жизни, не указалъ себѣ какого-либо особаго мѣста для погребенія, то тѣло его обыкновенно погребается въ Римѣ въ церкви св. Петра. Но если бы папа скончался въ какомъ либо городѣ внѣ Рима и тѣло его, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не могло быть перевезено въ Римъ, то оно должно быть погребено въ кафедральной церкви того діѳеза, въ которомъ онъ скончался.

6. *Матеріальное положеніе папъ.* На содержаніе папъ, папскаго двора и папской куріи (многочисленныхъ высшихъ судебно-административныхъ учрежденій римско-католической церкви, находящихся въ Римѣ и непосредственно подчиненныхъ папамъ) расходуются громадныя средства; но точно не опредѣляетъ ихъ и католическая „наука“. Несомнѣнно только одно, что въ прежнее время, особенно въ средніе вѣка, денежныя средства папскаго двора были несравненно обильнѣе, чѣмъ теперь. Особенно много папы потеряли вслѣдствіе отнятія у нихъ церковной области, а еще раньше—вслѣдствіе секуляризаціи церковныхъ имуществъ въ 1803 году.

Кромѣ податей и налоговъ съ церковной области, кромѣ рентъ и арендъ съ папскихъ владѣній по всему земному шару, папы получали (и отчасти получаютъ еще нынѣ) постоянныя подати отъ многихъ государствъ. Такія подати (Romfeoh—римскія деньги или *dinarius S. Petri*) Англія установила уже съ VIII вѣка, хотя иногда, именно—во время недоразумѣній англійскихъ королей съ папами,—платежъ этой подати и прерывался. Въ Даніи „пфеннигъ св. Петра“ былъ введенъ Канутомъ Великимъ въ 1035 году, въ Норвегіи—въ 1152, въ Швеціи—въ 1153 году. Но особенно щедрыми ежегодными данниками папскаго престола были: Польша, Португалія, Арагонія и Неаполь¹⁾. Многіе императоры и короли принимали на себя обязательство ежегодно доставлять папѣ опредѣленную подать за свое коронованіе и за представленіе имъ императорскихъ и королевскихъ титуловъ, а также и вообще въ благодарность за оказанное покровительство. Очень большія и твердо установленныя денежные средства на содержаніе „апостольскаго престола“ ежегодно доставляли и нынѣ доставляютъ всѣ монастыри и церкви, разсѣянныя по земному шару. Даже католическіе канонисты называютъ эти взносы „весьма значительными (*sehr bedeutend*). Но не менѣе значительными должны быть признаны и платежи, вносимые римско-католическими клериками въ пользу папскаго двора при полученіи всякаго рода бенефициумовъ (отъ субдіаконата до митрополитскаго сана). „Хотя,—говорятъ католическіе канонисты²⁾, издавна установлено основное правило, что рукоположеніе (*ordinatio*) должно быть совершаемо безмездно (пр. Ап. 28; Халкид. 31), тѣмъ не менѣе постепенно, вѣроятно, изъ подражанія римскимъ установленіямъ, входили въ обычай опредѣленные почетные подарки (*consuetudines*), которые были уплачиваемы отчасти рукоположителямъ за ихъ личный трудъ (*pro inthronisticis*), отчасти ихъ канцеляристамъ (*notarii*)“. Осуждали этотъ обычай нѣкоторые западные соборы какъ, напримѣръ, Констанцкій и особенно Базельскій, который, осуждая плату за рукоположеніе, находилъ необходимымъ замѣнить ее опредѣленнымъ вознагражденіемъ. Къ сожалѣнію, постанов-

¹⁾ Подробнѣе срв. у Вальтера, стр. 445.

²⁾ Ibid. стр. 445—446.

леніе это не было осуществлено, такъ какъ не было найдено источниковъ вознагражденія, указаннаго Базельскимъ соборомъ,—и незаконный обычай, осужденный соборами, начиная отъ Апостоловъ, продолжаетъ существовать до нашихъ дней, и даже закрѣпленъ церковно-государственными актами (напримѣръ, Вѣнскимъ конкордатомъ). Размѣръ этой платы отъ бенефицій (*servita communia*) издавна былъ опредѣленъ количествомъ годового дохода отъ каждаго бенефиціума,—и въ Ватиканъ были отправляемы не только деньги, но и естественные продукты. Въ наше время Ватиканъ нашелъ неудобнымъ получать эту подать натурою; папское казначейство превратило ее въ Goldgulden'ы и Thaler'ы,—и такимъ образомъ, была выработана точная такса взносовъ, утвержденная папскими буллами (*bullae circumscriptae*). Такимъ образомъ, за пожалованіе, напримѣръ, кельнскаго архіепископства взыскивается (на законномъ, такъ сказать, основаніи) 1000 гольдгульденовъ¹⁾, за познанское архіепископство также 1000 гульденовъ, за епископства мюнстерское, подернборнское, трирское, кульмское и эрмландское по $666\frac{2}{3}$ ²⁾ гульдена, за архіепископство мюхенфрейзингское 100 гульденовъ за архіепископство бамбергское—800 гульденовъ, за епископства регенсбургское, аугсбургское и вюрцбургское по 600 гульденовъ, за епископства пассауское, эйштедтское и штейерское по 500 гульденовъ, за епископство гильдесгеймское—765 гульденовъ, за епископство оснабрюкское $666\frac{2}{3}$ гульдена, за архіепископство фрейбургское $688\frac{1}{3}$ гульдена, за епископства роттенбургское 490 гульденовъ, майнцкое— $348\frac{1}{6}$ гульдена, Фульдское и Львовское по 332 гульдена³⁾ и т. д. Подати отъ особъ, получившихъ инвеституры на высшіе церковные чины, въ пользу папскаго казначейства, какъ и первые годовые доходы съ бенефиціума въ католической каноникѣ часто называются аннатами. По константскому и вѣнскому конкордатамъ, они должны быть уплачиваемы по полугодіямъ⁴⁾. Есть еще

¹⁾ Гольдгульденъ равняется $2\frac{1}{3}$ нѣмецкимъ талерамъ; талеръ—1 р. 28 к. Срв. Зильбернагля, стр. 586.

²⁾ Удивительная точность!..

³⁾ Срв. Зильбернагля, стр. 585—586.

⁴⁾ У Вальтера, § 200, стр. 447.

особый видъ податей въ пользу папскаго казначейства, которыя также называются аннатами. Это—подати въ собственномъ смыслѣ (*die Annaten im eigentlichen Sinne*); онѣ вносятся въ половинномъ размѣрѣ годовыхъ доходовъ за бенефиціумы, пожалованные лично папою, помимо консисторіи. Далѣе—значительныя средства папскому казначейству доставляетъ пожалованіе нѣкоторымъ архіепископамъ и епископамъ палліума или омофора¹⁾. Кромѣ того,—источникомъ доходовъ для папскаго казначейства служатъ такъ называемыя *servita minuta* (мелкія холопства),—подати (далеко, однако же, не мелкія) на содержаніе папскихъ канцелярій, взыскиваемая также отъ доходовъ съ бенефиціумовъ. Наконецъ, немалый доходъ доставляютъ ватикану индульгенціи и пилигриммы... Съ XIII вѣка папы черезъ своихъ комиссаровъ забирали всѣ доходы—и деньгами и натурою—въ свою пользу съ вакантныхъ должностей; но на соборѣ въ Пизѣ и Констанцѣ они сами отказались отъ этого права. „Съ конца XVI вѣка,—говоритъ Вальтеръ²⁾,—папы, стѣсненные финансовыми затрудненіями, тащили (*zogen*) въ папскую казну наслѣдство послѣ прелатовъ и бенефиціатовъ, но теперь (въ 1861 году) это вышло изъ обычая“...

7) *Епископальная система*³⁾. Такъ какъ совершенно нѣтъ никакихъ каноническихъ основаній для оправданія папскихъ притязаній или правъ папскаго главенства въ церкви, то Вальтеръ, какъ мы видѣли, совѣтуетъ искать такія основанія въ наукѣ и жизни. Католическіе ученые, защищающіе права папѣ въ томъ видѣ, какъ они изложены нами выше, принадлежатъ къ такъ называемой *системѣ папизма* или *ультрамонтанизма*. Но есть въ лонѣ католичества и другая „наука“, иное воззрѣніе, называемое *епископальною системою* или *феброніанизмомъ*.

Среди самихъ епископовъ издавна встрѣчались лица, которыя признавали папскія притязанія не имѣющими для себя основанія ни въ ученіи Божественнаго Откровенія, ни въ канонахъ церкви, и справедливо объявляли ихъ ложными

¹⁾ Палліумъ или омофоръ въ католической церкви имѣютъ право возлагать на себя не всѣ даже архіепископы. Подробности объ этомъ будетъ сказано ниже.

²⁾ § 263, стр. 575.

³⁾ *Hinsehius*, Kirchenrecht, § 22, т. I.

и противухристіанскими¹⁾. Представители этихъ обоихъ враждебныхъ направленій не рѣдко сталкивались между собою и вступали въ борьбу. Уже на соборахъ Констанцкомъ (1414—1418) и Базельскомъ (1431—1437) были возбуждаемы споры объ отдѣльныхъ правахъ папъ,—и многіе епископы не одабривали папскихъ стремленій къ главенству и порабощенію епископата. На Тридентскомъ соборѣ (1545—1563) былъ поднятъ вопросъ: отъ кого епископы получаютъ свою власть—отъ Бога ли или отъ папы? Правда, этотъ вопросъ остался неразрѣшеннымъ; но уже то обстоятельство, что онъ былъ возбужденъ, ясно свидѣтельствуешь, что не всѣ каноническіе епископы слѣпо подчиняются папской власти. О лютеранскихъ ученыхъ, враждебно настроенныхъ къ католичеству вообще, мы не будемъ говорить; но въ XVIII вѣкѣ уже и католическіе епископы въ своихъ сочиненіяхъ стали высказывать такіе взгляды, которые существенно не отличались отъ протестантскихъ. Трирскій епископъ *Николай Гонтгеймъ* (1701—1790), 80-лѣтній старикъ, авторитетный католическій писатель, въ 1743 году, подъ именемъ *Иустина Фебронія*, издалъ въ свѣтъ книгу *De statu ecclesiae et legitima potestate Romani pontificis liber singularis ad reuniendos dissidentes in religione Christiana compositus*,—въ которой, подвергая критикѣ доводы папистовъ, онъ основательно доказывалъ, что, оставаясь вѣрнымъ христіанскому ученію, нельзя признавать главенства папы въ томъ смыслѣ, въ какомъ учать о немъ паписты, что апостолы были всѣ равны между собою и Петръ былъ только первымъ между равными, что папа есть лишь патріархъ и по власти равенъ со всѣми другими патріархами, что епископы имѣютъ свои права непосредственно отъ Христа, а не отъ папы, что неосновательно признавать папу представителемъ вселенской церкви, что ученіе о верховныхъ судныхъ правахъ и непогрѣшимости папы ложно, что епископы не должны забывать, что всѣ они преемники апостоловъ и должны возвратить себѣ права, отнятыя у нихъ папою.

Папа Пій VI потребовалъ къ себѣ Гонтгейма на судъ и принудилъ его отречься отъ своихъ взглядовъ. Гонтгеймъ отрекся; книга его была осуждена. Но его идеи все больше

¹⁾ Такимъ, напр., былъ даже Боссюэтъ (срв. его *Declaratio cleri gallicani* отъ 1682 года) и др.

и больше стали находить себѣ защитниковъ и сложились въ такъ называемую *епископальную систему*. Послѣдователями Гонтгейма, въ числѣ многихъ другихъ, стали даже такіе католическіе канонисты, какъ Перейра въ Португаліи и Штаттмеръ въ Ингольштадтѣ. Особенно убѣдительною казалась книга послѣдняго „*Demonstratio catholica*.“ Защитники папства увидѣли себя безсильными вести борьбу съ проповѣдниками епископальной системы. Они вступили на путь компромисса и хотѣли достигнуть примиренія нѣкоторыми уступками: они стали полагать различіе между существенными и случайными правами папскаго приматства, разумѣя подъ первыми тѣ права, которыя сами собою и непосредственно вытекаютъ изъ понятія приматства, а подъ вторыми—тѣ, которыя являются „историческимъ приобрѣтеніемъ“. Само собою понятно, что такое примирительное или посредствующее направленіе въ рѣшеніи вопроса о главенствѣ папы никого не удовлетворило. „Это различіе (между папскими правами),—говоритъ, напримѣръ, Вальтеръ¹⁾,—можно допускать только какъ пустую абстракцію; но ничего этимъ не достигается ни въ научномъ, ни въ практическомъ отношеніи, а въ своей терминологіи оно влечетъ за собою ложное побочное представленіе. Ибо и такъ называемыя случайныя права, на самомъ дѣлѣ, не суть случайности, но всегда находятся въ близкой или отдаленной связи съ потребностями церковной дисциплины, т. е., съ самымъ назначеніемъ приматства; вѣдь тѣ права, которыя въ одно время кажутся второстепенными, въ другое—могутъ быть признаны совершенно необходимыми для единства церковной дисциплины. Нѣкоторые писатели къ указанному различію присоединяли еще утвержденіе, что случайныя права, какъ полномочія, полученныя отъ церкви, могутъ быть также и отняты ею для возстановленія первоначальной чистой дисциплины или ради блага церкви, даже противъ воли папъ. Но такое перемѣщеніе правъ есть пустая фикція, неизвѣстная исторіи, а возстановленіе древней дисциплины, при совершенно новой обстановкѣ, какъ признаютъ осмотрительные историки, есть пустая мечта, смѣшивающая форму съ духомъ. Такіе насильственные шаги не могутъ быть оправдываемы и благомъ

¹⁾ § 128, стр. 301.

церкви, потому что въ томъ, что служить ко благу церкви, не слѣдуетъ членамъ дѣлаться судьями надъ главою. Даже протестантскіе писатели предостерегаютъ правительства отъ поддержки такихъ возрѣній, такъ какъ, по совершенно одинаковымъ основаніямъ они могутъ быть примѣнены и къ нимъ“. Чтобы положить конецъ спорамъ, папа Пій IX обратился къ способу, очень похожему на тотъ, какимъ Александръ Македонскій покончилъ съ Гордіевымъ узломъ: онъ 26-го октября 1865 года сначала самъ осудилъ епископальную систему, какъ еретическую, а потомъ 18-го іюля 1870 года на Ватиканскомъ соборѣ предалъ анаѳемѣ всѣхъ защитниковъ ея, о чемъ и объявилъ 3-ей главѣ своей конституціи „Pastor aeternus“. И іезуиты радовались такому рѣшенію, ибо съ тѣхъ поръ католикамъ стало неповадно провѣрять папскія права ни Божественнымъ Откровеніемъ, ни „наукою“.

II. Кардиналы (Cardinales) ¹⁾.

1. *Происхожденіе кардинальской коллегіи.* Кардиналами называются римско-католическіе клерики,—епископы, пресвитеры и діаконы,—составляющіе коллегію папскихъ совѣтниковъ по судебнымъ и административнымъ дѣламъ, управляющіе непосредственно подчиненными папѣ коллегіями и состоящіе главными членами особыхъ церковно-правительственныхъ комиссій и конгрегацій.

Въ первенствующей христіанской церкви епископъ управлялъ дѣлами своей епархіи совершенно самостоятельно и ни отъ кого независимо. Пресвитеры, діаконы и другіе члены причта были подчинены ему въ такой степени, что даже пресвитеры безъ его воли ничего не могли творить (Лаод. 57). Тѣмъ не менѣе, по сложности епархіальныхъ дѣлъ, для епископовъ скоро оказалась нужда въ совѣтникахъ и помощникахъ. Такими епископскими совѣтниками, естественно, явились пресвитеры и діаконы епископской кафедральной церкви, составившіе при епископѣ особую совѣщательную коллегію, которую называли пресвитеріемъ (πρεσβυτέριον, presbyterium), а иногда даже церковнымъ сенатомъ. Такъ было первоначально и въ Римскомъ діоцезѣ. Но когда

¹⁾ Hinschius, Kirchenrecht der Katholiken und Protestanten, т. I §§ 33—39.

церковныя дѣла у римскаго епископа еще болѣе осложнилась вслѣдствіе измѣненія его собственнаго іерархическаго положенія, римскій епископъ въ число своихъ совѣтниковъ призвалъ 26 пресвитеровъ, завѣдывавшихъ въ Римѣ самостоятельными приходами и потому называвшихся *главными священниками* или *кардиналами* (*cardinalis* значитъ—главный, отъ слова *cardo*—крюкъ дверной, точка, около которой что либо вращается, въ переносномъ смыслѣ—главная вещь, главная точка, главная сила). Отсюда и самая совѣщательная коллегія при римскомъ епископѣ (*presbyterium*) стала именоваться *коллегією кардиналовъ*, особенно когда въ VIII, 1) а по мнѣнію другихъ канонистовъ, 2) въ IX вѣкѣ въ нее вошли, въ числѣ семи, и діаконны (*diaconi regionarii*), институтъ которыхъ былъ учрежденъ въ Римѣ еще епископомъ Фабианомъ около 240 года для надзора за бѣдными и больными въ семи городскихъ участкахъ, равно какъ и за находившимися тамъ ораторіумами или молитвенными домами. Къ этому же времени относятся появленіе въ коллегіи кардиналовъ и семи епископовъ изъ близъ лежавшихъ городовъ. Епископы не только были совѣтниками папы, но часто совершали вмѣсто него и богослуженія въ его кафедральной церкви. Число кардиналовъ вначалѣ не было точно установлено. Въ средніе вѣка коллегія кардиналовъ иногда состояла изъ 53 лицъ а именно: изъ 7 епископовъ, 28 пресвитеровъ и 18 діаконновъ; но иногда (какъ, на примѣръ, въ XIV вѣкѣ) число ихъ падало до 20-ти, 15-ти и даже 12-ти. Базельскій соборъ (въ 1439 году) ограничилъ составъ кардинальской коллегіи 24 членами. Папа Левъ X значительно увеличилъ число кардиналовъ. Наконецъ папа Сикстъ I, въ 1586 году, по числу будто бы апостоловъ, установилъ число кардиналовъ въ 70 человекъ. Таковъ составъ кардинальской коллегіи и въ настоящее время; въ него входятъ 6 епископовъ, 50 пресвитеровъ (хотя въ числѣ ихъ бываютъ не только епископы, но и архіепископы) и 14 діаконновъ. Кардиналы-епископы должны имѣть свои кафедры въ городахъ: 1. Остіи (въ древнемъ Ляціумѣ, при истокѣ Тибра), 2, Порто или Опорто (главный городъ округа того же наименованія), 3, Сабинѣ (на сѣверо—востокъ отъ Рима), 4, Палестринѣ, дре-

1) Зильбернагль, стр. 247.

2) Вальтеръ, стр. 305.

внемъ Пренестѣ (на востокъ отъ Рима, въ 33 километрахъ), 5, Фраскати (на сѣверномъ склонѣ Албанскихъ горъ, при желѣзной дорогѣ, вблизи Рима и развалинъ Цицероновскаго тускулума) и 6, Альбано (древній Лаціалъ, въ итальянской провинціи Рима, у Албанскаго озера, образованнаго кратеромъ потухшаго вулкана). По этимъ городамъ они носятъ и свои титулы.

2. *Назначеніе (creatio) кардиналовъ и введеніе ихъ въ должность (promotio)*. Право назначенія кардиналовъ принадлежитъ только папѣ. Существующія правила не могутъ быть для него стѣснительными. Они состоятъ въ слѣдующемъ: а) кардиналомъ можетъ быть лишь тотъ клерикъ, который обладаетъ всѣми качествами и достоинствами, необходимыми для полученія епископскаго сана; б) кардиналы, по возможности, должны быть избираемы изъ всѣхъ странъ христіанскаго (т. е., римско-католическаго) міра; в) нѣкоторые монархи (австрійскій и испанскій, а раньше также французскій и португальскій) имѣютъ право презентировать (рекомендовать) папѣ клериковъ для возведенія ихъ въ кардинальское достоинство; г) по требованію Тридентскаго собора, въ числѣ кардиналовъ должны быть два или три доктора каноническаго права и, по крайней мѣрѣ, четыре доктора богословія (теологи) изъ орденовъ мендикантовъ (нищенствующихъ); д) въ кардинальное достоинство нельзя возводить того, у кого среди кардиналовъ есть кровные родственники первой или второй степени; наконецъ, е) кардиналами не могутъ быть незаконнорожденные, хотя бы они и были узаконены послѣдующими замужествами ихъ матерей.

Введеніе кардиналовъ въ должность называется *промоціею* (promotio отъ promovere—выдвигать, высовывать, выставлять, возводить) и совершается въ трехъ кардинальскихъ консисторіяхъ (т. е. засѣданіяхъ.). Въ частной или тайной консисторіи папа объявляетъ кардинальской коллегіи о томъ, что извѣстныхъ клериковъ онъ избралъ въ число кардиналовъ. „*Habemus fratres*“,—говоритъ онъ,—и при этихъ словахъ кладетъ на столъ листъ бумаги, на которомъ написаны имена избранниковъ его. Кардиналь-деканъ беретъ этотъ листъ и громко читаетъ написанныя на немъ имена и фамиліи. Послѣ этого самъ папа торжественно вводитъ изъ сосѣдней комнаты въ консисторію новоизбранныхъ карди-

наловъ и самъ надѣваетъ на нихъ шапочку, называемую барретомъ. Они дѣлаютъ папѣ земной поклонъ и цѣлуютъ его туфли. Въ слѣдующей, второй, но уже открытой или торжественной консисторіи папа произноситъ къ новоизбраннымъ кардиналамъ назидательную рѣчь, въ которой обыкновенно указываетъ на трудности служенія церкви Божіей „въ наше время“ и о тяжелыхъ вообще обязанностяхъ кардиналовъ. Этимъ случаемъ папы часто пользуются, чтобы публично и торжественно высказать свой взглядъ на то или другое событіе въ жизни общественной или политической. Послѣ папской рѣчи новоизбранные кардиналы произносятъ торжественную присягу на вѣрность римско—католической церкви и безусловное послушаніе папѣ, при чемъ въ особеннымъ нажимомъ въ прежнее время отмѣчалось то, что они никогда не подадутъ своего голоса за отчужденіе наслѣдія св. Петра и никакимъ способомъ не окажутъ этому своего содѣйствія. ¹⁾ Засимъ, каждому изъ новоизбранныхъ кардиналовъ папа жалуется красную, широкополую съ пятнадцатю кистями, шляпу (*jucchetto rosso*), говоря: „*esto cardinalis!*“ („будь кардиналомъ“), и лобызаетъ его (даетъ *osculum oris*—поцѣлуй усть), а кардиналъ кланяется ему въ ноги и цѣлуетъ туфли. Остальные кардиналы также привѣтствуютъ новоизбранныхъ лобызаніемъ, которое называется *osculum pacis*—лобызаніемъ мира. Эта вторая консисторія у католиковъ извѣстна подъ названіемъ „замкнутія усть“. Третья называется „отверженіемъ усть“, потому что на ней новоназванные кардиналы произносятъ свои рѣчи въ отвѣтъ на рѣчь папы, сказанную во второй консисторіи. Въ это же время они получаютъ изъ рукъ папы кольцо и пожалованіе титула. Со временъ папы Пія V (съ 1571 года) торжественное возведеніе въ кардинальное достоинство (*promotio*) не считается обязательнымъ: папа имѣетъ право назначить какого—либо клерика въ кардиналы и его назначеніе держать, по различнымъ обстоятельствамъ, въ тайнѣ, *in petto* (итальянское слово *petto* значитъ—грудь); тѣмъ не менѣе и назначенный только, безъ промоціи, съ момента назначенія пользуется всѣми правами дѣйстви-

¹⁾ Теперь — говорятъ — это мѣсто въ кардинальской присягѣ опущено, равно какъ и смягчено выраженіе относительно преслѣдованія еретиковъ.

тельнаго кардинала: онъ можетъ участвовать даже, съ правомъ голоса, и въ избраніи папы, если, конечно, у него есть папское удостовѣреніе о состоявшемся назначеніи его въ кардинальское достоинство. Удостоенные званія кардинала, но за дальностію мѣста своей службы не явившіеся въ Римъ для промоціи получаютъ барретъ и кардинальскую шляпу (*galerus rubeus*)—черезъ папскую почетную гвардію, или даже по почтѣ, а возведенные въ кардинальское достоинство по презентациіи какого либо изъ выше названыхъ монарховъ—черезъ послѣдняго. Но какъ тѣ, такъ и другіе кардиналы должны дать обѣщаніе—не далѣе, какъ чрезъ годъ явиться въ Римъ и немного пооббивать „апостольскіе пороги“—*limina apostolorum*, ¹⁾ для полученія титула. Если бы какой либо кардиналъ не исполнилъ этого обѣщанія, то онъ былъ бы лишень своего достоинства. За полученіе кардинальскаго достоинства въ папское казначейство уплачивается 2832 скуди 20 байокко или 15.000 франковъ, ²⁾ а на русскія деньги—3823 руб. 30 коп. ³⁾ Въ частности: 1) за самое назначеніе (*creatio*) въ кардинальское достоинство—1342 скуди (при этомъ 600 скуди за кольцо), 2) за полученіе баррета—692 скуди 40 байокко, 3) за полученіе кардинальской шляпы—680 скуди и 80 байокко, 4) за услуги статсъ—секретаря—91 скуди и 5, въ *famiglia dei parenti* папы ⁴⁾—26 скуди. Такова такса по закону; но въ дѣйствительности и по курсу полученіе кардинальства никогда не обходится меньше 10.000 рублей.

3. *Права и привилегіи кардиналовъ.* Долгое время кардиналы не пользовались никакими особенными правами и привилегіями ни сами между собою, ни среди римско-католическихъ клериковъ. Только когда въ послѣдствіи они стали оказывать весьма сильное вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю жизнь всей католической церкви, а особенно со второй половины XI вѣка, когда имъ однимъ было предоставлено право—избирать папъ, они являются „князьями церкви“ и

¹⁾ У Вальтера, § 132 а, стр. 308.

²⁾ У Зильбернагля, стр. 248—249.

³⁾ Скуда или скудо—итальянская серебряная монета въ папскихъ владѣніяхъ—въ 1 р. 35 к. с., въ Сардиніи—въ 1 р. 18 к., въ Пьемонтѣ—въ 1 р. 77 к., въ Сициліи—въ 1 р. 28 к.,

⁴⁾ Т. е. въ пользу семейства родителей папы.

занимають почетнѣйшее положеніе въ римско-католическомъ клерѣ. Съ тѣхъ поръ права ихъ и привилегіи постоянно расширялись. Уже въ XIII вѣкѣ въ глазахъ католическихъ клериковъ даже кардиналы-діаконы, по своему рангу, стояли выше не только епископовъ, но и архіепископовъ и патріарховъ. На первомъ Ліонскомъ соборѣ, который католики считаютъ вселенскимъ, въ 1245 году, всѣмъ кардиналамъ, не исключая ни пресвитеровъ, ни діаконовъ, папою были предоставлены мѣста выше епископовъ и архіепископовъ. Самое слово *cardinalis* измѣнило свое значеніе. Раньше, какъ мы видѣли, кардиналами назывались вообще главные священники (настоятели) приходскихъ церквей въ Римѣ; въ Италіи кардиналами назывались также и каноники многихъ митрополитанскихъ капитуловъ. Но въ 1567 году папа Пій V въ своемъ декретѣ разъяснилъ, что кардиналами могутъ называться только одни дѣйствительные члены кардинальской коллегіи.

Въ настоящее время кардиналы занимають въ католической церкви рангъ послѣ папы. Еще папа Урбанъ VIII въ 1630 году даровалъ имъ титулъ: *eminentissimi et reverendissimi* (превосходительнѣйшіе и досточтимѣйшіе), и они имѣють право не разговаривать съ тѣми лицами (за исключеніемъ императоровъ и королей), которыя въ своемъ обращеніи къ нимъ не употребляютъ этого титула, и не принимать писемъ, въ которыхъ этотъ титулъ ихъ не упомянуть.

По своему рангу кардиналы сравнены съ коронованными князьями; но поэтому именно имъ и запрещено носить свѣтскій княжескій титулъ: исключеніе сдѣлано только для лицъ, принадлежащихъ къ императорскимъ и королевскимъ фамиліямъ. На своихъ гербахъ они также не должны имѣть короны, но—кардинальскую шляпу. Старшинство между кардиналами опредѣляется: для епископовъ—по времени полученія епископскаго посвященія, а для священниковъ и діаконовъ—по времени полученія кардинальскаго достоинства. Въ консисторіяхъ, какъ частныхъ, такъ и публичныхъ, папа называетъ кардиналовъ (не исключая пресвитеровъ и діаконовъ) своими братьями—*fratres mei*, а каждого въ отдѣльности—своимъ возлюбленнымъ сыномъ—*carus meus filius*. Папа Иннокентій IV въ 1245 году даровалъ кардиналамъ право носить красную шляпу и красный барретъ, а

папа Павелъ IV въ 1464 году—пурпуровое одѣяніе (отъ чего они называются также *purpurati*) и золотое сапфировое кольцо. При богослуженіяхъ кардиналы-пресвитеры и кардиналы-діаконы возлагаютъ на себя митру изъ шелковой камчи (узорчатой ткани) и *pontificalia* (епископскія облаченія). Вообще же имъ принадлежатъ тѣ же привиллегіи, которыми пользуются и епископы: они могутъ имѣть у себя въ квартирѣ домовую церковь (*oratorium*) и переносный престолъ (*altare portatile*) и пользоваться послѣднимъ во время своихъ путешествій, устраивая богослуженія, даже совершая мессу въ частныхъ домахъ и гостинницахъ; духовника они имѣютъ право избирать себѣ въ любомъ діоцезѣ (епархіи) изъ одобренныхъ для этого священниковъ. Они имѣютъ право на кресло и рѣшающій голосъ въ засѣданіяхъ „вселенскихъ“ соборовъ. Имъ принадлежитъ право визитаціи и дисциплинарныхъ взысканій, равно какъ и дарованія бенефицій. Кардиналы-діаконы могутъ совершать всѣ низшія посвященія.—Личность кардиналовъ неприкосновенна: по конституціи папы Пія V „*Infelicitis saeculi*“ отъ 19 декабря 1569 года, за причиненное кардиналу оскорбленіе виновный долженъ быть подвергнутъ такому же наказанію, какъ и за оскорбленіе величества. Сами же кардиналы могутъ быть судимы только папою. Кардиналамъ-епископамъ принадлежатъ права кандидатуры на ближайшія къ Риму епископскія кафедры; послѣ епископовъ этимъ правомъ пользуются кардиналы—пресвитеры, а послѣ нихъ кардиналы—діаконы. Кардиналы—пресвитеры и кардиналы—діаконы считаются первыми кандидатами на соотвѣтствующія ихъ санамъ должности въ самомъ Римѣ. Годовой окладъ кардинальскаго содержанія опредѣленъ въ 4.000 скуди (т. е. въ 7.400 руб.); если таковой суммы кардиналъ не получаетъ отъ своего бенефиціума (епархіальной должности), то по распоряженію папы Павла IV, недостающее ежемѣсячно доплачивается ему изъ папскаго казначейства, изъ такъ называемаго *ротула*, т. е., капитала, предназначеннаго на выдачу жалованья только кардиналамъ, состоящимъ предсѣдателями или членами ватиканскихъ конгрегацій и различныхъ судебно-административныхъ учрежденій при папѣ. По постановленію папы Сикста V, тѣ правительства, по презентациіи которыхъ въ ихъ странѣ епископъ возводится въ кар-

динальское достоинство, обязаны ежегодно давать ему такъ называемую „тарелочку“, т. е. 4.000 скуди (10.000 фл.) на расходы по представительству ¹⁾).

4. *Обязанности кардиналовъ* состоятъ въ слѣдующемъ: а, кардиналы суть непремѣнные члены кардинальской коллегіи и обязаны принимать участіе въ ея консисторіяхъ (засѣданіяхъ); б, Всѣ кардиналы, за исключеніемъ состоящихъ епископами внѣ итальянской провинціи Рима, обязаны жить въ Римѣ, и не могутъ оставлять его безъ разрѣшенія папы, въ противномъ случаѣ или если они, безъ уважительной причины, даже по требованію папы, не возвращаются въ Римъ, къ мѣсту своего служенія, они лишаются своего достоинства. Зато кардиналы—епископы, имѣющіе свои кафедръ въ „подгороднихъ“ (т. е., близкихъ къ Риму) епархіяхъ, освобождаются отъ общей для всѣхъ клериковъ обязанности неотлучно пребывать въ своихъ епархіяхъ. в, Кардиналы обязаны безпрекословно выполнять всѣ возлагаемыя на нихъ папою порученія. г, Кардиналы должны принимать участіе во всѣхъ дѣлахъ папскаго управленія; но зато папа, издавая буллу, декретъ или конституцію, обязательно упоминаетъ въ нихъ о своемъ совѣщаніи съ кардиналами. д, Кардиналы обязаны участвовать во всѣхъ торжественныхъ священнодѣйствіяхъ, совершаемыхъ папою, какъ его „ассистенты“. Наконецъ, е, кардиналы, пребывающіе въ Римѣ, участвуютъ въ конклавѣ и подаютъ голосъ при избраніи папы.

5. *Составъ кардинальской коллегіи.* Кардинальская коллегія, какъ мы сказали уже, состоитъ изъ 70-ти членовъ. Ея представителемъ является кардиналь—деканъ, каковымъ, по постановленіямъ папы Павла V (въ 1555 году), Бенедикта XIII (въ 1724 году) и Климента XII (въ 1731 году), почти всегда бываетъ епископъ Остіи, какъ старѣйшій среди своихъ коллегъ. Онъ поэтому всегда носитъ палліумъ и, если новоизбранный папа еще не имѣлъ епископскаго сана, онъ рукополагаетъ его. За деканомъ слѣдуетъ субдеканъ—епископъ города Порто, далѣе—кардиналь—камерлингъ (лицо отличное отъ кардинала—камерлинга папской свиты). На немъ лежитъ обязанность заботиться о доходахъ кардинальской комиссіи. Онъ ежегодно назначается снова въ пер-

¹⁾ Срв. Зильбернагла, стр. 249.

вой консисторіи передачею краснаго кошелька. Канцеляріею кардинальской коллегіи завѣдуетъ clericus nationalis, какъ секретарь или дѣлопроизводитель, обязательно избираемый изъ французовъ, нѣмцевъ или испанцевъ: итальянцевъ на эту должность не назначаютъ. Но консультантомъ по рѣшенію судныхъ дѣлъ или соллицитаторомъ (sollicitator) можетъ быть и итальянецъ, по происхожденію, если онъ получилъ юридическое образованіе. Computator или computista вѣдаетъ въ коллегіи канцелярскую бухгалтерію. Кардинальская коллегія обыкновенно именуется *священною*.

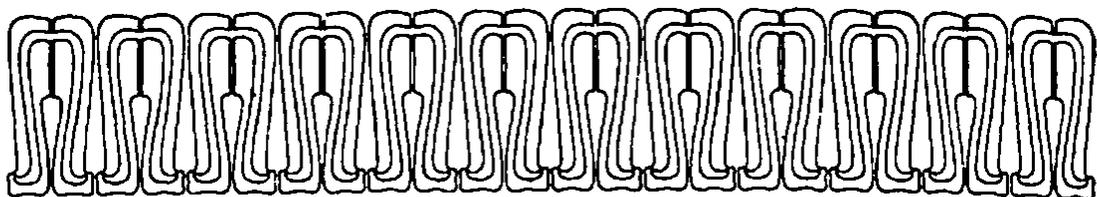
6. *Кардинальскія консисторіи*. (Consistoria cardinalium). Совѣщанія кардиналовъ о дѣлахъ римской церкви происходятъ въ засѣданіяхъ, которыя называются *консисторіями*. Предсѣдательствовать въ кардинальскихъ консисторіяхъ, собственно, долженъ бы самъ папа; поэтому и устраиваются они обыкновенно въ папскомъ дворцѣ,—въ ватиканѣ. Определенныхъ дней для кардинальскихъ консисторій нѣтъ, но папа назначаетъ ихъ по своему усмотрѣнію и по требованію обстоятельствъ. Кардинальскія консисторіи бываютъ трехъ видовъ: а, тайныя, закрытыя или обычныя, б, чрезвычайныя, открытыя или торжественныя и в, полуоткрытыя. На закрытыхъ или обычныхъ консисторіяхъ папа лично присутствуетъ весьма рѣдко. Въмѣсто него, по его порученію и отъ его имени, этими консисторіями обычно руководить кардиналъ—деканъ, а за его болѣзнію или отсутствіемъ—даже кардиналъ камерлингъ или статсъ—секретарь. Въ прежнее время онѣ устраиваемы были каждую недѣлю, потомъ—разъ въ мѣсяць, а теперь только по мѣрѣ надобности и по распоряженію папы. Они имѣютъ скорѣе подготовительное значеніе, чѣмъ рѣшающее. Черезъ нихъ папа узнаетъ лишь общее мнѣніе своихъ ближайшихъ совѣтниковъ по интересующимъ его предметамъ. Предметами кардинальскихъ совѣщаній въ этихъ консисторіяхъ служатъ: замѣщеніе епископскихъ кафедръ, закрытіе существующихъ или открытіе новыхъ епархій, измѣненіе ихъ границъ, промоція кардиналовъ, доклады о радостныхъ и скорбныхъ событіяхъ въ церкви, сношенія съ правительствами католическихъ государствъ и т. п. Что происходитъ на тайныхъ собраніяхъ, о томъ кардиналы должны хранить строжайшее молчаніе. Торжественныя засѣданія или консисторіи устраиваются только

для промоцій новоизначенныхъ кардиналовъ, для объявленія о канонизованныхъ святыхъ и для торжественнаго приёма иностранныхъ посланниковъ, вручающихъ папѣ свои довѣрительныя грамоты. На эти консисторіи приглашаются отъ имени папы проживающіе въ Римѣ католическіе князья, принцы, герцоги, иностранные послы, почетные вельможи, важные прелаты и т. п. Полуоткрытыми консисторіями называются такія засѣданія кардиналовъ, подъ предсѣдательствомъ папъ, на которыхъ только объявляются рѣшенія, предварительно составленныя въ тайныхъ консисторіяхъ,—читаются папскія энциклики, буллы, бреве, конституціи и т. п. Въ промежутокъ времени отъ смерти, отреченія или низложенія одного папы до избранія другого никакія кардинальскія консисторіи происходить не могутъ, за отсутствіемъ предсѣдателя.

Проф.-прот. Т. И. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Опытъ Нравственнаго православнаго Богословія въ апологетическомъ освѣщеніи.

(Продолженіе *).

Гарнакъ, объясняя самыя выраженія τῆ κοινωνία, „Въ общеніи“ (Дѣян. 2, 42) и εἶχον ἅπαντα ἄλλοις, „всё у нихъ было общее“ (Дѣян. 4, 32), употребительныя при описаніи древняго „общенія имуществъ“, находятъ, что эти выраженія равнозначущи слову συμπῶσις—братское сожитіе, взаимная братская помощь. „Въ новозавѣтномъ словоупотребленіи κοινωνία и κοινωνεῖν,—говоритъ онъ,—означаютъ дѣло христіанской благотворительности и милосердія (Рим. 12, 13; 15, 26; 2 Кор. 8, 4; 9, 13; 1 Тим. 6, 18), что и выразилось въ христіанскихъ общинахъ въ устройствѣ ежедневныхъ общихъ трапезъ, для которыхъ каждый приносилъ свою долю“¹⁾. Такой же взглядъ на общеніе имуществъ у первыхъ христіанъ, какъ на одну изъ формъ древне-христіанской благотворительности, вытекающую изъ безпредѣльной любви ихъ другъ къ другу, высказываетъ и *Ульгорнъ*. „То, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою,—говоритъ онъ,—есть не особое какое-либо учрежденіе общенія имѣній, а только щедрое до величавости подаваніе милостыни, самымъ искреннимъ образомъ и въ широкомъ объемѣ совершавшееся въ пылу первой любви уравненіе владѣній“²⁾. Слѣдствіемъ этого

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 8 за 1915 г.

¹⁾ Die christliche Gemeinde gottesdinst im apostolischen und altkatholischen Zeitalter“. Erlangen 1854, s. 83—84.

²⁾ „Христіанская благотворительность въ древней Церкви“. Спб., 1900 г., стр. 71. Ср. *Штейнъ* „Соціальный вопросъ съ философской точки зрѣнія“. Москва, 1899 г., стр. 219.

первоначальнаго христіанскаго коммунизма было то, что между іерусалимскими христіанами „не было никого нуждающагося“. т. е. это не значить, какъ полагають социалисты, чтобы всѣ степени богатства были сглажены, такъ что никто не былъ ни богаче, ни бѣднѣе своего брата, но—что всякій, кто нуждался, получалъ отъ другихъ собратьевъ необходимую помощь. Такимъ образомъ, въ первенствующей христіанской общинѣ не было и намѣка на имущественный коммунизмъ въ социалистическомъ смыслѣ. Даже *Ренанъ* прямо утверждаетъ, что первохристіанскій коммунизмъ имѣеть не экономическую, а религіозную основу, которой нѣтъ у современнаго социализма¹⁾. Дѣйствительно, немногочисленные члены іерусалимской общины, полные религіознаго одушевленія, видѣли свое призваніе не въ пріобрѣтеніи имущества, хотя бы на общую пользу, а въ молитвѣ и служеніи слова“. (Дѣян. 6, 4). Призванные возродить человѣчество словомъ евангельской благодати и истины, они желали, съ одной стороны, освободиться отъ заботъ матеріальной жизни, а съ другой,—удовлетворить нужды тѣхъ, кто посвятилъ себя служенію слова. Въ этомъ случаѣ первая христіанская община въ Іерусалимѣ была лишь естественнымъ продолженіемъ апостольской общины, окружавшей Христа. Весьма возможно, что у членовъ іерусалимской общины, въ подражаніе этой послѣдней, явилась и *общая* касса, на подобіе той, какая была въ обществѣ Іисусовомъ (Іоан. 12, 6).

Но, что особенно надобно замѣтить—это то, что отреченіе первыхъ христіанъ отъ своего имущества въ пользу общины было не *принудительнымъ* и *внѣшне обязательнымъ*, а совершенно *свободнымъ* для каждаго актомъ общественной благотворительности, вытекающимъ изъ внутренней потребности горячо любящаго сердца. О какихъ-либо принудительныхъ отчужденіяхъ частной собственности, на которыхъ настаиваютъ *социалисты*, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Апостолы не издавали для іерусалимской общины закона, который обязывалъ бы каждаго ея члена продавать свое имущество и вырученное отдавать апостоламъ. Это очевидно изъ словъ Дѣяній Апостольскихъ: „и никто ничего изъ имѣнія *своего* не назвалъ (ἐλεγεῖν) своимъ, но всё у нихъ было общее“. Самое это изреченіе было бы невозможнымъ

¹⁾ „Апостолы“. Сиб. 1907 г., стр. 87.

при предположеніи общеобязательнаго закона продажи и раздачи имѣній. Если при принятіи въ общину требовалось, чтобы человѣкъ отчуждалъ свою собственность для увеличенія общественной кассы, то нельзя уже было бы сказать, что имущество его принадлежало *ему*, потому что въ дѣйствительности у него не было уже никакого имущества.

Что „общеніе имущества“ отнюдь не было принудительнымъ, а было именно добровольнымъ,—это съ особенною ясностію выступаетъ изъ словъ Петра къ Ананіи, обращенныхъ къ нему по поводу сокрытія имъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи части имѣнія: „Чѣмъ ты владѣлъ, не твое ли было, и пріобрѣтенное продажею не въ твоей власти находилось? Для чего ты положилъ это въ сердце твоемъ? Ты солгалъ не человѣкамъ, но Богу“ (Дѣян. 5, 4. Ср. 3, 9). Очевидно, не существовало закона совнѣ, который обязывалъ бы Ананію продать свою собственность и вырученное отдать бѣднымъ. Апостолъ прямо говоритъ, что Ананія воленъ былъ распорядиться своими деньгами, какъ ему было угодно, и не въ томъ состояло его преступленіе, какъ думаетъ *Каутскій*,¹⁾ что онъ утаилъ часть своихъ денегъ отъ общины, а въ томъ, что онъ рѣшился обмануть апостоловъ и всѣхъ вѣрующихъ, и тѣмъ, съ одной стороны, обнаружилъ скупость и лукавство, съ другой—наругался надъ Духомъ Святымъ, думая обмануть, въ лицѣ вѣрующихъ, Самого Бога. Св. *Іоаннъ Златоустъ* видитъ еще въ этомъ преступленіи Ананіи страшный грѣхъ *святотатства*. „Замѣтимъ“,—говоритъ онъ,—„что Ананія былъ обвиненъ въ томъ, что утаилъ часть денегъ, которая *посвятилъ Богу*. Апостолъ говоритъ ему: развѣ ты, продавъ свое имѣніе, не могъ располагать цѣною его, какъ своею собственностію? что препятствовало тебѣ въ этомъ случаѣ? Итакъ, зачѣмъ ты *крадешь*, послѣ того, какъ ты добровольно обѣщалъ? Я не приказывалъ тебѣ ни продавать, ни приносить мнѣ денегъ; ты сдѣлалъ это по своему собственному желанію. Итакъ, зачѣмъ ты укралъ серебро, которое сдѣлалось *священнымъ*? Но ты могъ сохранить свое имущество и ничего не обѣщать. Утаявая его, послѣ того, какъ оно стало *священнымъ*, ты совершилъ вели-

¹⁾ „Предшественники новѣйшаго социализма“. Изд. 2. 1907 г., стр. 23.

кій грѣхъ *святотатства*... Твой поступокъ не заслуживаетъ прощенія и извиненія“ ¹⁾).

Какъ бы то ни было, принципъ *добровольности* составляетъ самую выдающуюся черту въ первохристіанскомъ „общеніи имуществъ“ и полагаетъ коренное различіе между нимъ и юридически—обязательнымъ коммунизмомъ, исключаящимъ частную собственность. Они отличаются между собою какъ свѣтъ и тьма. Апостольское общеніе имуществъ говорило „все мое—твое“; а современный коммунизмъ проповѣдуетъ: „все твое—мое“. Христіанское ученіе о братствѣ вѣрующихъ, лежавшее въ основѣ іерусалимскаго общенія имуществъ, ведетъ только къ тому, что каждый христіанинъ долженъ быть готовъ на всякую возможную помощь своему ближнему, но никакъ не отрицаетъ частной собственности, поставляя даже въ законномъ употребленіи ея многія высокія добродѣтели. И, если бы это ученіе вошло въ общественную жизнь и въ ней нашло свое осуществленіе, то не понадобилась бы никакая коммунистическая теорія для устройства общаго благосостоянія. Въ томъ и состоитъ заблужденіе теоретиковъ общественнаго благоустройства, что они хотятъ достигнуть его внѣшними узаконеніями, забывая, что оно возможно только при соблюденіи членами общества готовыхъ, христіанскихъ законовъ любви и правды.

Чтобы доказать, что христіанство отрицаетъ частную собственность, коммунисты не ограничиваются библейскими аргументами, а приводятъ еще соотвѣтствующія мѣста изъ твореній св. отцовъ и учителей Церкви. ²⁾ Что сказать о святоотеческихъ основаніяхъ „христіанскаго коммунизма“?

Ученіе св. отцовъ о собственности вполнѣ опредѣленно, такъ какъ не допускаетъ различія во взглядахъ на предметъ, и можетъ быть выражено въ немногихъ словахъ: богатый есть только распорядитель имуществомъ бѣднаго. Все, что мы имѣемъ, принадлежитъ Богу, и въ дѣйствительности нѣтъ ничего такого, что бы могло быть названо моимъ или

¹⁾ Творенія. Изд. Спб. дух. Академіи, т. IX, кн. 1, стр. 119.

²⁾ Эти мѣста собраны у Ульюрна, „Новая заповѣдь Христова о любви“. Спб. 1904 г., стр. 117—127.

твоимъ ¹⁾. Нѣкоторые изъ отцовъ Церкви еще далѣе проводятъ эти начала. Такъ, св. *Амеросій Медиоланскій* въ своей проповѣди о Навуеѣ говоритъ: „Земля дана въ общее владѣніе всѣмъ, богатымъ и бѣднымъ. Почему же вы, богатые, требуете правъ собственности только для самихъ себя“? ²⁾. Еще прямѣе и рѣшительнѣе св. отецъ выражается по этому предмету въ другомъ мѣстѣ; „природа все предоставила всѣмъ вообще. По повелѣнію Божію, произрастающее должно служить пропитаніемъ для всего вообще живущаго; и земля должна быть общимъ владѣніемъ всѣхъ людей. Итакъ, природа создала общее право, а насиліе передѣлало его въ частное“ ³⁾. Но, не смотря на столь смѣлыя, даже жесткія слова, по временамъ вырывающіяся изъ святоотеческихъ устъ, можемъ ли сказать, что отцы Церкви отрицали право частной собственности? Конечно, нѣтъ. Они отнюдь не отрицали частной собственности, а только придавали ей возвышенную нравственную оцѣнку. Утверждать противное, значитъ не понимать самого источника, откуда исходятъ воззрѣнія св. отцовъ на собственность, и цѣль, которая ими преслѣдовалась. Не нужно забывать, что они были строжайшими носителями христіанскаго идеала духовной сво-

¹⁾ См. св. *Кипріяна Карфагенскаго*, „Книга о благотвореніяхъ и милостыни“, ч. II, стр. 276—277, русск. перев. Кіевъ, 1879 г.; св. *Григорій Богословъ*. Творенія, т. II, стр. 97; [т. V, стр. 176; т. II, стр. 22—30; св. *Іоаннъ Златоустъ*. Творенія, т. VI, стр. 593; т. I, стр. 796; т. VII, стр. 779—780; Ср. т. VI, стр. 12; т. XI, стр. 704; св. *Григорія Нисскаго*, Творенія т. VII, стр. 406—407; бл. *Августина*, Бесѣда на псалмы 147, цитир. по *Ульморну*, „Исторія христ. благотворительности“, стр. 271; бл. *Іеронима*, Письмо въ Алгазію, т. III, стр. 190. русск. перев., а также письмо къ Евстолию, т. III, стр. 36 и др. Желающаго ознакомиться съ систематически-обстоятельнымъ изложеніемъ святоотеческаго ученія о собственности и богатствѣ отсылаемъ къ сочиненію *В. И. Экземпларскаго*, „Ученіе древней Церкви о собственности и милости“. Кіевъ, 1910 г. стр. 27—51; 72—153. Изъ иностранной литературы о богатствѣ и собственности, по ученію древнихъ церковныхъ писателей, можно назвать прекрасную монографію *Schilling'a*, „Reichtum und Eigentum in der altkirchlichen Literatur“. Freib. in Breisgau, 1908.

²⁾ См. у *Ульморна*, „Новая заповѣдь Христова о любви и благотворительности въ первые вѣка христіанства“. Перев. *А. П. Лопухина*. Спб. 1907 г., стр. 267.

³⁾ „Объ обязанностяхъ священнослужителей“, кн. I, гл. 28. Перев. *Г. Прохорова*. Казань, 1908 г., стр. 121.

боды и братской любви, и что цѣлью ихъ проповѣди было водворить этотъ идеалъ въ наличной, далеко уклонившейся отъ него, жизни. Тогда станетъ яснымъ, что св. отцы проповѣдывали то самое ученіе о правѣ собственности, которое проповѣдуется словомъ Божиимъ и Христовой церковью, а послѣдняя явственно выразила свой взглядъ на это право, когда она осудила Севастійскаго епископа *Евстація*, который отказывалъ въ надеждѣ на спасеніе тѣмъ, кто не отрекался отъ своихъ имѣній. По мысли *Гангерскаго* собора (прав. 4), осудившаго это мнѣніе, богатый, какъ и бѣдный, не исключается изъ царства небеснаго, такъ какъ Богъ смотритъ не на богатство, а на расположеніе сердца.“

Иное дѣло идеалъ и иное—осуществленіе его. Пока ярко горѣлъ пламень христіанской любви, подъ его дѣйствіемъ попялялись всякія тернія соціального неравенства между людьми, господствовавшаго въ древнемъ мірѣ, и въ первобытныхъ христіанскихъ общинахъ находило себѣ примѣненіе даже высшее проявленіе братской любви, именно общеніе имущества. Но, по мѣрѣ того, какъ христіанское общество расширялось, внѣшне организовывалось, первоначальный идеалъ неизбежно долженъ былъ нѣсколько понизиться, а впоследствии, когда официально греко-римскій міръ объявленъ былъ христіанскимъ, независимо отъ системы внутренняго достоинства и убѣжденія, то это пониженіе идеала должно было сказаться въ еще болѣе печальныхъ формахъ. Языческій міръ вновь сталъ вторгаться въ Церковь со своимъ безграничнымъ эгоизмомъ, и это по необходимости должно было отражаться и во взаимныхъ имущественныхъ отношеніяхъ христіанъ. Прежняя идеальная простота этихъ отношеній исчезла, опять появилось рѣзкое раздѣленіе на богатыхъ и бѣдныхъ, а съ этимъ раздѣленіемъ явились и всѣ неразлучныя съ нимъ крайности—съ одной стороны безумной роскоши, а съ другой—вопіющей бѣдности. Неудивительно, что не только такія крайности, но и самый строй общественной жизни, какъ порождавшій такое возмутительное неравенство имущественныхъ состояній, не могъ возбуждать сочувствія у тѣхъ, кто сами постоянно жили въ области христіанскаго идеала и жаждали увидѣть его осуществленіе на землѣ.

Вотъ почему отцы Церкви, скорбя о несоотвѣтствіи возвещаннаго христіанствомъ идеала съ дѣйствительностію,

которая представляла въ разсматриваемое время поистинѣ печальную картину, любили находить себѣ утѣшеніе въ этомъ самомъ идеалѣ,—переноситься мыслію въ первобытный Эдемъ, гдѣ все дышало невинностію, любовію и блаженствомъ,—возвращаться, наконецъ, къ первымъ днямъ христіанства, когда „никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее“ (Дѣян. 4, 32) ¹⁾. Но отъ этихъ благочестивыхъ мечтаній св. отцовъ объ идеальномъ устройствѣ матеріальной жизни до безсмысленныхъ утопій ярыхъ противниковъ частной собственности—безконечное разстояніе. Стоило только выступить какому-нибудь новатору, который подвергалъ бы сомнѣнію право личной собственности, какъ эти же великіе носители христіанскаго идеала первые выступали въ защиту *неприкосновенности* этого права. Такъ, едва ли кто сильнѣе св. *Іоанна Златоуста* (котораго нѣкоторые изслѣдователи приравнивали въ этомъ отношеніи даже къ такимъ демагогамъ, какъ *Грахи*) возставалъ противъ всякаго посягательства на чужую собственность, какимъ бы благовиднымъ предлогомъ ни прикрывалось это посягательство. Не могъ отрицать права собственности тотъ, съ каеэдры котораго раздавались слова: „пользуйтесь житейскими благами²⁾, изгони только корыстолюбіе“, и который, по его собственнымъ словамъ, „не осуждалъ имѣющихъ дома, поля, деньги, слугъ, а только желалъ, чтобы они владѣли всѣмъ этимъ осмотрительно и надлежащимъ образомъ“ ³⁾. „Имѣть богатство“,—разсуждаетъ Златоустъ,—„не грѣшно, грѣхъ—не раздѣлять его бѣднымъ“ ⁴⁾, ибо „не богатство—зло, а любостыжаніе и сребролюбіе“ ⁵⁾. „Иное дѣло“,—замѣчаетъ онъ,—„достаточный и иное корыстолюбивый“ ⁶⁾. Вѣдь, „если бы богатство было зломъ, то мы всѣ не могли бы войти въ нѣдра Авраама, который имѣлъ

¹⁾ См. св. *Кипріанъ Карфагенскій*. „Книга о благотвореніяхъ и милостыни“, ч. II, стр. 276—277; св. *Амвросій Медиоланскій*. „Избранныя поучительныя слова св. Амвросія“. Слово 1, „О единствѣ любви“ Рус. слов. перев. 1853 г., стр. 2—3; св. *Іоаннъ Златоустъ*. Бесѣды 7 и 11 на книгу Дѣяній, т. IX, стр. 73, 110—114 и др.

²⁾ Творенія, т. XI, стр. 118.

³⁾ Творенія, т. VIII, стр. 129.

⁴⁾ Творенія, т. X, стр. 129.

⁵⁾ Творенія, т. II, стр. 33.

⁶⁾ Творенія, т. III, стр. 412.

рабовъ, рожденныхъ въ его домѣ“¹⁾. „Опять, скажутъ мнѣ, ты противъ богатыхъ“,—говорить въ одной изъ своихъ бесѣдъ св. отецъ, очевидно, слышавшій такіе упреки?—„Я“,—отвѣчаетъ онъ,—„не противъ богатыхъ, но за богатыхъ. Я не нападаю на нихъ, я хочу исцѣлить ихъ“²⁾.

Однакожъ, отцы и учителя Церкви, защищая неприкосновенность частной собственности, считали невозможнымъ обосновать ее на божественномъ правѣ. По ихъ убѣжденію, право личной собственности не можетъ принадлежать къ области благодатно-христіанской жизни: во Іисусѣ Христѣ нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ (Ср. Притч. 22, 1—2), ни моего, ни твоего³⁾. Тѣмъ не менѣе, частная собственность въ глазахъ древнихъ церковныхъ писателей—неприкосновенна и существуетъ, если не по божественному, то по человѣческому или гражданскому праву. „По какому праву“,—спрашиваетъ бл. Августинъ,—„каждый владѣеть тѣмъ, чѣмъ онъ владѣеть? Не человѣческому ли праву? Ибо, согласно божественному праву, Богъ создалъ богатыхъ и бѣдныхъ изъ одной грязи; и одна и та же земля ихъ носить... Но человѣческое право есть ничто иное, какъ право государственное. Почему? Потому что чрезъ императоровъ и князей вѣка раздаетъ Богъ человѣческое право человѣческому роду... Итакъ, не говорите: какое мнѣ дѣло до царя, ибо тогда, что стали бы вы дѣлать со своими собственными имуществами? Только на основаніи права, установленнаго ца-

¹⁾ Тамъ же, стр. 53.

²⁾ Творенія, т. V, стр. 565—566.

³⁾ Св. Іоанни Златоуста творенія, т. XI, 705, Ср. т. X, стр. 9, 5; т. XI, 181.—Исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ Климентъ Александрійскій, который въ своемъ сочиненіи: „Кто изъ богатыхъ спасется“, посвященномъ вопросу о томъ, что не всегда богатство мѣшаетъ христіанскому спасенію, слѣдуя аллегорическому методу въ истолкованіи Свящ. Писанія, пытается доказать, что совѣтъ Спасителя богатому юношѣ пойти продать свое имѣніе и раздать нищимъ имѣеть не буквальный, а иносказательный смыслъ, и имѣлъ въ виду отреченіе его не отъ самого богатства, а только отъ необузданной страсти къ нему (см. это сочиненіе въ переводѣ Н. Корсунскаго, Ярославъ, 1888 г.). Въ этой попыткѣ Климента ограничить прямой смыслъ словъ Спасителя богатому юношѣ нельзя не видѣть стремленія съ его стороны приспособиться къ условіямъ человѣческаго общества и нѣсколько поуменьшить горячность первыхъ временъ христіанства.

рями, имущества составляютъ вашу собственность“¹⁾). Изъ этого мѣста бл. Августина видно, что, по ученію Церкви, принципъ неприкосновенности права cadaque владѣть принадлежащимъ ему имуществомъ утверждается именно на гражданскомъ правѣ.

Съ точки зрѣнія этого права христіанство, не отрицающее гражданскихъ нормъ общежитія, а только сообщающее имъ новое освѣщеніе, признаетъ нравственное значеніе и за институтомъ, такъ называемой, *преемственной* собственности т. е. за всякою передачею заработаннаго имущества другому лицу *по наслѣдству* или по завѣщанію. Между тѣмъ, противники частной собственности эту передачу экономическихъ преимуществъ тѣмъ, кто ихъ лично не заслужилъ, признаютъ злоупотребленіемъ, выставляя ее, какъ источникъ соціальнаго зла.

Въ опроверженіе этого возраженія противъ *наслѣственной* собственности надобно замѣтить, что безъ намеренной и добровольной передачи нажитого будетъ только физическая смѣна поколѣній, повторяющихъ прежнюю жизнь, какъ у животныхъ. Слѣдовательно, отрицаніемъ наслѣдованія наносится ущербъ культурно-историческому и моральному росту человѣчества. Мы принимаемъ отъ предковъ по наслѣдству языкъ, обычаи, нравы и проч. Наши предки, какъ бы живутъ въ насъ и помогаютъ намъ. Безъ прошедшаго нѣтъ настоящаго и будущаго. *Вл. Соловьевъ*²⁾ по этому поводу замѣчаетъ, что „непрерывная цѣпь прогресса въ человѣчествѣ держится сознаніемъ преемственности ея звеньевъ. Пока еще только создается будущее всецѣлое единство, самый процессъ его созданія требуетъ взаимной нравственной связи поколѣній, въ силу которой одно не только слѣдуетъ за другимъ, но и *наслѣдуетъ* ему“. Въ этомъ случаѣ,—продолжаетъ онъ,—„всего важнѣе, конечно, непрерывное умноженіе духовнаго наслѣдія, но, такъ какъ лишь немногимъ людямъ суждено завѣщать всемірному потомству прочныя духовныя приобрѣтенія,—а нравственныя

¹⁾ *Августинъ*, in *Evang. Ioannis Tract.* VII, 25—26, цит. по *Жана*, „Исторія государственной науки въ связи съ нравственной философій“, кн. 1. Спб. 1876, стр. 215.

²⁾ См. „Оправданіе добра“ гл. XIII—экономическій вопросъ съ нрав. точки зрѣнія.

требованія одинаковы для всѣхъ,—то за большинствомъ людей остается право и обязанность заботы о матеріальномъ улучшеніи жизненныхъ условій для своихъ личныхъ преемниковъ“.

Право передачи имущества по наслѣдству имѣетъ въ свою пользу и другое основаніе. Законъ, запрещающій наслѣдственную передачу имущества, стѣснялъ бы свободу собственника, ограничивая его право распоряжаться тѣмъ, что приобрѣлъ онъ посредствомъ личнаго труда и таланта. Многие работаютъ не столько для себя, сколько для близкихъ имъ и дорогихъ лицъ, и если бы запрещено было передавать имъ нажитое по наслѣдству, то это могло бы убить энергію всѣхъ трудящихся¹⁾.

Признавая неприкосновеннымъ право cadaго владѣть принадлежащимъ ему по закону, христіанство учитъ насъ и *правильно относиться къ своей собственности*. Христіанину не возбраняется ни *приобрѣтать* имущество, ни *пользоваться* имъ, при извѣстномъ, конечно, условіи—согласія того и другого, приобретенія и употребленія, съ главнымъ его призваніемъ и назначеніемъ. Въ притчѣ Своей о талантахъ І. Христосъ съ поразительною ясностію признаетъ, что при мудромъ приобретеніи и пользованіи имуществомъ должна возрастать и прибыль, причемъ провозглашаетъ принципъ, по которому распределеніе собственности не только идетъ прямо противъ программы современнаго социализма, но и стоитъ въ большемъ согласіи съ закономъ самой природы; „ибо всякому имѣющему дается и приумножится, а у неимѣющаго отнимется и то, что имѣетъ“ (Мѡ. 25, 29).

Первое условіе должнаго или нормальнаго *приобрѣтенія* собственности,—то, чтобы она была приобретена *честнымъ трудомъ* (1 Фесс. 4 11), безъ всякаго ущерба благополучію другимъ. Такого собственника мудрый сынъ Сираховъ называетъ „счастливымъ“ (Сир. 31, 8) Напротивъ, неправые пути обогащенія сурово осуждаются (Ис. 9, 23—33; Прит. 15, 16—17; 19, 1). Сирахъ считаетъ грѣховными самыя жертвы Богу изъ неправедно приобретеннаго (Сир. 34, 20—22. Ср. Исх. 10, 2—3). Отсюда понятно, что *истинное богатство* есть только *трудъ*, всякій добрый, честный, полезный

¹⁾ *Павель Левитовъ*. „На современныя темы“. Екатеринбургъ, 1909 г., стр. 18—20.

трудъ. Такъ говоритъ объ этомъ не только христіанство, но и политико-экономическая наука. Она прямо заявляетъ, что капиталъ есть *трудъ*, а не деньги, которыя являются только знаками богатства, а не самимъ богатствомъ; что, слѣдовательно, все, пріобрѣтенное не трудомъ и незаконно, есть похищеніе чужой собственности, плодовъ чужого труда, есть несправедливое богатство ¹⁾).

Далѣе, никто не долженъ стремиться къ пріобрѣтенію большого имущества, чѣмъ сколько онъ въ состояніи, такъ сказать, нравственно переработать, т. е. принять въ распоряженіе нравственной воли своей. Обладать деньгами, какъ какимъ-нибудь мертвымъ капиталомъ, недостойно христіанина. Но никто не долженъ владѣть своей собственностію такъ, чтобы связать ею свое сердце, или оковать его ею ²⁾. Поэтому, если, по выраженію псалмопѣвца, не должно „прилагать сердца“ къ богатству, когда оно „течетъ“ (Пс. 61, 11), т. е. приходитъ само собою, или дается безъ особыхъ усилій; то тѣмъ болѣе не совмѣстимо съ достоинствомъ христіанина умножать богатство съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Ибо въ такомъ случаѣ заботливость о приращеніи имущества переходитъ въ алчность, сребролюбіе, которое есть „корень всѣхъ золъ“, и приводитъ къ потерѣ вѣры въ истиннаго Бога (1 Тим. 6, 10); поэтому ап. Павелъ не усумнился „любостыжаніе“ назвать „идолослуженіемъ“ (Колос. 3, 5; Ефес. 5, 5), разумѣя здѣсь, несомнѣнно, того же самаго бога—маммону, служеніе которому Спаситель объявляетъ несовмѣстимымъ со служеніемъ истинному Богу (Мат. 6, 24):

Отсюда, новое условіе достойнаго пріобрѣтенія собственности состоитъ во внутренней независимости отъ нея, не въ рабскомъ, а владычественномъ отношеніи къ ней. „Полагалъ ли я“,—спрашиваетъ праведный Іовъ,—„въ золотѣ опору мою и говорилъ ли сокровищу: ты надежда моя. Радовался ли я, что богатство мое было велико, и что рука моя пріобрѣла много?“ (Іов. 31, 24—25). Тѣмъ большую внутреннюю независимость отъ своего богатства долженъ сохранять христіанинъ. Всѣ усилія его должны быть направлены на созданіе въ себѣ такого настроенія, при которомъ онъ, обладая и

¹⁾ *И. Пятницкій*. „Нищета и богатство“. Прилож. къ ж. „Кормчій“ за 1907 г., стр. 14.

²⁾ *Мартенсенъ*. „Христ. ученіе о нравственности“, т. II, стр. 371.

пользуясь „міромъ силъ“, былъ бы. по выраженію ап. Павла, „какъ не пользующійся; ибо проходитъ образъ міра сего“ (1 Кор. 7, 31). Мы всегда должны быть готовы къ превратностямъ судьбы, и потому никогда не можемъ сказать себѣ, пародируя поистинѣ эпикурейское обращеніе къ самому себѣ безумнаго богача: „душа! много добра лежитъ у тебя на многіе годы: покойся, ѣшь, пей, веселись“ (Лук. 12, 14). Напротивъ, намъ во всякое время должно хранить въ себѣ живое сознаніе того, что отъ насъ, можетъ быть, потребуется послужить своему Господу и въ борьбѣ съ изнурительными заботами о кускѣ насущнаго хлѣба (Ср. Филип. 4, 12), подъ давленіемъ которой особенно живо чувствуется истинность изреченія: „не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человѣкъ“ (Мѡ. 4, 4). Вотъ почему, христіанинъ, по убѣжденію *св. Іоанна Златоуста*, не долженъ бояться, потерять свое состояніе ¹⁾. „Презирай имѣющееся богатство“, — наставляетъ *св. отецъ*, — „чтобы, если нѣкогда оно и отойдетъ, тебѣ не предаваться скорби. Для того оно и называется стяжаніемъ (*хтѣрата*), чтобы мы владѣли имъ, а не были его владеніемъ“ ²⁾. „Рабъ Христовъ не будетъ рабомъ богатства, но его властелиномъ“ ³⁾. И по мысли *Златоуста* гораздо скорѣе можно добиться власти надъ „неестественною“, по его выраженію, страстію къ богатству, чѣмъ надъ всѣми остальными страстями. „Изъ пожеланій“, — говоритъ онъ, — „однѣ необходимы, другія естественны, а инныя ниѣто, ни другое. Такъ, всѣ тѣ желанія, отъ неудовлѣворенія которыхъ гибнетъ животное, естественны и необходимы, какъ напр., желаніе пищи, питья и сна. Вождельніе плотское естественно, но не необходимо, такъ какъ многіе преодолѣли его, и, однако, не погибли. А желаніе богатства ни естественно, ни необходимо, а излишне: если мы захотимъ, то и не подчинимся ему“ ⁴⁾.

Если въ отношеніи къ *приобрѣтенію* имущества внутренняя независимость отъ него составляетъ лишь *отрицательную* сторону въ христіанскомъ ученіи объ отношеніи къ богатству; то въ дѣлѣ надлежащаго *употребленія* иму-

¹⁾ Творенія, т. III, стр. 432—433.

²⁾ Творенія, т. II, стр. 698.

³⁾ Творенія, т. VII, стр. 98.

⁴⁾ Творенія, т. VIII, стр. 496.

щества эта независимость отъ него составляетъ уже *положительную* сторону христіанскаго отношенія къ богатству. *Приобрѣтая* имущество, мы не должны привязываться къ нему своимъ сердцемъ; *употреблять* же имущество мы должны не на себя только, но, главнымъ образомъ, на другихъ, „дѣлая своими руками полезное, чтобы было изъ чего удѣлять нуждающемуся“ (Ефес. 4, 23. ср. 1 Тим. 6, 18; Ис. 58, 7). Богатство, по ученію христіанства, не личная привиллегія владѣющимъ имъ, которымъ можно пользоваться по произволу для своихъ прихотей, безъ участія къ бѣдственному положенію другихъ. Оно—даръ Божій, временно даваемый тѣмъ, кого Господь особенно взыскиваетъ своими милостями, чтобы и они были милостивы къ другимъ. И нѣтъ такихъ обличеній, съ которыми бы слово Божіе не обращалось противъ людей богатыхъ, употребляющихъ свои избытки на собственныя прихоти, а не на помощь бѣднымъ. „Кто имѣетъ достатокъ въ мірѣ“,—говоритъ ап. Іоаннъ,—„но, видя брата своего въ нуждѣ, затворяетъ отъ него сердце свое: какъ пребываетъ въ томъ любовь Божія“? (1 Іоан. 3, 17). Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ исключительное пользованіе своимъ достаткомъ разсматривалось не какъ законное право человѣка, но какъ тяжкое преступленіе (Втор. 15, 7—11; Пс. 9, 23—39; Притч. 11, 17; 14, 21, 31; 22, 22—23; Сир. 34, 20—22). По воззрѣнію *св. Златуста*, истинное употребленіе имущества состоитъ въ томъ, чтобы дѣлиться имъ съ бѣдными ¹⁾, которымъ оно, какъ достояніе Божіе ²⁾, принадлежитъ наравнѣ съ богатыми ³⁾. Поэтому, богатство въ рукахъ богатаго есть лишь залогъ, ввѣренный ему для храненія подѣ условіемъ спроса отчета въ его добромъ употребленіи ⁴⁾. И въ случаѣ надлежащаго употребленія богатства, оно можетъ служить не „препятствіемъ для послѣдованія Христу“ ⁵⁾, какъ бываетъ при рабствѣ ему, но однимъ изъ дѣйствительныхъ средствъ въ дѣлѣ христіанскаго спасенія (ср. 1 Тим. 6, 19) ⁶⁾. Напротивъ, недолжное употребленіе имущества есть преступленіе про-

¹⁾ Творенія, т. II, стр. 34.

²⁾ Творенія, т. IV, стр. 593.

³⁾ Творенія, т. I, стр. 796.

⁴⁾ Тамъ же, Ср. т. VII, стр. 779—780.

⁵⁾ Творенія, т. XI, стр. 879.

⁶⁾ Творенія, т. II, стр. 374.

тивъ христіанской любви, такъ какъ, если оно по волѣ Божіей принадлежитъ не намъ только, но и бѣднымъ, то не дѣлиться съ ними тѣмъ, что есть у насъ, значитъ *похищать* чужое. „Можетъ быть“,—говоритъ Златоустъ,—„слова мои кажутся вамъ удивительными, но не удивляйтесь; я представляю вамъ изъ божественныхъ писаній (Мал. 3, 10) свидѣтельство о томъ, что не только похищать чужое, но и не удѣлять изъ своего другимъ означаетъ хищеніе“¹⁾.

Имѣя въ виду при употребленіи имущества одно *истинное* свое благо и благо ближнихъ, христіанинъ, съ одной стороны, долженъ беречь его отъ бесполезной растраты, съ другой—не долженъ жалѣть его, когда требуютъ того дѣйствительныя нужды, свои и чужія. Ложная зависимость отъ богатства, въ смыслѣ незаконнаго употребленія его, именно обнаруживается, какъ въ *роскоши и расточительности*, превращающей богатство въ *средство* для наслажденія, не способной упорядочивать наслажденія нравственными задачами жизни (Лук. 15, 13), такъ и въ *скупости*, напротивъ, обращающей богатство въ *цѣль* одного лишь *обладанія* и оказывающейся не только отъ всякаго наслажденія, но и отъ удовлетворенія самыхъ необходимыхъ потребностей жизни, лишь бы собирать себѣ имѣніе и сидѣть надъ нимъ (2 Кор. 9, 6. Ср. Притч. 21, 13). Та и другая страсть, очевидно, одинаково недостойны христіанина, и въ святоотеческой письменности съ одинаковою строгостію осуждаются²⁾.

Всякая и *роскошь* и *расточительность*, по взгляду св. *Іоанна Златоуста*, несовмѣстима съ христіанскою любовью къ ближнимъ. „Что можетъ быть хуже этой изнѣженности“, спрашиваетъ св. отецъ,—„какъ спать на ложахъ изъ слоновой кости. Ибо, если ты представишь что, когда спишь на ложѣ изъ слоновой кости, другой не можетъ и хлѣба вкушать свободно, то не осудить ли тебя совѣсть и не возстанетъ ли съ обвиненіемъ противъ такой несообразности?“³⁾ „Каждый про-

1) Творенія, т. I, стр. 796.

2) Творенія, т. I, стр. 779.

3) Здѣсь имѣемъ въ виду особенно творенія св. *Іоанна Златоуста*, бесѣды котораго о богатствѣ и бѣдности должны быть признаны совершеннѣйшимъ выраженіемъ христіанскаго сознанія по данному предмету.

хожій, при взглядѣ на высоту и величіе обширнаго и великолѣпнаго дома, скажетъ себѣ или ближнему: сколько слезъ стоило построение этого дома? 1) „Стыдно украшать марморомъ стѣны безъ нужды и безъ пользы и допускать, чтобы Христосъ ходилъ среди насъ безъ одежды“ 2) „Для чего, скажи мнѣ“,—спрашиваетъ Златоустъ,—„ты носишь шелковыя одежды, ѣдишь на золотосбруйныхъ коняхъ..., а бѣдный, томимый голодомъ, сидитъ при дверяхъ твоихъ“? 3) Кромѣ этой эгоистической, въ строгомъ смыслѣ слова, расточительности бываетъ еще недостойная расточительность, извѣстная подъ названіемъ *безмысленной*, которой мы также должны избѣгать, т. е. не должны употреблять свое имущество совершенно *безъ нужды*, такъ, чтобы оттого не было никому никакой пользы. Всѣмъ намъ въ этомъ случаѣ, поучительно помнить слова Спасителя о чудѣ насыщенья пяти тысячъ человекъ пятью хлѣбами и двумя рыбами: „соберите оставшіеся куски, чтобы ничего не пропало“ (Іоан. 6, 12). „Трать его (имѣющееся у тебя имущество) на нужное,“—поучаетъ св. Іоаннъ Златоустъ.—„Для того оно и называется имуществомъ (*χρήματα*), чтобы мы употребляли его на нужное“. 4)

Не менѣе горячо и съ неменьшимъ негодованіемъ говорятъ св. отцы о *скупости*, точно также грѣшащей противъ христіанской любви къ ближнимъ. „У тебя въ виду золото, а на брата не обращаешь вниманія“,—говоритъ св. *Василій Великій*, обращаясь къ скупому богачу,—„знаешь чеканъ монеты, и различаешь настоящую монету отъ поддѣльной; но вовсе не узнаешь брата въ нуждѣ. Тебя крайне веселитъ доброцвѣтность золота, но не считаешь сколько вздоховъ бѣднаго сопровождаетъ тебя... Во всемъ видишь золото,—вездѣ представляешь золото; о немъ гредишь и во снѣ, о немъ думаешь и во время бодрствованія“ 5) „Скажи мнѣ ты“,—обращается къ скупому св. *Григорій Нисскій*,—„неодушевленное вещество имуществъ предпочитающій будущему

1) Творенія, т. V, стр. 577 и дал.

2) Творенія, т. II, стр. 34 и дал.

3) Творенія, т. V, стр. 569. Ср. *Св. Василія Великаго* Творенія, изд. 3, ч. IV. Серг. Пос. 1892 г., стр. 100—112.

4) Творенія, т. II, стр. 698.

5) Творенія, изд. 3, ч. IV, стр. 85—86.

блаженству: что за блескъ такой у золота? что за сіяніе такое у дорогихъ камней? что за убранство такое отъ одеждъ въ сравненіи съ онимъ благомъ, предлагаемымъ упованію?“¹⁾ Скупой богачъ, по словамъ *св. Іоанна Златоуста*, „услужается однимъ представленіемъ, что это мое“.²⁾

Кромѣ расточительной роскоши и скупости, ложной зависимости отъ богатства нельзя не усматривать и въ томъ образѣ мыслей и чувствъ, при которомъ обезпеченное и беззаботное существованіе, обусловливаемое упованіемъ на богатство, какъ на опору въ жизни (Притч. II, 4, 28), кажется чѣмъ—то безусловно необходимымъ. Отъ этой именно покоющейся на богатствѣ, а не на Богѣ, беззаботной обезпеченности нашего существованія и предостерегаетъ ап. Павелъ, когда пишетъ Тимоѳею; „богатыхъ въ настоящемъ вѣкѣ увѣщай, чтобы они не высоко думали о себѣ, и уповали не на богатство невѣрное, но на Бога живаго, дающаго намъ все обильно для наслажденія“ (Тимѳ. 6, 17. Ср. 1 Кор. 7, 29 и дал; Лук. 12, 19).

Къ сожалѣнію, нормальное отношеніе къ богатству—весьма рѣдкое явленіе въ жизни людей: „счастливъ богачъ“, —говоритъ Иисусъ, сынъ Сираховъ,—„который оказался безукоризненнымъ, и который не гонялся за золотомъ, Кто онъ? и мы прославимъ его; ибо онъ сдѣлалъ чудо въ народѣ своемъ. Кто былъ и искушаемъ золотомъ, и остался непорочнымъ? Да будетъ это въ похвалу ему. Кто могъ погрѣшнить, и не погрѣшилъ, сдѣлать зло, и не сдѣлалъ?“ (Сир. 31, 8—11). Такъ какъ въ поврежденной грѣхомъ природѣ человѣческой чувственное преобладаетъ надъ духовнымъ, а для чувственности нѣтъ ничего лучше какъ располагать возможно большимъ количествомъ такихъ вещей, которыя служатъ необходимыми средствами для удовлетворенія ея потребностей; то богатство, слагающееся именно изъ такихъ вещей, прежде всего склоняетъ его къ чувственному самоутюженію (Ср. Еккл. 5, 11; Лук. 12, 19). Въмѣстѣ съ тѣмъ, оно питаетъ въ человѣкѣ тщеславіе, властолюбіе и другія страсти (Ср. Лук. 16, 19). Богачи нескуны, но всецѣло преданные удовлетворенію влеченій своей чувственной страсти, по мнѣнію *св. Іоанна Златоуста*, вдвойнѣ несчастны, „пото-

¹⁾ Творенія, т. II, стр. 433.

²⁾ Творенія, т. VII, стр. 833.

му что, кромѣ той страсти (къ деньгамъ), порабощаются еще множеству другихъ: служатъ каждый день, какъ лютымъ владыкамъ, чреву, сладострастію, пьянству и другимъ видамъ невоздержанія“ 1) Та слава, которою гордятся богатые, по воззрѣнію св. отца, есть лишь высшій позоръ ихъ, такъ какъ она не имъ принадлежитъ. „Когда ты войдешь въ домъ какого—нибудь богача, и увидишь огромныя колонны, золотые карнизы, обложенныя мраморомъ стѣны... то все это слава дома, а не слава человѣка... Стѣны обложены мраморомъ: какое же отношеніе къ человѣку, живущему въ нихъ? Потолки въ золотѣ: какое отношеніе къ ихъ владѣльцу? Главы колоннъ золотыя: какое отношеніе къ главѣ хозяина, оскверненной грѣхами? Полъ чистъ? Но совѣсть не чиста. Одежды шелковыя? Но душа покрыта рубищемъ. Домъ богатый? Но хозяинъ дома—нищій“. 2) Власть, принадлежащая богатому, можетъ выразиться только въ *мщени* врагамъ, которое есть! „столь великое зло, что и Божіе человѣколюбіе прекращалось отъ него“ 3) Такимъ образомъ, богатство для человѣка, слишкомъ склоннаго къ чувственному и духовному самоугожденію, является дѣйствительно, какъ выражается Сирахъ, „деревомъ преткновенія“ (Сир. 31, 7) на пути нравственной жизни. По воззрѣнію св. Василія Великаго, богатство на пути въ Царство Небесное является тяжелымъ бременемъ, которое, подражая мореплавателямъ, выбрасывающимъ въ бурную погоду все лишнее для облегченія плаванія корабля, надобно сбросить, чтобы облегчить наше плаваніе по житейскому морю, въ направленіи къ отечеству небесному. 4)

Вотъ почему христіанство, хотя не запрещаетъ приобрѣтать богатство и пользоваться имъ, однако сильно предостерегаетъ отъ него, какъ отъ опаснаго соблазна на пути истинно богоугодной жизни (1 Тим. 6, 9; Притч. 30, 8). Въ виду этой опасности отъ богатства для истинной цѣли человѣческой жизни, Бож. Откровеніе указываетъ на темныя стороны богатства, какъ въ отношеніи его къ неизбѣжной для каждаго изъ насъ *смерти* и ожидаемой всѣми нами

1) Творенія, т. VII, стр. 833—834.

2) Творенія, т. V, стр. 572—573.

3) Творенія, т. III, стр. 486.

4) Творенія, изд. 3, ч. IV. Сергіев. Пос. 1892 г., стр. 303.

вѣчной жизни, такъ и въ отношеніи къ настроенію властвующаго имъ. „Не бойся“,—предостерегаетъ св. псалмопѣвецъ,— „когда богатѣетъ человѣкъ, когда слава дома его умножается; ибо умирая не возьметъ ничего, не пойдетъ за нимъ слава его“ (Пс. 48, 17—18. Ср. Екклез. 5, 12—15). „Лучше немногое при страхѣ Господнемъ“,—поучаетъ Премудрый,—„нежели большое сокровище, и при немъ тревога“ (Притч. 15, 16). „Бдительность надъ богатствомъ“,—говоритъ сынъ Страховъ,—„изнуряетъ тѣло, и забота о немъ отгоняетъ сонъ“ (Сир. 31, 1). Подобное нишетъ и ап. Іаковъ: „слушайте вы, богатые: плачьте и рыдайте о бѣдствіяхъ вашихъ, находящихся на васъ. Богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъѣдены молью. Золото ваше и серебро изоржавѣло, и ржавчина ихъ будетъ свидѣтельствовать противъ васъ, и съѣстъ плоть вашу, какъ огонь: вы собрали себѣ сокровище на послѣдніе дни“ (Іак. 5, 1—3. Ср. Мѣ. 6, 19—20; Лук. 12, 16—20). Яркое и полное изображеніе совершеннаго ничтожества богатства, его непрочности и непостоянства, предъ лицомъ неизбѣжнаго факта смерти, и такое же изображеніе тревожнаго настроенія богача, далекаго даже отъ возможности удовлетворенія личныхъ потребностей—обычныя темы разсужденій св. отцовъ Церкви. „Есть у тебя“,—говоритъ о богатомъ св. Василій Великій,—„такое-то число десятинъ пахатной земли, и еще такое же число земли подъ садами, столько же какой-нибудь другой... Чтожь послѣ сего? Не всего ли три локтя земли ожидаютъ тебя? Не достаточно ли будетъ тяжести немногихъ камней, чтобъ охранять жалкое тѣло?... Для чего собираешь своими руками безплодное, и о если еще только безплодное, а не пищу для вѣчнаго огня!... 1)“ А вотъ какъ описываетъ св. отецъ тревоги богатаго, которая лишаютъ его даже собственнаго благополучія: „что сотворю“? размышляетъ жалкій богачъ. „Кто не пожалѣетъ о человѣкѣ, который въ такомъ стѣснительномъ положеніи? Жалкимъ дѣлаетъ его урожай... Земля приноситъ ему не доходы, но произрацаетъ воздыханія: не урожай плодовъ доставляетъ она, но заботы и скорби и страшное затрудненіе... Не радуется его,

1) Творенія, изд. 3, ч. IV. Серг. Пос. 1802 г. стр. 105 и дал. Ср. св. Іоанна Златоуста творенія, т. VIII. стр. 518—519; т. V, стр. 573.

что все у него въ домѣ наполнено; но текущее къ нему и льющееся чрезъ края хранилищъ богатство уязвляетъ душу его опасеніемъ, чтобъ не перешло чего нибудь постороннимъ“¹⁾).

Изъ предыдущаго открывается *ограниченіе* нашего попеченія о земныхъ стяжаніяхъ. Во—первыхъ, мы не должны усиленно стремиться къ приобрѣтенію богатства, въ виду рѣшительнаго заявленія ап. Павла, что „желающіе обогащаться впадаютъ въ искушеніе и въ сѣть, и во многіе безразсудныя и вредныя похоти, которыя погружаютъ людей въ бѣдствіе и пагубу“ (1 Тим. 6, 9). Во—вторыхъ, мы должны смотрѣть на правильное употребленіе богатства, какъ на своего рода подвигъ, потому что богатство возлагаетъ на обладающихъ имъ такія нравственныя обязанности,—„благодѣтельствовать, богатѣть добрыми дѣлами, быть щедрыми и общительными..., чтобы достигнуть вѣчной жизни“ (1 Тим. 6, 18—19),—которыя въ немъ же самомъ часто встрѣчаютъ для себя немалыя затрудненія.

Но въ чемъ состоятъ *положительныя* обязанности христіанина въ отношеніи къ его внѣшнему, матеріальному благосостоянію? Если онъ находится въ нуждѣ, то обязанъ стараться выйти изъ нея, или предупредить ее, насколько это возможно для него самого. Евангеліе нигдѣ не призываетъ человѣка къ голоду и холоду (Ср. 1 Фесс. 4, 12). Напротивъ, призывъ евангельской любви требуетъ, чтобы не было нищихъ въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. нуждающихся въ насущномъ хлѣбѣ и необходимомъ кровѣ. И идеальныи порядкомъ въ Церкви тотъ, чтобы не было въ ней ни бѣдныхъ, ни богатыхъ, а была бы „равномѣрность“, какъ пишетъ ап. Павелъ коринѣянамъ: „нынѣ вашъ избытокъ въ восполненіе ихъ недостатка, а послѣ ихъ избытокъ въ восполненіе вашего недостатка, чтобы была *равномѣрность*, какъ написано: кто собралъ много, не имѣлъ лишняго; а кто—мало, не имѣлъ недостатка“ (2 Кор. 8, 12—15. Ср. Исх. 16, 18). „Трудящійся достоинъ пропитанія“ (Мѣ. 10, 10)—такова главная обязанность относительно матеріальнаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 82. Ср. I. Златоуста творенія, т. V, стр. 137, 562—563 и мн. др.

обезпеченія нашего. Уклоняющійся отъ труда, нужнаго для поддержанія своего существованія, поступаетъ недостойно христіанина, желая „жать, гдѣ не сѣялъ и собирать,—гдѣ не разсыпалъ“ (Мѡ. 25, 24, 26; Лук. 19, 21—22). Точно также всегда предосудительно въ христіанинѣ стремленіе жить не по состоянію, т. е. не по тѣмъ матеріальнымъ средствамъ, какія мы можемъ зарабатывать честнымъ трудомъ. Поэтому, другую немаловажную обязанность нашу въ отношеніи къ внѣшнему благополучію своему составляетъ благоразумная *бережливость*. Но выполненіе этой обязанности пріобрѣтаетъ свойства добродѣтели не тогда, конечно, когда оно является лишь способомъ собиранія и накопленія богатства, а въ томъ только случаѣ, если имѣется въ виду помощь бѣднымъ (Еф. 4, 28). „Хочешь ли сберечь богатство“,—спрашиваетъ св. Іоаннъ Златоустъ—„хочешь ли удержать его? Не зарывай его, но отдай въ руки бѣдныхъ. Богатство, какъ дикій звѣрь: если удерживаютъ его, оно убѣгаетъ; если расточаютъ, остается“:¹⁾ вотъ истинная природа христіанской бережливости.

Какое же именно матеріальное состояніе должно считать, такъ сказать, нравственной *нормой* въ отношеніи внѣшняго благополучія христіанина? „Прошу у Тебя“,—обращается къ Господу ветхозавѣтный праведникъ,—„нищеты и богатства, не давай мнѣ,—*питай меня насущнымъ хлѣбомъ*, дабы пресытившись я не отрекся отъ Тебя, и не сказала: „кто Господь?“ и чтобъ обѣднѣвъ не сталъ красть и употреблять Бога моего все“ (Притч. 30, 8—9). Очевидно, *среднее* (ни бѣдное, ни богатое) матеріальное состояніе, болѣе или менѣе удаленное отъ нужды въ „насущномъ хлѣбѣ“, представляется въ приведенныхъ словахъ ветхозавѣтнаго нравоучителя наиболѣе *нормальнымъ* въ нравственномъ отношеніи. Это состояніе яснѣе опредѣляется ап. Павломъ. Замѣтивъ, что „великое пріобрѣтеніе—быть благочестивымъ и *довольнымъ*“, онъ далѣе объясняетъ, что надобно разумѣть подъ внѣшнимъ *довольствомъ* или *достаткомъ*: „имѣя пропитаніе и одежду, будемъ довольны тѣмъ“ (1 Тим. 6, 6, 8). Нужно довольствоваться *необходимымъ*, т. е. тѣмъ, что имѣемъ достаточную для себя пищу и потребное одѣяніе: такъ можетъ быть выражена норма внѣшняго благосостоянія на-

¹⁾ Творенія, т. III, стр. 411.

шего. Въ словахъ молитвы Господней: „хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“ св. *Іоаннъ Златоустъ* видитъ законъ христіанской жизни, по которому мы всегда должны „не болѣе уступать природѣ, чѣмъ сколько требуетъ отъ насъ необходимая нужда“ ¹⁾; „не будемъ же“,—увѣщаетъ св. отецъ,—„желать лишняго, будемъ довольны малымъ“ ²⁾... „Не для того даемъ мы эти наставленія, чтобы доводить людей до смерти или растривать ихъ здоровье, но чтобы отсѣчь излишество; а излишнее все то, что сверхъ необходимости“ ³⁾.

Богатству, о которомъ у насъ доселѣ была рѣчь, противопоставляется *бѣдность*, когда человѣкъ не въ состояніи удовлетворить необходимымъ потребностямъ жизни. Христіанство не нападаетъ на бѣдность, какъ нападаетъ часто на богатство; напротивъ, оно по преимуществу, такъ сказать, на сторонѣ бѣдныхъ, и къ нимъ особенно обращается съ утѣшеніемъ и ободрѣніемъ: „*Μακάριοι οἱ πτωχοί*“,—читаемъ мы въ евангеліи Луки по греческому подлиннику,—„*ὅτι ὁμετέρα ἐστὶν ἡ βασιλεία τοῦ θεοῦ*“ (Лук. 6, 20). Въ нашемъ русскомъ переводѣ, вслѣдъ за славянскимъ, здѣсь къ слову: „нищіе“ (*οἱ πτωχοί*) прибавлено слово: „духомъ“ (*τῷ πνεύματι*), соотвѣтственно смыслу этого изреченія въ евангеліи Матѳея 5, 3. Но такая прибавка не отвѣчаетъ контексту рѣчи, такъ какъ далѣе у св. Луки говорится—и это совершенно понятно и естественно—о богатыхъ въ собственномъ и буквальномъ смыслѣ слова: „напротивъ, горе вамъ, богатые!“ (ст. 24). Евангелистъ Лука, передавъ утѣшеніе и ободрѣніе всѣмъ тѣмъ, кто имѣетъ печаль здѣсь на землѣ, въ строгомъ соотвѣтствіи затѣмъ говоритъ о тѣхъ, кто имѣетъ на землѣ утѣшеніе. И странно было бы предположить, что евангелистомъ въ данномъ случаѣ допущено нарушеніе параллели, строго соблюдаемой во всѣхъ другихъ случаяхъ. Если у св. Матѳея ублажаются не нищіе вообще, а нищіе духомъ, то тамъ это имѣетъ свой естественный смыслъ и точно также совершенно умѣстно ⁴⁾. Однакожъ несомнѣнно, что и

¹⁾ Творенія, т. VII, стр. 224.

²⁾ Творенія, III, X, стр. 161.

³⁾ Творенія, т. X, стр. 641.

⁴⁾ Д. А. Н. „Нищета и богатство по ученію Спасителя“. „Вѣра и Церковь“, 1900 г., кн. 7, стр. 195—197.

образъ „нищихъ духомъ“ заимствованъ ев. Матеемъ отъ нищихъ въ собственномъ смыслѣ слова, только этому образу усвоенъ высшій духовный смыслъ. Бѣдные, по утѣшительному христіанскому ученію, и при матеріальной бѣдности своей могутъ быть духовно богатыми. Что ап. Павелъ говорилъ о себѣ, то же можно приложить и ко всѣмъ апостоламъ: „мы нищи, но многихъ обогащаемъ; ничего не имѣемъ, но всѣмъ обладаемъ“ (2 Кор. 6, 10). Не говоримъ уже объ *особенномъ* милосердіи Спасителя къ нищимъ (Мѡ. 19, 21; Лук. 4, 18; 14, 13, 21; 18, 22 и др.), и о той горячей сострадательной любви къ бѣднымъ, какую дышатъ писанія св. апостоловъ (Дѣян. 6, 34; Іак. 2, 2—6; Гал. 2, 10 и др.). Св. отцы церкви съ потрясающею картинностію и съ трогательнымъ сочувствіемъ изображали скорби и страданія бѣдныхъ, съ цѣлью вызвать къ нимъ состраданіе христіанскаго любящаго сердца¹⁾. Жизнь нищаго настолько тяжела (Сир. 38, 19), что, по мысли ветхозавѣтнаго мудреца (Сир. 40, 29), воспроизведенной св. *Іоанномъ Златоустомъ*, „лучше умереть, нежели просить милостыню“. 2) Потому-то бѣдные, въ соотвѣтствіи съ словами Самого Іисуса Христа (Мѡ. 25, 40, 45), въ православно-христіанскомъ народѣ издревле называются меньшею братіею Христовою.

Но было бы большимъ заблужденіемъ выводить отсюда, что христіанство любить бѣдность именно потому, что она бѣдность, что она, сама по себѣ, есть добродѣтель³⁾, и съ нею, какъ таковою, неразлучно послѣдованіе Христу. Даже полная раздача имущества, сама по себѣ, еще не служить доказательствомъ святости: „и если я раздамъ всё имѣніе мое“,—говоритъ ап. Павелъ,—„а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“ (1 Кор. 13, 3). Развитіе нашей нравственной свободы не связано ни съ какими внѣшними условіями временной жизни, даже для послѣдней не имѣющими существеннаго значенія (Мѡ. 10, 28; Лук. 12, 4, 1 Іоан. 2, 16—17; Рим. 8, 18), такъ какъ въ томъ именно и состоитъ

¹⁾ См. напр. св. *Григорія Нисскаго*. „О нищелюбіи и благотворительности“, т. VII, стр. 418—427.

²⁾ Творенія, т. XII, стр. 109.

³⁾ *И. Пятницкій*. „Нищета и богатство“, стр. 3.

понятіе и сущность этой свободы, чтобы быть внутренно независимымъ отъ внѣшнихъ условій и имѣть возможность при всякомъ изъ нихъ стремиться къ своему высочайшему идеалу. „Да хвалится братъ униженный“,—говорить ап. Іаковъ,—„высою своею, а богатый униженіемъ своимъ“ (Іак. 1, 9—10).

И богатство и бѣдность, *сами по себѣ*, являются для христіанскаго сознанія чѣмъ-то *несущественнымъ*, даже ничтожнымъ по сравненію съ безусловнымъ благомъ—вѣрой въ Бога и страхомъ Божиимъ (Притч, 15, 16; Пс. 118, 72): „жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія“,—учить І. Христосъ (Лук. 12, 15). И то и другое въ настоящей жизни, говоря словами *св. Іоанна Златоуста*, не истина, а лишь какъ обманчивый *театръ*, или *сновидѣніе*. „Какъ ты, сидя въ *театръ*“,—говоритъ св. отецъ,—„и видя кого либо изъ играющихъ внизу, представляющимъ лицо царя, не называешь его счастливымъ и не считаешь за царя.. такъ и здѣсь въ мірѣ, какъ бы сидя въ театрѣ и смотря на играющихъ на сценѣ, когда увидишь многихъ богатѣющими, но почитай ихъ истинно богатыми, но только представляющими мнимыя лица богатыхъ... Если снимешь съ него маску, раскроешь совѣсть и вникнешь въ душу, то найдешь тамъ великую бѣдность въ добродѣтели“¹⁾. „Какъ тѣ“,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—„которые грезятъ во *снѣ*, будто они обладаютъ богатствомъ, хотя бы казались обладателями царскихъ сокровищъ, съ наступленіемъ дня бываетъ бѣднѣе всѣхъ, такъ и тотъ, кто изъ настоящей жизни ничего не можетъ принести туда, будетъ бѣднѣе всѣхъ, хотя бы здѣсь владелъ всѣмъ“²⁾. Поэтому именно, съ христіанской точки зрѣнія, „и богатство не есть добро, и бѣдность не есть зло, но и то и другое, сами по себѣ, *безразличны*,³⁾ т. е. ни богатство, ни бѣдность, сами по себѣ, не дѣлаютъ человѣка добрымъ или худымъ. Все зависитъ отъ нашей воли, отъ того отношенія, въ какомъ находится она къ этимъ условіямъ земной жизни. Если богатые должны сохранять внутреннюю независимость свою отъ богатства, то бѣдные должны сохранять *внутреннюю независимость* отъ бѣдности.

¹⁾ Творенія, т. I, стр. 794.

²⁾ Творенія, т. V, стр. 168.

³⁾ Творенія, т. XI, стр. 587.

Добровольно принимая *внѣшнюю* бѣдность, они должны и *внутренно* преодолевать въ себѣ ея искушенія, примириться съ нею и смѣренно переносить её, въ томъ убѣжденіи, что „мы ничего не принесли въ міръ; явно, что ничего не можемъ и вынести изъ него“ (Тим. 6, 7) ¹⁾.

Но, хотя богатство и бѣдность, сами по себѣ, нѣчто несущественное, не добро и не зло, а нравственно безразличны, тѣмъ не менѣе бѣдность, сама по себѣ, оказывается болѣе благоприятнымъ внѣшнимъ условіемъ для вступленія въ царство Божіе, сравнительно съ богатствомъ. Ап. Іаковъ свидѣтельствуетъ, что именно „бѣдныхъ міра избралъ Богъ быть богатыми вѣрою и наслѣдниками Царствія, которое Онъ обѣщалъ любящимъ Его“ (Іак. 2, 5). „Добрый христіанинъ, по словамъ *св. Іоанна Златоуста*, обнаруживается болѣе въ бѣдности, нежели въ богатствѣ“, ²⁾ почему св. отецъ съ рѣшительностію утверждаетъ, что „только малое число богатыхъ спасается, а бѣдныхъ гораздо больше“. ³⁾ Бѣдность имѣетъ *преимущества* предъ богатствомъ даже въ области естественной жизни человѣка. Если богатство доставляетъ своему обладателю всякаго рода тревоги и волненія, то бѣдность есть *залогъ мира душевнаго*. „Мы бѣдные“,— говоритъ *св. Василій Великій*, „справедливо причисляя и себя къ бѣднымъ,—„отличаемся отъ богатыхъ однимъ—свободою отъ заботъ; наслаждаясь сномъ, смѣемся надъ ихъ бессонными ночами; не зная безпокойствъ и будучи свободны, смѣемся надъ тѣмъ, что они всегда связаны и озабочены“. ⁴⁾ „Бѣдность“,—по образному представленію *св. Іоанна Златоуста*,—„безопасное пристанище, тихая пристань, всегдашнее спокойствіе, неомрачаемая опасностями радость, чистое удовольствіе, жизнь невозмутимая и безмятежная, благополучіе ненарушаемое, источникъ мудрости, узда надменности, свобода отъ наказанія, корень смиренія“ ⁵⁾.

Однако, бѣдность, равно какъ и богатство, имѣетъ свои опасности и искушенія въ отношеніи нравственнаго совершенствованія человѣка. *Св. Іоаннъ Златоустъ*, видѣвшій въ

¹⁾ Творенія, т. XI, стр. 313.

²⁾ Творенія, т. XII, стр. 25.

³⁾ Творенія, т. X, стр. 597—598.

⁴⁾ Творенія, изд. 3, ч. 1 Москва, 1891 г., стр. 182.

⁵⁾ Творенія, т. III, стр. 431—432.

непроизвольной бѣдности иногда поводъ къ недоброму настроенію, признаеть, что бѣдные, какъ бы естественно *завистливы* къ богатымъ¹⁾, склонны ко *лжи*²⁾, *воровству* и другимъ безчестнымъ средствамъ пропитанія³⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣдность нерѣдко бываетъ „ненасытна, взыскательна и неблагодарна“, такъ что въ отношеніи къ бѣднымъ, постоянно недовольнымъ своею участію, жалующимся и ропщущимъ на судьбу свою, нужна терпѣливость и особенная кротость, чтобы, какъ замѣчаетъ св. отецъ, „не прибавлять къ скорби отъ бѣдности еще скорбь и отъ обиды“⁴⁾. Понятно, почему такою несимпатичною является часто *вынужденная бѣдность*. Такая бѣдность, исключая немногіе частные случаи, всегда происходитъ отъ лѣности, отъ дурного образа жизни, отъ неблагоразумія въ дѣлахъ (Притч. 6, 9—11). Нищета *не добродѣтельная*, или, говоря точнѣе, *нищенство*, не только не добродѣтель, сама по себѣ, и даже не *средство* къ добродѣтели, а—положительное зло. Вѣдь, она есть, главнымъ образомъ, слѣдствіе грубаго невѣжества и праздности, о которой давно сказано, что она есть *мать всѣхъ пороковъ*. Что такого рода нищета, большею частію, соединяется съ невѣжествомъ и праздностію, это такое общее и очевидное явленіе, что не стоитъ его доказывать. Но скажутъ: можно быть нищимъ и не отъ этихъ причинъ, а отъ разныхъ непредвидѣнныхъ случаевъ: отъ злобы людей, или, какъ иные выражаются, отъ ударовъ судьбы и т. п. Это—другое дѣло; тутъ не нищенство, а несчастная доля, которая не есть, сама по себѣ, зло, хотя опять и не добродѣтель.

Проф.-прот. Н. Стеллеуцкій.

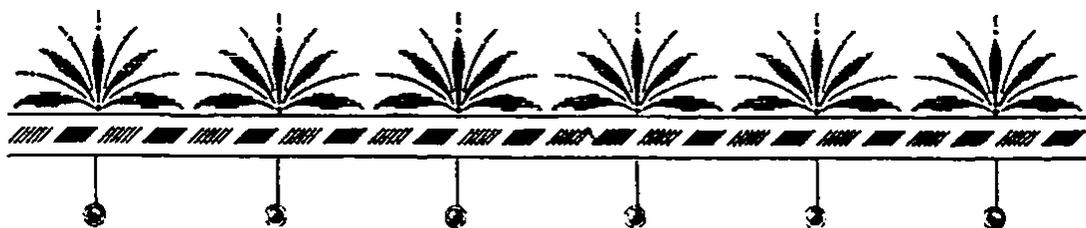
(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Творенія, т. X, стр. 645.

²⁾ Творенія, т. X, стр. 597.

³⁾ Творенія, т. XII, стр. 108.

⁴⁾ Творенія, т. I, стр. 432.—Кромѣ цитированныхъ сочиненій о собственности и богатствѣ изъ иностранныхъ можно указать на слѣдующее: *Seipel's* „Die Wirtschaftsethischen Lehren der Kirchenväter“. Wien, 1907.

Православно-христіанская теософія.

Ея восточно-подвижническое направленіе и значеніе въ отношеніи современной такъ называемой теософіи.

(Продолженіе *).

2. Очищеніе сердца.

Вторымъ методомъ внутренняго подвижническаго дѣланія надо поставить воспитаніе сердца подвижника или, говоря языкомъ подвижниковъ, очищеніе сердца. И рядомъ съ очищеніемъ ума необходимо говорить и объ очищеніи сердца, такъ какъ въ религіозно-подвижнической теософической жизни и дѣятельности они тѣсно и неразрывно между собой связаны. Св. Исаакъ Сиріянинъ въ словѣ четвертомъ (Русскій переводъ твореній его, сдѣланный Московской Духовной Академіей), говоря о совершенствованіяхъ души подвижника, сначала говоритъ о чистотѣ ума, а потомъ о чистотѣ сердца¹⁾. Помыслы въ умѣ рождаютъ страсти въ сердцѣ, какъ мысль рождаетъ желаніе, а поэтому, очищая умъ отъ помысловъ, необходимо очищать и сердце отъ страстей. И подвигъ очищенія отъ страстей не менѣе труденъ и сложенъ, чѣмъ очищеніе ума отъ помысловъ, и даже во многихъ случаяхъ, какъ видно изъ подвижнической жизни, гораздо болѣе и труденъ и сложенъ. Въ то время какъ умъ можетъ быть очищенъ отъ помысловъ, въ сердцѣ продолжаютъ дѣйствовать страсти и продолжаютъ временами нападать на самый умъ и производить въ немъ волненія по-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 8 за 1915 г.

¹⁾ 22—25 стр.

мысловъ. Поэтому очищеніе сердца имѣеть громадное и существенное значеніе въ религіозно-подвижнической жизни,— значеніе особенное и, можетъ быть, даже ни съ какимъ другимъ подвигомъ несравнимое.

Уже одно то, что кромѣ очищенія сердца есть особый подвигъ безстрастія, достигаемый немногими и совершеннѣйшими подвижниками, говоритъ о томъ, какъ труденъ и необычайно сложенъ долженъ быть подвигъ очищенія сердца. Намъ кажется, мы нисколько не преувеличимъ, если скажемъ, что подвижники болѣе всего на него обращаютъ вниманіе. Мы не говоримъ уже о томъ, что подвиги, или, какъ мы ихъ называемъ, методы внѣшняго дѣланія, о которыхъ мы говорили раньше, всѣ, можно сказать, являются служебною подготовкою къ воспитанію сердца, равно, конечно, и ума, но сердца—болѣе все. Уже это одно говоритъ о многомъ. Подвижники и во внутреннемъ дѣланіи воспитанію сердца отдаютъ преимущество и часто отъ очищенія ума отдѣляютъ очищеніе сердца, какъ это мы уже отчасти и знаемъ изъ четвертаго слова Св. Исаака Сиріянина. Принимая все это во вниманіе, мы и считаемъ очищеніе сердца важнѣйшимъ методомъ внутренняго подвижническаго дѣланія и говоримъ о немъ тотчасъ послѣ очищенія ума.

Для того, чтобы яснѣе представлять себѣ все значеніе и всю необходимость для подвижника очищенія сердца, надо прежде всего знать, что такое въ религіозно-подвижнической жизни представляетъ сердце само по себѣ, въ самомъ своемъ существѣ и назначеніи его.

Св. Макарій Великій говоритъ: „Сердце подвижниковъ представляетъ изъ себя зрѣлице: тамъ лукавые духи борются съ душою, а Богъ и Ангелы взираютъ на подвигъ. Сверхъ того, ежечасно многіе новые помыслы и душою производятся, а также влагаются и злобою. Ибо душа имѣеть много сокровенныхъ мысловъ, и въ этотъ часъ производитъ и рождаетъ ихъ; и у злобы много мысловъ и предначинаній, и ежечасно порождаетъ она новые помыслы противъ души“ ¹⁾.

„Если колесница, бразды и животныя и все къ тому нужное въ рукахъ у одного возничаго, то онъ уже, когда

¹⁾ Добр. т. I, 243—44.

хочетъ, носится на колесницѣ со всею быстрою, а когда хочетъ сдерживаетъ колесницу, и опять, куда хочетъ поворотить ее, тамъ она и проходитъ, почему вся колесница во власти у возничаго. Такъ и сердце имѣетъ много естественныхъ помысловъ, которые тѣсно съ нимъ связаны, а умъ и совѣсть даютъ вразумленія и направленія сердцу и усыпляютъ естественные помыслы, возникающіе въ сердцѣ; потому что у души много составовъ, хотя она и одна“¹⁾).

„Къ чему привязано сердце человѣка и къ чему влечетъ его пожеланіе, то и бываетъ для него Богомъ. Если сердце всегда вождѣлѣваетъ Бога, то Богъ есть Господь сердца его“²⁾).

Изъ этихъ словъ Св. Макарія Великаго ясно слѣдуетъ, что сердце—центръ религіозно подвижнической жизни, основной источникъ и живой родникъ всего, какъ добраго, такъ и дурнаго въ религіозно-нравственной жизни и всякаго человѣка, а подвижника и въ особенности. Сердцемъ опредѣляется все религіозно-нравственное существо человѣка. Въ немъ начинается, развивается и возрастаетъ въ мѣру возраста Христова внутренній и совершенный въ Богѣ человѣкъ. Сердце „вождѣлѣваетъ Бога“ и Богъ живетъ въ сердцѣ,—и не только живетъ, но Господь сердца. Подвижникъ знаетъ это опытомъ и жизнью своего сердца. Въ его сердцѣ лукавые духи борются съ душою, но съ другой стороны въ его сердцѣ Богъ и Ангелы,—и это возбуждаетъ его на подвигъ, одушевляетъ, оживляетъ, охраняетъ отъ случайности и паденія. Но въ сердцѣ можетъ возникать и „много естественныхъ помысловъ“. Оно можетъ быть привязано и не къ Богу, а къ міру, ко злу, къ тому, что пріятно лукавымъ духамъ и, что они ежечасно стараются въ немъ насадить, развить и укрѣпить.

Такимъ образомъ, говоря языкомъ Св. Макарія, сердце подвижника—арена, на которой борются между собою добро и зло, свѣтъ и тѣма, правда и неправда, жизнь и смерть, Богъ и лукавые духи. Вотъ поэтому и необходимо, по мысли подвижниковъ, все свое вниманіе обращать на сердце. Вотъ поэтому и весьма важно и существенно, чтобы сердце по-

1) Ibid. 243.

2) Ibid. 241.

движника непрестанно вожделѣвало Бога, всѣмъ своимъ существомъ было къ Нему привязано и всѣми своими влеченіями и пожеланіями исключительно въ Немъ одномъ сосредоточивалось и къ Нему одному было всегда прилѣплено. И въ этомъ случаѣ борьба подвижника съ грѣховными, мірскими и суетными помыслами и съ злобой лукавыхъ духовъ обезпечена успѣхомъ.

„Какъ хворость, брошенный въ огонь, не можетъ противиться силѣ огня, но тотчасъ сгораетъ, такъ и демоны, когда хотятъ напасть на человѣка, сподобившагося даровъ Духа, попадаютъ и истребляются Божественною огненною силою, только бы самъ человѣкъ былъ всегда прилѣпленъ къ Господу и на Него возлагалъ упованіе и надежду“ 1).

Да, говоримъ вслѣдъ за Св. Макаріемъ, только бы самъ человѣкъ всѣмъ своимъ сердцемъ былъ прилѣпленъ къ Господу.

„По Евангелію, продолжаетъ Св. Макарій, помыслы отъ сердца исходятъ (Матѣ. 15, 19). Посему, приступай къ молитвѣ и обращай вниманіе на сердце свое и на умъ; желай, чтобы чистая молитва возсылалась къ Богу, преимущественно же смотри при этомъ, нѣтъ ли чего препятствующаго молитвѣ, чиста ли молитва, заняты ли умъ твой Господомъ“ 2).

„Обращай вниманіе на сердце свое и на умъ“, значитъ,—слѣди за ихъ чистотою, за тѣмъ, чтобы въ нихъ все было настроено соотвѣтственно мысли и памятованію о Богѣ. Значитъ, озаботься очистить ихъ отъ помысловъ, отвлекающихъ отъ Бога, отъ желаній, привязывающихъ къ міру и злобѣ. Значитъ, пусть внутреннее твое будетъ постояннымъ бореніемъ сердца съ міромъ, со злобой, съ лукавыми духами.

Обращеніе вниманія и постоянное бореніе—очищеніе сердца, уготованіе чистоты его, какъ престола для Господа, возсѣдающаго въ сердцѣ подвижника. И чѣмъ ни чище сердце, тѣмъ лучше престолъ Его, тѣмъ больше и присутствія въ немъ Господа. Такова мысль о сердцѣ Св. Макарія Великаго. Но ее лучше выразить слѣдующими словами Св. Исаака Сиріянина:

1) Ibid.

2) Ibid.

„Вотъ, если будешь чистъ, то внутри тебя небо, и въ себѣ самомъ узришь ангеловъ и свѣтъ ихъ, а съ ними и въ нихъ и Владыку ангеловъ ¹⁾).

Къ этому ученію Св. Исаака Сиріанина о чистотѣ сердца мы и перейдемъ теперь.

Нужно сказать, что Св. Макарій Великій говоритъ вообще о великомъ значеніи сердца въ религіозно-нравственной жизни человѣка и въ особенности подвижника и соотвѣтственно этому говоритъ о чистотѣ сердца и ума вообще. Св. Исаакъ Сиріанинъ тоже иногда говоритъ о чистотѣ сердца и ума вмѣстѣ, но во многихъ случаяхъ онъ говоритъ опредѣленнѣе и раздѣльнѣе объ этомъ. Мы знаемъ уже изъ предыдущаго, что онъ много учитъ объ очищеніи ума. Но онъ придавалъ совершенно преимущественное значеніе очищенію сердца, исходя, конечно, изъ того же соображенія, что сердце есть центръ, или, какъ онъ выражается, „корень“ религіозно-нравственной жизни подвижника. Это видно особенно изъ того же слова четвертаго его твореній, о которомъ мы уже упоминали.

Сказавъ о чистотѣ ума и о томъ, что необходимо охранять себя отъ страстей и главное—побѣждать ихъ, Св. Исаакъ переходитъ къ чистотѣ сердца и спрашиваетъ:

„Чѣмъ разнствуется чистота ума отъ чистоты сердца“? И даетъ на это слѣдующій, весьма характерный отвѣтъ.

„Иное есть чистота ума, а иное—чистота сердца. Ибо умъ есть одно изъ душевныхъ чувствъ, а сердце обнимаетъ въ себѣ и держитъ въ своей власти внутреннія чувства. Оно есть корень, а если корень святъ, то и вѣтви святы, т. е. если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и всѣ чувства. Если умъ приложитъ стараніе къ чтенію Божественныхъ Писаній или потрудится нѣсколько въ постахъ, въ бдѣніяхъ, въ безмолвіяхъ, то забудетъ прежній свой образъ мыслей, и достигнетъ чистоты, какъ скоро удалится отъ сквернаго житія; однако же не будетъ имѣть постоянной чистоты; потому что какъ скоро онъ очищается, такъ же скоро и оскверняется. Сердце же достигаетъ чистоты многими скорбями, лишеніями, удаленіемъ отъ общенія со всѣмъ, что въ мірѣ мірскаго и умерщвленіемъ себя для всего этого.

¹⁾ Сл. 8-ое, 37.

Если же достигло оно чистоты, то чистота его не сквернится чѣмъ либо малымъ, не боится великихъ, явныхъ браней, разумѣю брани страшныя; потому что приобрѣло себѣ крѣпкій желудокъ, который можетъ скоро переваривать всякую пищу, несравнимую въ людяхъ немощныхъ. Ибо врачи говорятъ, что всякая мясная пища неудобоварима, но много силы сообщаетъ тѣламъ здоровымъ, когда приѣмлетъ ее крѣпкій желудокъ. Такъ, всякая чистота, прибрѣтенная скоро, въ короткое время и съ малымъ трудомъ, скоро теряется и оскверняется. Чистота же, достигнутая многими скорбями и прибрѣтенная продолжительнымъ временемъ, не страшится какого-либо не превышающаго мѣру прираженія въ которой-либо изъ частей души, потому что укрѣпляетъ душу Богъ. Ему слава во вѣки вѣковъ. Аминь“¹⁾.

Въ этихъ словахъ Св. Исаака Сиріянина наброшена вся психологія душевной жизни подвижника и весьма ярко обрисовано значеніе сердца вообще и въ частности его очищенія. И прежде всего здѣсь бросается въ глаза различіе ума и сердца. Умъ опредѣляется, какъ одно изъ душевныхъ чувствъ, а сердце, какъ вмѣстилище всѣхъ внутреннихъ чувствъ. Оно корень всѣхъ чувствъ души, центръ духовной жизни, царство всего религіозно-нравственнаго и божественнаго въ человѣкѣ. И самый умъ вмѣщается въ немъ. По этому естественно, если оно доводится до чистоты, то въ немъ очищаются всѣ чувства, а съ ними, конечно, и умъ, какъ часть всего цѣлаго. Умъ можетъ очищаться и самъ по себѣ. Божественными Писаніями, постами, бдѣніемъ, безмолвіемъ и другими подвигами онъ можетъ скоро очищаться, но это очищеніе не есть очищеніе сердца или вообще всего существа. Очищеніе ума скоро совершается, но скоро можетъ и исчезать. Какъ скоро умъ очистился, такъ скоро можетъ и оскверниться. Очищеніе это не прочно, не постоянно и скоропреходяще, если оно не совершается въ уровень съ сердцемъ. И когда умъ очищенъ, а сердце не очищено, то подвижникъ не можетъ складывать рукъ и не продолжать дѣло очищенія впередъ. Не имѣя устойчивости въ сердцѣ, подверженномъ вліянію страстныхъ чувствъ, очищеніе ума быстро исчезаетъ и умъ быстро оскверняется. Но коль

¹⁾ 24—25 стр.

скоро сердце очищено и доведено до чистоты, то въ немъ получаетъ устойчивость и очищенный умъ и не только получаетъ устойчивость, но и усовершенствуется и укрѣпляется въ самой своей чистотѣ. Потому то и нельзя останавливаться на одномъ очищеніи ума, а необходимо отъ него переходить или одновременно совершать и очищеніе сердца. терпѣливо и настойчиво и долговременно совершая эту работу. Эта работа надъ сердцемъ несравненно труднѣе и несравненно продолжительнѣе, чѣмъ работа надъ умомъ. Это, конечно, и естественно, ибо одно душевное чувство скорѣе и легче очищается, чѣмъ всѣ душевныя чувства, вмѣстѣ взятая и собранная въ одномъ сердцѣ. Скорбями, лишеніями, удаленіемъ отъ общества, отъ міра и отъ всего мірскаго, умерщвленіемъ себя для всего этого и многими другими подвигами, о которыхъ мы и говорили прежде,—вотъ великій и долгій путь очищенія сердца, вотъ въ чемъ оно, при непрестанномъ памятованіи въ умѣ Бога, и при непрестанно укрѣпляющей его благодати Божіей, переплавляется въ настоящую и дѣйствительную чистоту. Великъ и дологъ этотъ путь, но зато потомъ велика и безмѣрна достигаемая имъ и въ немъ чистота сердца. Оно уже „не сквернится чѣмъ-либо малымъ, не боится великихъ браней“, т. е. всевозможныхъ искушеній и страшныхъ нападеній лукавыхъ духовъ, „ежечасно поражающихъ. по словамъ Св. Макарія Великаго, въ душѣ новые помыслы“. Въ чистотѣ сердца, какъ хворость въ огнѣ, попяляется и истребляется все нечистое и скверное, какъ либо и гдѣ-либо прикасающееся къ ней. Чистота сердца „не страшится“ никакого прираженія въ которой-либо изъ частей души“, т. е. не страшится, въ какой бы части души не возникли помыслы или страсти, естественныя или неестественныя (отъ лукавыхъ духовъ), лишь бы они не превышали силъ подвижника, но Богъ и не допускаетъ прираженій сверхъ силъ, или же непрестанно укрѣпляетъ подвижника въ его браняхъ и бореніяхъ противъ лукавыхъ духовъ.

Такимъ образомъ, вотъ какое преимущество чистоты сердца, по ученію Св. Исаака Сиріянина, и вотъ почему такъ существенно важно и необходимо по нему очищеніе сердца, достигаемое „многими скорбями“ и приобретаемое „продолжительнымъ временемъ“.

Главнымъ побужденіемъ къ очищенію сердца и у Св. Исаака служитъ ученіе Спасителя, что въ чистомъ сердцѣ является Господь и бываетъ видимъ любящимъ Его всѣмъ сердцемъ.

„Кто желаетъ, говоритъ Св. отецъ, видѣть Господа внутри себя, тотъ прилагаетъ усиліе очищать сердце свое непрестаннымъ памятованіемъ о Богѣ ¹⁾).

„Не колеблись, говоритъ въ другомъ мѣстѣ св. отецъ, сердцемъ твоимъ въ упованіи на Бога, чтобы трудъ твой не сталъ бесполезенъ, дѣланіе твоей службы тягостно. Напротивъ того, вѣруй сердцемъ твоимъ, что Господь милостивъ и ищущимъ Его даетъ благодать, какъ мздовоздаватель, не по дѣланію нашему, но по усердію и по вѣрѣ душъ нашихъ“ ²⁾).

Такимъ образомъ, вѣрованіе сердцемъ, упованіе сердцемъ на Бога, всецѣлая надежда въ сердцѣ на Бога и не поколебимое стояніе сердца въ вѣрѣ и надеждѣ на Бога—служатъ непосредственнымъ усиленіемъ и восполненіемъ главнаго побужденія къ очищенію сердца. А благодать Божія и непрестанное усиліе подвижника, или непрестанная вѣрующая работа его надъ сердцемъ, создаютъ чистоту сердца и создаютъ именно тѣми способами, въ которыхъ, какъ мы видѣли ранѣе, Св. Исаакъ сосредоточивалъ самый процессъ очищенія сердца.

При этомъ нужно сказать еще, что св. Исаакъ чистоту сердца въ процессѣ очищенія полагаетъ не въ томъ, чтобы помыслы и страсти совершенно были уничтожены въ сердцѣ и не тревожили и не нападали на него. Нѣтъ, говоритъ онъ, мы „не отваживаемся говорить, чтобы наше естество до самой смерти не было боримо и не терпѣло вреда“ ³⁾). Мы знаемъ, что страсти подъ дѣйствіемъ лукавыхъ духовъ и совершенныхъ святыхъ не оставляли долго въ покоѣ. Чистота сердца, по ученію св. Исаака Сиріянина, заключается въ томъ, что страсти уже бессильны противъ него и въ немъ самомъ нѣтъ ни малѣйшаго отклика на нихъ. „Прираженія, объясняетъ св. Исаакъ, которыя производятся вещами міра сего, побуждаютъ тѣло удовлетворять излишней его потребности;

¹⁾ Сл. 8-ое, 38.

²⁾ Сл. 58-ое, 319.

³⁾ Сл. 4-ое, 23.

и прираженія сіи не прекращаются пока стоитъ сей міръ. Но человѣкъ, который сподобился Божественной благодати, вкусилъ и ощутилъ нѣчто высшее сего (высшее, нежели услажденіе вещами міра сего), не попускаетъ прираженіямъ симъ входить въ сердце его; потому что на мѣстѣ ихъ утвердилось въ немъ другое, лучшее ихъ, возделѣніе, и къ сердцу его не приближаются ни самыя сіи прираженія, ни порождаемое ими, но остаются они бездѣйственными,—не потому, что нѣтъ уже страстныхъ прираженій, но потому, что пріемлющее ихъ сердце мертво для нихъ и живетъ чѣмъ то инымъ,—не потому, что человѣкъ пересталъ хранить разсужденіе и дѣла его, но потому, что въ умѣ его нѣтъ ни отъ чего тревоги: ибо сознаніе его насыщено, насладившись чѣмъ-то инымъ (лучшимъ)¹⁾.

Вотъ въ чемъ и до какой степени достигается чистота сердца подвижника въ его внутреннемъ дѣланіи. Она пріемлема только для Божественнаго и сама пріемлетъ одно Божественное. Она сфера и царство высшей теософіи и возможна только въ подвижничествѣ. Въ мірѣ ея нѣтъ, ибо міръ, пока стоитъ, полонъ прираженій и страстей и они, какъ говоритъ св. Исаакъ, не прекращаются въ немъ.

Современная теософія признаетъ въ мірѣ прираженія и страсти, сосредоточивающіяся въ такъ называемой астральной субстанціи и выходящія изъ нея въ видѣ „элементалей“, „искусственныхъ элементалей“. въ большинствѣ случаевъ враждебныхъ для человѣка и создающихъ для него злую и страстную сферу. Въ виду этого теософія стремится къ тому, чтобы научить человѣка превозмогать въ себѣ астральную сферу, и, развивая въ немъ до необыкновеннаго могущества мозговую мысль и мозговую волю, стремится научить его подавлять и ослаблять въ себѣ астральныя страсти и дѣйствія элементалей. Такимъ образомъ, очищеніе страстей теософія стремится совершить единственно мозговой работой и притомъ, конечно, мозговой работой собственно самого человѣка, безъ всякаго содѣйствія и помощи Божіей.

Все дѣло, пожалуй, здѣсь ограничивается возможнымъ для самого человѣка очищеніемъ ума. На сердце здѣсь мало обращается вниманія, хотя и имѣется въ виду

¹⁾ Сл. 38-ое, 161.

дѣйствию астральной страсти чрезъ симпатическую нервную систему и солнечное сплетеніе на мозгъ. Но мы уже знаемъ изъ словъ св. Исаака Сиріянина, какъ непрочно одно очищеніе ума, какъ скоро умъ можетъ оскверняться и какъ поэтому существенно важно и необходимо при очищеніи ума и очищеніе сердца. Умъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, быть можетъ, и вліяетъ на сердце, но это вліяніе весьма ограничено и очень не постоянно. Поэтому полагаться въ очищеніи страстей и всѣхъ видовъ дурного астрального вліянія на мозговую мысль и на мозговую волю, какъ это дѣлаетъ современная теософія изъ подражанія Раджѣ Югѣ, не только недостаточно, но и совершенно рискованно. Правда, у теософіи, стремящейся не къ Богу, а къ божественному въ самомъ человѣчествѣ, и занятой созданіемъ божества въ самомъ человѣкѣ, нѣтъ иныхъ средствъ для этого кромѣ развитія мозговой силы и мозговой воли, а они очень условны и ограничены,—и нѣтъ благодатныхъ переживаній въ сердцѣ Бога, ибо теософія не знаетъ личнаго Бога; но въ этомъ и заключается вся ея слабость, запутанность и роковая ошибочность въ сравненіи съ подвижнической теософіей. Астральная энергія страсти признается въ теософіи неисчерпаемой, но она неисчерпаема вслѣдствіе слабости самой теософіи и главное—вслѣдствіе того, что въ ней не признается вліянія благодати Божіей.

Говоря о методахъ очищенія страстей въ подвижнической и современной теософіяхъ, и сравнивая ихъ въ этомъ отношеніи между собою, намъ хочется привести слѣдующее изреченіе св. Исаака Сиріянина, характеризующее очень хорошо и методы очищенія той и другой теософіи и самыя ихъ системы.

„Кто, говоритъ св. Исаакъ, уничтожаетъ и умаляетъ самого себя, того упремуритъ Господь. А кто самъ себя почитаетъ премудрымъ, тотъ отпадаетъ отъ Божіей премудрости¹⁾“...

Какъ хорошо подходитъ первое выраженіе къ подвижнической теософіи. Ее упремуриваетъ Самъ Господь, при всецѣломъ стремленіи въ ней человѣческаго сердца къ своему Владыкѣ и Господу. И какъ столь же хорошо второе

¹⁾ Сл. 8-ое, 39.

выраженіе подходит къ современной теософіи! Она сама почитаетъ себя премудрой отъ вѣчности и отпадаетъ отъ Божіей Премудрости, впадая большей своей частью въ сѣти индійскаго лжеименнаго разума.

И подвижникъ всегда можетъ быть спокоенъ за свои теософію и за тѣ методы очищенія сердца, которые въ ней осуществлялись при благодати Божіей величайшими учителями и столпами подвижничества. Въ ней истинно Премудрость Божія! И сознание этого еще больше можетъ возбуждать и вдохновлять подвижника созидать въ себѣ чистоту сердца, чтобы достойно воспринять въ себя Божественную Софію.

И всякій подвижникъ, всѣмъ сердцемъ стремящійся къ внутреннему дѣланію, безчисленное количество разъ съ умиленіемъ и восхищеніемъ будетъ останавливаться на слѣдующихъ во-истину теософическихъ наставленіяхъ св. Исаака Сиріянина, относящихся главнымъ образомъ къ чистымъ сердцемъ, а потомъ и ко всѣмъ, кто неустанно занимается очищеніемъ своего сердца. Вотъ эти замѣчательныя наставленія.

„Кто съ пламенною ревностью днемъ и ночью ищетъ Бога въ сердцѣ своемъ, и искореняетъ въ немъ прираженія, бывающія отъ врага, тотъ страшень демонамъ и вождельненъ Богу и ангеламъ Его. У чистаго душею мысленная область внутри его; сіяющее въ немъ солнце—свѣтъ святыхъ Троицы; воздухъ, которымъ дышатъ обитатели области сея, —Утѣшительный и Всесвятый Духъ; совозсѣдающіе съ нимъ—святыхъ и безплотныхъ природы; а жизнь, и радость, и веселіе ихъ—Христосъ, свѣтъ отъ свѣта—Отца. Таковой и видѣніемъ души своея ежечасно увеселяется, и дивится красотѣ своей, которая дѣйствительно во сто кратъ блистательнѣе свѣтлости солнечной. Это—Іерусалимъ и царство Божіе, внутри насъ сокровенное, по Господнему слову (Лук. 17, 21). Область сія есть облако славы Божіей, въ которое только чистые сердцемъ внидутъ узрѣтъ лице своего Владыки, и озаритъ умы свои лучами Владычняго свѣта“ 1).

Къ этимъ словамъ излишне дѣлать заключеніе о громадной важности очищенія сердца для всякаго подвижника.

1) Ibid. 38 39.

Каждому ясно, что съ достиженіемъ чистоты въ сердцѣ въ немъ воцаряется Божественная Софія во свѣтѣ Святыя Троицы, Утѣшительнаго и Всесвятаго Духа и Христа, свѣта отъ свѣта—Отца. Въ чистомъ умомъ, сердцемъ и всей душой подвижникъ образуетъ царство Божіе и полагается начало высшей и сокровенной теософіи.

3. Сочетаніе ума и сердца и умносердечная или духовная молитва.

Мы уже знаемъ, что подвижники много говорятъ о взаимоотношеніяхъ ума и сердца. Но пока мы заняты были вопросами объ очищеніи ума и сердца въ отдѣльности, мы подробно не останавливались на этихъ взаимоотношеніяхъ, исключая развѣ отдѣльнаго и незначительнаго пункта о разностяхъ между очищеніями ума и сердца. Мы имѣли для этого особую цѣль. Дѣло въ томъ, что подвижники не только вообще говорятъ о тѣсныхъ взаимоотношеніяхъ ума и сердца, но много говорятъ и томъ, какъ именно сдѣлать эти отношенія самыми тѣсными и близкими или самыми живыми и непосредственными. Повидимому, они возводятъ это установленіе особой и, такъ сказать, интимной связи между умомъ и сердцемъ въ особый методъ подвижческаго внутренняго дѣланія, называя его схожденіемъ ума въ сердце (Св. Григорій Синаитъ) ¹⁾, углубленіемъ ума въ сердце. (Каллистъ Тиликудь) ²⁾, введеніемъ ума въ сердце (Св. Григорій Палама) ³⁾. И такъ какъ кромѣ того подвижники ставили совершеніе этого метода въ зависимость отъ совершенія особеннымъ образомъ въ умѣ и сердцѣ молитвы Іисусовой, то мы разсмотрѣнню этого метода вмѣстѣ съ умносердечной или духовной молитвой Іисусовой посвящаемъ особенное вниманіе въ настоящее время, опредѣляя этотъ особенный методъ, какъ сочетаніе ума и сердца и умносердечная или духовная молитва.

Въ сущности говоря, здѣсь продолжается вопросъ объ очищеніи ума и сердца вмѣстѣ. Мы знаемъ, какъ св. Исаакъ Сиріянинецъ находилъ очищеніе одного ума дѣломъ, хотя и весьма необходимымъ и существенной важности, но не-

¹⁾ Доброт. т. V, 227.

²⁾ Ibid. 433.

³⁾ Ibid. 292.

устойчивымъ и непостояннымъ. Онъ отдавалъ особенное преимущество очищенію сердца и достигаемую послѣднимъ чистоту ставилъ неизмѣримо высоко, такъ какъ она можетъ въ себѣ вмѣщать и чистоту ума. И надо полагать, что онъ считалъ чистоту сердца достигнутой только въ томъ случаѣ, если достигнута и чистота ума, такъ какъ умъ есть душевное чувство, входящее въ составъ всѣхъ внутреннихъ чувствъ, объединяемыхъ въ сердцѣ.

Но умъ есть самое высшее и самое интенсивное душевное чувство, дѣйствующее отдѣльно и независимо отъ сердца. Онъ, по св. Исааку, можетъ скоро очищаться, но можетъ скоро и оскверняться. И въ процессѣ очищенія сердца онъ можетъ дѣйствовать самостоятельно и можетъ идти въ разрѣзъ съ работой сердца. Падая и оскверняясь безчисленное множество разъ, онъ можетъ задерживать работу очищенія сердца. Скользя по всему міру и мірскому, создавая помыслы изъ мірскихъ впечатлѣній, онъ можетъ поддерживать страсти и отдаваться „прираженіямъ“ и „пареніямъ“, вдохновляющимъ и возбуждающимъ ихъ, и тѣмъ самымъ онъ можетъ гораздо усложнять работу очищенія сердца. Быстро затѣмъ очистившись, умъ можетъ прекратить эту свою разрушительную работу, и очищеніе сердца можетъ идти спокойно, особенно при пособіи очищеннаго ума, хотя и медленно, ибо эта работа совершается чрезвычайно долго и очень трудно, а тутъ еще и осложненіе, причиненное временнымъ паденіемъ очистившагося ума. Но при этомъ опасность этой спокойной работы не уничтожается. Независимый и самостоятельный умъ снова можетъ оскверниться—и не разъ и не два, а множество разъ,—и это можетъ всякій разъ работу очищенія сердца осложнять и въ концѣ концовъ сдѣлать изъ нея сизифову работу. Но само собою, очевидно, что этого то и не должно быть.

Необходима согласованность и самое тѣсное и живое единообразіе въ работѣ очищенія сердца и ума. Какъ же это сдѣлать? Гдѣ найти пунктъ, на которомъ можно было бы объединить работу очищенія этого и другого и слить ее въ единую и успѣшную работу души?

Подвижники много занимались вопросомъ о центрѣхъ религіозно-нравственной жизни и дѣятельности. Центромъ этимъ они считаютъ сердце. Мы видѣли уже, что св. Исаакъ

Сириянинъ считаетъ его вмѣстилищемъ всѣхъ внутреннихъ чувствъ, въ томъ числѣ и ума, какъ душевнаго чувства. И хотя св. Исаакъ говоритъ объ этомъ вскользь, какъ бы мимоходомъ, тѣмъ не менѣе и изъ этихъ его словъ очевидно, что центромъ объединительной работы ума и сердца въ религиозно-нравственной жизни и дѣятельности онъ ясно намѣчалъ сердце ¹⁾).

Еще раньше св. Исаака Сириянина, какъ мы уже и знаемъ, такимъ же центромъ религиозно-нравственной жизни и дѣятельности считалъ сердце св. Макарій Великій. Его мысль и ученіе о сердцѣ усвоилъ св. Григорій Палама и развилъ ее самымъ опредѣленнымъ и подробнѣйшимъ образомъ.

Конечно, вопросомъ о сердцѣ занимались и многіе другіе подвижники ранѣе св. Григорія и позднѣе его. Но для насъ въ данномъ случаѣ удобнѣе начать именно съ св. Григорія Паламы, минуя нѣкоторое время другихъ подвижниковъ. Къ тому же мы имѣемъ для этого нѣкоторое основаніе и въ томъ, что св. Григорій базируется на ученіи св. Макарія Великаго.

„Душа наша, говоритъ св. Григорій Палама, одарена многими силами и пользуется, какъ орудіемъ, тѣломъ, ею оживляемомъ.—Какимъ же органомъ, какъ орудіемъ пользуется въ своей дѣятельности та сила ея, которую мы называемъ умомъ?—Никто никогда не думалъ, чтобъ умъ обиталъ въ ногтяхъ или рѣсницахъ, въ ноздряхъ или ланитахъ. Но всѣ согласны, что онъ внутри насъ есть,—расходятся только въ томъ, какимъ внутреннимъ органомъ, какъ орудіемъ, пользуется онъ. Ибо одни водворяютъ его въ мозгу, какъ въ нѣкоемъ акрополѣ (кремлѣ); другіе даютъ ему сѣдалище въ сердцевинѣ сердца. Съ послѣдними и мы согласны, поясняя только, что разумная сила наша въ сердцѣ не какъ въ сосудѣ какомъ заключена, какъ не тѣлесная, и не внѣ его есть, какъ соединенная съ нимъ, но есть въ сердцѣ, какъ въ органѣ своемъ, какъ мы навѣрное это знаемъ, не отъ человѣковъ сему научены бывъ, но отъ Самого Создателя человѣка, Который говоритъ въ Евангеліи: *не входящее въ уста сквернитъ человека, но исходящее изъ*

¹⁾ Сл. 4-ос, 24—25.

устъ, то сквернитъ человека. Отъ сердца бо исходятъ помышленія (Мѡ. 15, 11. 19). То же говоритъ и Макарій Великій: „сердце правитъ всѣмъ органомъ, и, когда благодать займетъ всѣ отдѣленія сердца, господствуетъ надъ всѣми помыслами и членами, ибо тамъ умъ и всѣ помыслы душевные“. Итакъ, сердце есть сокровенная хранилища ума и первый плотскій органъ мыслительной силы¹⁾.

Итакъ, и по св. Григорію—умъ, мыслительная сила своимъ центральнымъ внутреннимъ органомъ имѣетъ сердце. Говоря о томъ, что одни помѣщаютъ умъ въ мозгу, а другіе „въ сердцевинѣ сердца“, св. отецъ становится на сторону послѣднихъ, разъясняя при этомъ, что въ сердцѣ нашемъ сосредоточивается и чрезъ него дѣйствуетъ разумная наша сила. Иначе говоря, по мысли св. отца, нашему сердцу отъ природы врождена сознательная дѣятельность. Приведя ученіе Христа Спасителя о сердцѣ и его помышленіяхъ, св. отецъ ссылается и на ученіе св. Макарія, что сердце правитъ всѣмъ органомъ разумно-сознательной дѣятельности, но тогда, когда благодать Божія займетъ всѣ области сердца. Это, очевидно, то же самое, что говорилъ св. Исаакъ о томъ, что при достиженіи сердцемъ очищаются всѣ чувства и въ томъ числѣ умъ, какъ внутреннее чувство.

Но очевидно тоже, что сердце можетъ и не править „всѣмъ органомъ“, т. е. можетъ и не быть въ разумно-сознательной дѣятельности и дѣйствовать не разумно, слѣбно и бессознательно, когда,—само собою разумѣется,—христіанинъ объ этомъ или не заботится, или совсѣмъ мало обращаетъ на это вниманія. Въ особенности это можетъ быть, когда въ сердцѣ нѣтъ благодати Божіей. Слѣдовательно, умъ, какъ разумно-сознательная и къ тому же свободная сила, можетъ разсѣиваться, выходя изъ сердца, и плавая по міру и мірскимъ вещамъ, можетъ привязываться къ нимъ и услаждаться ими, и потомъ можетъ заражать сердце этими мірскими привязанностями, увлекая такимъ образомъ и послѣднее и все больше и больше лишая его настоящей разумно-сознательной жизни.

Вотъ противъ этой то ненормальной дѣятельности ума и нужно направлять всѣ усилія христіанину и въ особен-

¹⁾ Доброт. т. V, 292.

ности подвижнику, призывая къ тому же въ молитвахъ Божественную помощь и прежде всего, конечно, благодатную помощь Самого Христа Спасителя.

Все это несомнѣнно и имѣетъ въ виду св. Григорій, когда, послѣ приведенныхъ нами выше его словъ о сердцѣ, какъ органѣ ума и разумно-сознательной силы, говорить слѣдующее:

„Почему стараясь въ тщательномъ трезвеніи надзирать надъ нашею мыслительною силою, ею право править и ее исправлять, какимъ другимъ способомъ можемъ мы успѣть въ семъ, какъ не собравъ отъ внѣ разсѣянный чувствами умъ, и введши его внутрь, въ это самое сердце, которое есть хранилище помысловъ? Чего ради и блаженный Макарій, немного ниже послѣ приведенныхъ выше словъ говорить: „тамъ убо должно смотрѣть, написала ли благодать законы духа“. Гдѣ тамъ? Въ главномъ органѣ, гдѣ престолъ благодати, и гдѣ умъ и всѣ помыслы душевные, т. е. въ сердцѣ“¹⁾.

Итакъ, по св. Григорію необходимо самымъ тщательнѣйшимъ образомъ смотрѣть за мыслительною способностью или силою, чтобы она правильно была поставлена. Для этого же нужно собрать разсѣянный чувствами умъ и ввести его внутрь, въ самое сердце, такъ какъ оно—хранилище помысловъ. Въ сердцѣ должна быть благодать. Въ немъ должны быть воплощены законы и заповѣди благодати. Въ немъ же должны быть и умъ и помыслы душевные.

Умъ долженъ быть въ сердцѣ. Какой смыслъ этого пребыванія ума въ сердцѣ, или скажемъ—сочетанія ума и сердца? А смыслъ здѣсь вотъ въ чемъ. Умъ сила дѣятельная и самостоятельная, какъ мы замѣтили раньше. Ему постоянно нужно движеніе и освѣженіе впечатлѣній. Онъ не можетъ стоять на одномъ мѣстѣ и на одномъ предметѣ. Да и нѣтъ въ человѣческомъ опытѣ такого предмета, который бы постоянно останавливалъ на себѣ все вниманіе ума. И онъ всюду разсѣвается и распылается по мелочамъ въ неисходной безднѣ впечатлѣній. И всетаки необходимо найти ему такой предметъ, который бы постоянно увлекалъ его и давалъ бы ему постоянные притоки новыхъ впечатлѣній.

¹⁾ Ibid. 292—93.

И такой предметъ, или скажемъ, объектъ вниманія имѣется но только онъ не принадлежитъ къ человѣческому разумно-опытному изслѣдованію. Предметъ этотъ Богъ, Божество, Божественное, Благодать Божія, Благодать Христова, Благодать св. Духа. Но это область сердца и заключается въ откровеніяхъ и наитіяхъ въ чувствѣ, въ субъективныхъ, постиженіяхъ, или лучше—въ видѣніяхъ и созерцаніяхъ внутреннихъ, въ такъ называемыхъ интимныхъ интуиціяхъ. И умъ, занятый памятованіемъ о Богѣ, преклоняющійся предъ Его Величіемъ, всюду ищетъ Бога и стремится къ Нему. Но Богъ является только въ сердцѣ и чувствѣ. Только здѣсь Онъ открывается въ Своей благодати и является въ безчисленныхъ тонахъ и свѣтахъ. И умъ долженъ сойти сюда, въ сердце, въ область чувствъ и раствориться здѣсь предъ Богомъ въ этихъ новыхъ, и безконечныхъ, и непосредственныхъ, и сильныхъ, и яркихъ познаваніяхъ и переживаніяхъ Бога и всего Божественнаго и Благодатнаго. Вотъ это то приближеніе ума къ Богу въ сердцѣ и въ Богѣ сочетаніе ума и сердца и имѣютъ въ виду подвижники, чтобы сдѣлать ртсюда временное вѣчнымъ и человѣческое божественно-благодатнымъ. Вотъ въ этомъ то и смыслъ схождения и пребыванія ума въ сердцѣ, гдѣ Самъ Богъ и престолъ Его Благодати. И это-то и имѣетъ въ виду св. Григорій, когда гооритъ, что нужно собрать разсѣянный чувствами умъ и ввести его внутрь, „въ самое сердце“.

Мы сейчасъ увидимъ, какимъ образомъ подвижники дѣйствовали, вводя умъ внутрь, „въ самое сердц.“ Для этого мы обратимся къ Св. Григорію, Синаиту.

„Съ утра, говоритъ онъ, понудь умъ свой сойти изъ головы въ сердце и держи его въ немъ, и непрестанно зывай умно и душевно: *Господи Исусе Христе, помилуй мя!* пока утомишься. Утомившись же переводи умъ на вторую половину и говори: *Исусе, Сыне Божій, помилуй мя!* Многократно проговоривъ сіе воззваніе, переходи опять на первую половину. Но часто по лѣности не долженъ ты перемѣнять сіи воззванія; потому что, какъ растенія не укореняются, если часто ихъ пересаживать, такъ и молитвенныя движенія въ сердцѣ, при частой перемѣнѣ словъ молитвенныхъ“¹⁾.

¹⁾ Ibid. 227—28.

Вѣроятно, Св. Григорій Синаитъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые, по словамъ Св. Григорія Паламы, „водворяли умъ въ мозгу“, такъ какъ св. Григорій говоритъ, что нужно понудить умъ сойти изъ головы, т. е. изъ мозга значить, въ сердце. Но такъ какъ сердце—центръ всей религиозно-нравственной жизни, то св. Григорій Синаитъ и считаетъ полезнымъ и необходимымъ схождение сюда ума для общаго и всецѣлаго религиозно-нравственнаго освященія его. Св. Григорій Синаитъ даетъ въ этомъ смыслѣ очень подробное наставленіе, изъ котораго видно, что эта работа сочетаніе ума и сердца очень трудная, непрерывная. Умъ можетъ самъ и тяготиться ею и потому требуетъ понужденія.

Самое выраженіе: „понудь умъ свой сойти изъ головы въ сердце и держи его въ немъ“, по снесеніи его съ извѣстными намъ словами Св. Григорія Паламы, означаетъ средоточіе разумно-сознательной дѣятельности ума всецѣло и безраздѣльно на сердцѣ, на томъ, что составляетъ смыслъ и сущность высшихъ откровеній Божественныхъ въ сердцѣ. Въ сердцѣ должна быть высшая сознательно-разумная работа.

Дѣло въ томъ, что въ сердцѣ нашемъ могутъ быть и откровенія вражескія, прелестныя, обманчивыя, ведущія къ паденію и оскверненію. И вотъ умъ и долженъ своей въ высшей степени напряженной и совершенной сознательно-разумной работой отличать истинныя откровенія божественнаго отъ неистинныхъ, обманчивыхъ, прелестныхъ откровеній. Онъ долженъ быть въ сердцѣ какъ бы въ положеніи, скажемъ, постояннаго сознательнаго контроля всѣхъ впечатлѣній и чувствъ, которыя заполняютъ сердце и служатъ безчисленными объектами его индивидуальнаго переживанія.

Умъ и сердце дѣйствуютъ тѣсно и сплочено въ одной религиозно-нравственной плоскости, причемъ уму принадлежитъ высшая теоретическая работа, а сердцу высшая практическая работа.

Схождение ума въ сердце св. Григорія Синаита и пребываніе ума въ самомъ сердцѣ по Св. Григорію Паламѣ, есть именно установленіе самой усиленной и напряженной сознательно-разумной дѣятельности въ религиозно-нравственной плоскости.

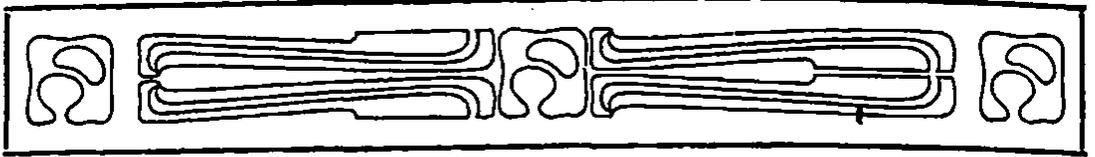
При этомъ, чтобы умъ могъ религіозно сосредоточиться и всецѣло быть занятымъ помятованіемъ о Богѣ, Св. Григорій Синаитъ прибавляетъ: „и непрестанно зывай умно и душевно: Господи, Іисусе Христе, помилуй мя“. Слѣдовательно, Іисусова молитва, сознательно и разумно переживаемая въ сердцѣ, должна быть областью сплоченія и соединенія ума и сердца, средствомъ ихъ совмѣстнаго и высшаго очищенія и освященія. Такимъ образомъ, молитва Іисусова пріобрѣтаетъ новое и важнѣйшее значеніе и значеніе уже во внутреннемъ подвижническомъ дѣланіи.

„Непрестанно зывай умно и душевно: Господи Іисусе Христе, помилуй мя“!. Само собою разумѣется, что этими словами Св. Григорій Синаитъ, какъ, конечно, и другіе подвижники, вовсе не исключали словесной молитвы Іисусовой, а напротивъ съ нея и начинали. „Непрестанно зывай умно и душевно“—это уже продолженіе устнаго непрестаннаго повторенія,—такъ сказать уже вторая и третія стадія прохожденія великаго подвига молитвы Іисусовой.

Свящ. Н. Ремизовъ.

(Продолженіе будетъ).

Мистицизмъ въ философіи Платона и отзвуки его въ русской поэзіи.

Присутствіе мистицизма въ философіи Платона объясняется, съ одной стороны, природными особенностями его психики, съ другой—тѣсною связью его философскихъ воззрѣній съ народной религіей. По своимъ духовнымъ дарованіямъ—это была натура, обладающая созерцательнымъ умомъ и чуткимъ сердцемъ. Его умъ не могъ примириться съ выработанными предшествующей ему философіей проблемами, такъ какъ онѣ не гармонировали съ его идеальной натурой, не знающей иной истины, кромѣ истины метафизической. Естественнымъ слѣдствіемъ такой неудовлетворенности явился скептицизмъ, а съ нимъ—жажда вѣры. И нужно удивляться, до какой степени философскій скепсисъ, вѣчное сомнѣніе во всякихъ философскихъ формулахъ, и самый послѣдовательный критицизмъ по отношенію къ нимъ интимно сочетались въ Платонѣ съ глубокимъ мистическимъ идеализмомъ, съ вѣрой въ идеаль, познаваемый непосредственнымъ созерцаніемъ. Особенная чуткость психики Платона въ этической области навѣяла пессимизмъ въ его душу, но скорбь по поводу несоотвѣтствія дѣйствительной жизни съ этическими нормами не переходила у него въ отчаяніе: его мысль успокаивалась на сознаніи, что существуетъ иной, высшій міръ, гдѣ вѣчная реализація истины и добра. Это сознаніе, какъ категорическій императивъ, реальнаго существованія идеальнаго міра было причиной постояннаго стремленія, порыва его духа въ царство истины и добра, въ горній міръ идеаловъ, міръ вѣчныхъ нормъ

поэтому философъ смотрѣлъ на жизнь не какъ временный жилецъ этого міра, но какъ человѣкъ, бессмертный духъ котораго стремился освободиться отъ земныхъ оковъ и уловить хотя бы слабый лучъ свѣта изъ того царства истины, гдѣ онъ нѣкогда будетъ покоиться.

По религіознымъ убѣжденіямъ Платонъ принадлежалъ къ глубоко вѣрующимъ личностямъ; онъ въ религіи искалъ и нашелъ удовлетвореніе своему пытливому уму и покой мятущемуся духу; отсюда тѣсное соприкосновеніе его философіи съ народной религіей; вся его философія носитъ на себѣ печать религіи и справедливо можетъ быть названа религіозно-теологической системой.

Внѣшнимъ факторомъ, имѣвшимъ глубокое вліяніе на все міросозерцаніе Платона, въ частности на его мистику, была, несомнѣнно, глубоко поучительная смерть дорогого учителя-философа Сократа. Она произвела кризисъ въ нравственной жизни Платона и вызвала въ немъ протестъ противъ всего нравственнаго строя греческаго общества; вмѣстѣ съ тѣмъ смерть еще болѣе убѣдила Платона въ реальности высшей бессмертной духовной жизни. Таково впечатлѣніе, выносимое нами послѣ знакомства съ его извѣстнымъ діалогомъ „Федонъ“; если отдѣльныя доказательства бессмертія души, приводимыя въ этомъ діалогѣ и влагаемыя въ уста Сократа, не выдерживаютъ логической критики, то изъ всего гениальнаго изображенія этой предсмертной бесѣды Сократа и его послѣднихъ часовъ выдѣляется одно впечатлѣніе—одухотворенность Сократовой личности, сознаніе духовности человѣческой личности вообще; здѣсь утверждается идеаль духовной, сверхчувственной жизни, высшая дѣятельность и правда которой открывается въ самой смерти Сократа. Глубокопоучительный и полный мистичности фактъ смерти Сократа въ корнѣ подорвалъ наивный евдемонизмъ“, т. е. вѣру въ единство добра и счастья, которая, согласно ученія историческаго Сократа, высказывается въ раннихъ діалогахъ его ученика. Но она не подорвала вѣры въ реальность добра и въ истинность универсальныхъ этическихъ нормъ, опознанныхъ Сократомъ: напротивъ, она утвердила эту вѣру, раскрывъ ей новый духовный міръ. Если въ мірѣ семъ идеаль не осуществляется, то это не значитъ, чтобы этотъ идеаль былъ ложнымъ; если этическія нормы, всеобщія и безуслов-

ныя, отвергаются и нарушаются челоѣчествомъ, это не значитъ, чтобы онѣ упразднялись, были мнимы. Наоборотъ, онѣ однѣ обладаютъ высшею, сверхчувственною реальностью: идеалу, истинѣ принадлежитъ подлинная дѣйствительность, тогда какъ тотъ видимый порядокъ вещей, который есть отрицаніе идеала, есть не только дурной, но и ложный. Короче, надъ видимымъ чувственнымъ міромъ признается иной сверхчувственный міръ, міръ идеала, въ которомъ нормы добра имѣютъ свое полное осуществленіе. И уже въ „Горгіи“, едва ли не первомъ діалогѣ, написанномъ послѣ смерти Сократа, гдѣ съ такою энергіей произносится судъ надъ всѣмъ исторически-сложившимся нравственнымъ и политическимъ строемъ современнаго общества, мы находимъ рѣшительное утвержденіе безусловной цѣнности нравственныхъ нормъ и признаніе реальности высшаго духовнаго міра, „въ немъ же правда живетъ“¹⁾.

Указавъ на факторы, объясняющіе намъ мистицизмъ философіи Платона, перейдемъ къ изложенію его философско-мистическихъ воззрѣній.

I.

Центральнымъ пунктомъ Платоновой философіи является гносеологическое - метафическое воззрѣніе, извѣстное подъ названіемъ ученія объ идеяхъ или сущностяхъ въ формѣ ихъ выраженія (*εἶδος, ἰδέα*, что имѣетъ одно и то же значеніе). Основнымъ мотивомъ возникновенія этого ученія была этическая потребность достигъ истинной добродѣтели посредствомъ истиннаго знанія. Для того, чтобы существовала сознательная добродѣтель, въ основу философіи, по Платону, должна быть положена теорія познанія²⁾.

Для добродѣтели, по мысли Платона, требуется иное знаніе, чѣмъ тѣ будничныя свѣдѣнія, которыя приобрѣтаются посредствомъ воспріятій. Знаніе, въ которомъ Платонъ вмѣстѣ съ Сократомъ искалъ добродѣтели, по своему существу и происхожденію, должно быть совершенно отлично отъ знанія, приобрѣтаемаго посредствомъ чувствъ. Наблюдая окру-

¹⁾ Князь С. Н. Трубецкой. Исторія древней философіи. Часть II, Москва, 1908, стр. 16.

²⁾ Принципъ, — что нравственная добродѣтель зиждется на знаніи, былъ всецѣло заимствованъ Платономъ у Сократа.

жающій насъ міръ, мы видимъ въ немъ множество предметовъ и явленій, подвергающимся безчисленнымъ видоизмѣненіямъ. Міръ, подобный тѣлесному, гдѣ все вѣчно возникаетъ и исчезаетъ, или по выраженію философа Гераклита, πάντα ῥεῖ, гдѣ нѣтъ постояннаго бытія, можетъ служить предметомъ только такого же не постояннаго рода познанія, лишеннаго прочнаго единства,—и такимъ, именно, родомъ познанія является воспріятіе; постоянно лишь возникающій міръ познается лишь возникающею, никогда не получающею устойчивыхъ формъ, дѣятельностью души. Еще до Сократа философы приходили къ убѣжденію, что подлинная дѣйствительность не принадлежитъ видимому міру явленій, и что истинное познаніе не заключается въ чувственномъ воспріятіи. Элейцы видѣли истину въ единомъ, неизмѣнномъ, неподвижно существѣ, которое они противопоставляли міру явленій: путь истины есть умозрительное познаніе, путь лжи—чувственный опытъ. Пифагорейцы, Эмпедокль, Анаксагоръ, даже атомисты также отвергали истину чувственнаго познанія и признавали истинными, дѣйствительно существующими лишь умопостигаемая начала, недоступныя чувствамъ (числа, атомы). Истинное значеніе, по Платону, должно быть чуждо тѣхъ несовершенствъ, которыя мы встрѣчаемъ въ знаніи, приобретаемомъ посредствомъ чувствъ—истинное знаніе должно отличаться устойчивостью, неизмѣнностью, логической и этической чистотой. Не удовлетворившись результатами чувственнаго познанія, Платонъ вмѣстѣ со своимъ учителемъ—Сократомъ призналъ, что истинное знаніе заключается въ понятіяхъ; послѣднія—единственный мостъ къ царству истины ¹⁾).

Признаніе Платономъ двухъ видовъ знанія—знанія посредствомъ чувствъ и знанія посредствомъ понятій,—съ логической необходимостью требовало допущенія и двухъ видовъ бытія, какъ объектовъ знаній, потому что знаніе съ аттической точки зрѣнія, всегда есть отраженіе бытія въ сознаніи, знаніе и бытіе—тождественны, коррелятивны. Логическимъ понятіямъ соотвѣтствуютъ дѣйствительныя „виды“

¹⁾ Вопросъ о природѣ человѣческаго знанія детально разработанъ Платономъ въ діалогѣ „Феететъ“, который, по справедливости, можетъ считаться лучшимъ введеніемъ въ философію Платона, хотя онъ приходитъ, повидимому, лишь къ отрицательнымъ результатамъ.

существовъ ихъ, родовыя формы или „идеи“ (ιδέα). Но поскольку эти виды пребываютъ неизмѣнно, поскольку имъ принадлежитъ истинное бытіе,—они опредѣляются какъ сущности (οὐσίαι). „Если разумъ и истинное мнѣніе, рассуждаетъ Платонъ въ одномъ изъ своихъ діалоговъ,—два отдѣльные рода, то существуютъ непременно дѣйствительнымъ образомъ (реально) сами въ себѣ (καθ'αυτά) эти образы вещей, не подлежащіе нашимъ чувствамъ, а только мыслимыя, когда же истинное мнѣніе ничѣмъ не различается отъ разума,—все, что воспринимаемъ мы чрезъ тѣло, надо почитать вполне достовѣрнымъ“¹⁾. Основаніе для признанія самостоятельнаго, предметнаго бытія опирается, значить, на различіи въ насъ двухъ способностей, различныхъ по природѣ и, слѣдовательно, по предметамъ. Анализъ познавательной природы человѣческаго духа привелъ Платона къ признанію двухъ видовъ предметнаго бытія, и онъ превратилъ общія родовыя понятія въ идеи, сообщивъ имъ предметную реальную дѣйствительность, и эта реальность идей въ свою очередь казалась неизбѣжнымъ условіемъ возможности научнаго мышленія²⁾.

Ученіе Платона объ идеяхъ обязано также своимъ происхожденіемъ стремленію философа найти постоянное и неизблемое въ основѣ явленій. „Платонъ былъ убѣжденъ, замѣчаетъ Аристотель въ своей „Метафизикѣ“, въ истинѣ Гераклитова взгляда относительно чувственнаго міра и считалъ его за вѣчный потокъ. Но если есть знаніе, то необходимо рядомъ съ чувственными вещами должны быть другія сущности, постоянныя, потому что о вѣчно текучемъ не можетъ быть никакой науки“³⁾. Задача знанія—претворить все разнообразіе индивидуально измѣнчивыхъ и текучихъ явленій, воспринимаемыхъ чувствами, въ сложную систему строго организованныхъ и неизблемыхъ понятій ума, которыя мы могли бы разсматривать, какъ объективное выраженіе вѣчныхъ и неизмѣнныхъ законовъ самой вселенной,

¹⁾ Tim. Пер. Карпова, стр. 426.

²⁾ Parm. 135 B: εἴ γέ τις δῆ... αὐ μὴ ἕασει εἶδη τῶν ὄντων εἶναι... οὐδέ ὅποι τρεψαί εἶν διάνοιαν εἴξει μὴ εἶν ιδέα τῶν ὄντων ἕκαστον τὴν αὐτὴν εἶναι, καὶ οὕτως τὴν τοῦ διαλέγεσθαι δύναμιν παντάπασι διαφθερεῖ.

³⁾ Metaph. XIII, 4.

независимо и внѣ нашего ума (это и есть идеи Платона, какъ нѣчто независимое отъ міра явленій и отъ понятій). Идеи, наконецъ, необходимы, какъ единственныя, возможныя причины явленій, способныя объяснить природу и ея теченія.

Въ субъективномъ отношеніи идеи—достоверныя въ себѣ, независимыя отъ опыта принципы знанія, а съ объективной—идеи не что иное, какъ превращенныя въ самостоятельныя метафизическія реальности общія понятія; эти неизмѣнные принципы бытія и міра явленій, безтѣлесныя, непространственныя, простыя единицы, заключающіяся во всемъ, что только можно признать самостоятельными. Предметы міра представляютъ процессъ образованія и допускаютъ въ себѣ измѣненіе, идеи—бытіе постоянное, неизмѣнное и всегда равное самому себѣ. Идеи между собою находятся въ іерархическомъ отношеніи: какъ понятія относятся между собою такъ, что высшее понятіе обнимаетъ и соединяетъ многія низшія, и, исходя изъ одного понятія можно найти всѣ другія, такъ и идеи имѣютъ рядъ степеней, концентрируясь въ такой идеѣ, которая для своего оправданія не требуетъ никакой высшей идеи. Эта высочайшая и безусловная основа идей—идея „блага“. Чувственный міръ, міръ явленій философъ не почиталъ міромъ *sui generis*, чуждымъ царства идей, напротивъ, все свое существованіе и обоснованіе міръ явленій получаетъ отъ проявленія въ немъ идей; послѣднія относятся къ явленіямъ, какъ причина къ слѣдствію; идеи—это первообразы, явленія же—отблескъ, отраженіе идей; полного и совершеннаго тождества между тѣми и другими не существуетъ; явленія и вещи—не болѣе, какъ блѣдный снимокъ, слабое подобіе идей¹⁾.

Отдѣливъ идеи отъ вещей, Платонъ, такимъ образомъ, объективировалъ ихъ въ особый міръ внѣчувственнаго и внѣ-

¹⁾ Идея блага есть верховная идея, царица въ мірѣ идей, первопричина всего сущаго, слѣдовательно она совпадаетъ въ качествѣ абсолютнаго основанія всякаго бытія съ Божествомъ, которое характеризуется совершенно такъ, какъ благо, и признается тождественнымъ съ нимъ. Вопросъ же о томъ, какимъ образомъ благо, которое точно такъ же, какъ и всѣ идеи, должно быть общимъ, и въ качествѣ высшей идеи самымъ общимъ, вѣчнымъ родомъ, можетъ, быть вмѣстѣ и Божествомъ, слѣдовательно личнымъ существомъ, Платонъ оставилъ открытымъ.

индивидуальнаго бытія; міръ идей, который Платонъ почиталъ истинно сущимъ, находится у него внѣ міра окружающей насъ, феноменальной дѣйствительности. Въ сознаніи Платона, такимъ образомъ, представлялось два міра: міръ истинной дѣйствительности—идеи, предметъ познанія посредствомъ понятія, и міръ относительной дѣйствительности—предметъ чувственнаго познанія. Первый изъ нихъ—невидимый, вѣчный, непроисшедшій и непреходящій, неизмѣнный, это—имматеріальный міръ идей; другой—видимый, непрерывно измѣняющійся, это—матеріальный міръ тѣлъ и ихъ движеній. „Есть два рода бытія, рассуждаетъ Платонъ, одно, что всегда есть, но никогда не происходитъ ($\tau\acute{o}\ \delta\upsilon\ \alpha\epsilon\iota\ \gamma\epsilon\nu\epsilon\sigma\upsilon\ \delta\grave{\epsilon}\ \omicron\upsilon\kappa\ \epsilon\chi\omicron\nu$); другое,—что всегда происходитъ, но никогда не есть ($\tau\acute{o}\ \gamma\iota\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\nu\ \alpha\epsilon\iota\ \delta\upsilon\ \delta\grave{\epsilon}\ \omicron\upsilon\delta\epsilon\lambda\omicron\tau\epsilon$)“¹⁾. Предметомъ истиннаго познанія посредствомъ понятій, познанія, котораго уже искалъ Сократъ, является міръ идей; предметомъ относительнаго познанія посредствомъ воспріятій служить тѣлесный міръ, имѣющій и цѣнность только относительную, цѣнность Гараклитова возникновенія.

Ученіе о двухъ мірахъ является оригинальной концепціей Платоновой метафизики. Рѣзкое противопоставленіе этихъ двухъ міровъ, этотъ метафизическій дуализмъ явился естественнымъ слѣдствіемъ гносеологическаго дуализма между мышленіемъ и воспріятіемъ. Свой дуализмъ философъ перенесъ изъ теоретической дѣятельности человѣка и на практическую. Если, такъ полагалъ еще Сократъ, хотѣніе человѣка опредѣляется его пониманіемъ, то и цѣнность хотѣнія будетъ зависѣть отъ цѣнности его пониманія. Изъ истиннаго знанія, которое имѣетъ своимъ объектомъ идеи, должна вытекать иная, высшая и истинная добродѣтель, чѣмъ изъ относительнаго знанія, изъ воспріятій и мнѣній. Платонъ и различаетъ, поэтому, по существу и цѣнности два вида добродѣтели: философскую и обыкновенную. Обычная добродѣтель—это та „мѣщанская“ порядочность, которая покоится на традиціи, привычкѣ, обычаяхъ, на накопленныхъ опытомъ мнѣніяхъ, ея правила—мораль толпы и будничной жизни—соблюдаются отдѣльнымъ человѣкомъ не изъ убѣжденія, не ихъ разсудительности и личныхъ интересовъ; напротивъ,

¹⁾ Gim. стр. 27.

философская добродѣтель возникаетъ изъ знанія, сведеннаго къ понятіямъ; она сознаетъ свои мотивы и можетъ дать въ нихъ отчетъ; она—жизнь, руководимая разумомъ. Поэтому и цѣль ея лежитъ въ невидимомъ мірѣ, между тѣмъ какъ „обыденная добродѣтель“ стремится къ благамъ земной жизни ¹⁾).

Признаніе существованія идеальнаго міра, царства идей имѣло важное значеніе для развитія послѣдующаго философскаго міросозерцанія Платона; оно помогло ему разрѣшить загадку о происхожденіи духа человѣческаго и послѣднихъ судьбахъ его.

Прежде раскрытія и выясненія Платономъ вопроса о происхожденіи и судьбѣхъ человѣческой души, умѣстно, думается, предпослать ученіе Платона о душѣ. Душа ($\psi\upsilon\chi\eta$) человѣка,—по нему, самостоятельное, свободное и бессмертное начало, посредствующее между обоими мірами; сама по себѣ душа предназначена къ познанію божественнаго и вѣчнаго или идеальнаго міра; между идеями и душой существуетъ тѣсное родство: какъ идеи—невидимы, неразрушимы и вѣчны, такъ и душа ихъ познающая, обладаетъ тѣми же атрибутами; пребываніе ея въ тѣлѣ является стѣсненіемъ свободы души въ области познанія идеальнаго міра. Такъ какъ душа по своей истинной сущности, которую нужно искать въ ея разумѣ ($\nu\omicron\delta\varsigma$), ²⁾ принадлежитъ сверхчувственному міру, и только въ немъ можно найти истинное и прочное бытіе, то достигнуть обладанія благами ихъ блаженства, составляющаго послѣднюю цѣль человѣческаго стремленія, можно лишь возвышаясь до того высшаго міра; тѣло, напротивъ, и чувственность есть гробъ и темница для души, которая получила свои неразумныя составныя части только вслѣдствіе соединенія съ ними; оно есть основаніе всякихъ вождельній и всякихъ помѣхъ для духовной дѣятельности. „Поэтому истинное назначеніе человѣка состоитъ въ томъ бѣгствѣ изъ этой жизни, которое въ діалогѣ „Феететъ“ Платонъ сравниваетъ съ богоподобіемъ, въ томъ

¹⁾ Виндельбандтъ. Платонъ, стр. 88.

²⁾ Разумъ ($\nu\omicron\delta\varsigma$) единственная, божественная и бессмертная составная часть души: при соединеніи его съ тѣломъ съ нимъ соединялась часть смертная, которая распадается на двѣ части: силу оживляющую ($\theta\upsilon\mu\varsigma$; $\theta\upsilon\mu\omicron\delta\iota\kappa\eta\varsigma$) и силу вождельній ($\delta\epsilon$ $\epsilon\pi\iota\theta\upsilon\mu\eta\tau\iota\kappa\acute{o}\nu$).

философскомъ умираиіи, къ которому въ „Фэдонѣ“ сводится жизнь философа. Но если, съ другой стороны, видимое составляетъ все же отобразъ невидимаго, то является задача пользоваться чувственнымъ явленіемъ какъ пособіемъ къ созерцанію идеи и вносить идею въ чувственное явленіе“¹⁾.

Наличность въ духѣ человѣческомъ идей, какъ готоваго содержанія, независящаго отъ опыта, привела Платона къ мысли о предсуществованіи души. Истинная сущность и истинное содержаніе понятія не заключены въ воспріятіи; какимъ же, спрашивается, образомъ мы получаемъ истинныя познанія, которыя тѣсно связаны съ воспріятіемъ тѣла? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ у Платона сказывается своеобразная скованность активнаго мышленія, которое не допускало представленія о творческой энергіи сознанія, но хотѣло во всякомъ познаніи видѣть лишь воспроизведеніе полученнаго, найденнаго въ готовомъ видѣ. Если, такимъ образомъ, содержаніе понятія отлично отъ содержанія соотвѣтствующихъ ему воспріятій и не дано въ нихъ, то оно должно быть дано и воспріято познающей душой какъ-нибудь иначе. Идеи, по Платону, не могутъ быть произведены размышленіемъ, слѣдовательно, онѣ должны быть разсматриваемы какъ первоначальная принадлежность души, припоминающей ихъ при видѣ копій въ чувственномъ мірѣ. Но душа не могла получить идеи въ актѣ рожденія, такъ какъ, рассуждаетъ Платонъ, люди, когда ихъ о чемъ-нибудь спрашиваютъ, если только вопросъ поставленъ хорошо, сами отвѣчаютъ на все правильно, чего они не могли бы дѣлать, если бы не обладали врожденнымъ знаніемъ и здравымъ умомъ²⁾. „Прежде чѣмъ мы начали видѣть и слышать или воспринимать что-нибудь съ помощью другихъ чувствъ, говоритъ Платонъ въ другомъ мѣстѣ діалога, мы должны были получить гдѣ-нибудь понятіе, напр., о равенствѣ, что оно такое въ самомъ себѣ, для того, чтобы могли возводить къ нему подлежащіе чувствамъ равные предметы и видѣть, что они стремятся стать равными какъ само равенство, но однако стоятъ ниже его; очевидно, мы должны получить понятіе о немъ раньше рожденія; если мы, получивъ понятіе о немъ

¹⁾ Zeller. ie Philosophie Der Griechen. S. 129.

²⁾ Лебедевъ. Платонъ о душѣ. Пер. Фелон. стр. 25.

раньше рожденія; если мы, получивъ понятіе о немъ прежде рожденія родились вмѣстѣ съ нимъ, то не очевидно ли опять, что мы знали и прежде рожденія и тотчасъ по рожденіи не только равное, но и всѣ вещи подобнаго рода, потому что мы говоримъ теперь столько же о равенствѣ, сколько о прекрасномъ въ его сущности, добромъ и справедливомъ и святомъ, словомъ сказать обо всемъ, чему только мы приписываемъ бытіе“ ¹⁾). Платонъ объясняетъ бытіе идей въ душу тѣмъ, что она прежде своего прихода въ земной міръ жила въ другомъ, идеальномъ мірѣ, гдѣ, несвязанныя узамы тѣла, созерцала лицомъ къ лицу чистыя, божественныя идеи; соединившись съ тѣломъ, душа воспроизводитъ ихъ въ сознаніи.

Присутствіе въ душѣ идей, какъ наличности съ актомъ рожденія и началомъ сознанія привело Платона къ убѣжденію о до-мірномъ существованіи и пребываніи души до момента рожденія въ царствѣ идей. Въ одномъ изъ своихъ діалоговъ Платонъ въ поэтической формѣ изображаетъ до-мірную жизнь души въ царствѣ идей, въ этомъ идеальномъ мірѣ, состоявшую въ созерцаніи и познаніи—вмѣстѣ съ богами—идей. „Душа человѣческая, повѣствуется въ этомъ діалогѣ, подобна нераздѣльной силѣ крылатой пары запряженныхъ коней и возничаго; кони боговъ и всѣ возничіе сами по себѣ, конечно, добры и произошли отъ добрыхъ, а у другихъ это смѣшано: одинъ изъ коней прекрасенъ и добръ, да произошелъ отъ такихъ же, а другой произошелъ отъ противныхъ ему и самъ по себѣ противенъ, поэтому управление ими по необходимости затруднительно и неудобно. По числу двѣнадцати боговъ, они дѣлились на двѣнадцать сонмовъ, а каждый сонмъ слѣдовалъ за своимъ богомъ, а всѣ боги составляли свиту великаго Зевса. Итогъ, Зевсъ, оставилъ центральное жилище Весты, ѣдетъ на праздникъ подъ зениты небеснаго свода и поднимается по наклонной плоскости, сопровождаемый всѣми богами и героями ²⁾). Во время этого путешествія душа созерцаетъ справедливость, разсудительность, знаніе, и не такое, какое рождается, или заключается одно въ другомъ, какъ это бываетъ теперь у насъ,

¹⁾ Phädo, стр. 29.

²⁾ Phädr, стр. 53.

но знаніе, находящееся въ истинномъ существѣ ¹⁾). Достигнувъ вершины и вышедши внѣ неба, боги и души становятся на хребтѣ его; стоя на немъ, они вращаются вмѣстѣ съ орбитою и созерцаютъ за небесное—оно есть существо безцвѣтное, неосязаемое, дѣйствительно сущее; насладившись созерцаніемъ, они снова пускаются во внутренность неба и идутъ съ праздниками ²⁾ домой ³⁾).

„Восхитительно было зрѣть красоту, когда всѣ вмѣстѣ и хоромъ духовъ, слѣдуя за Зевсомъ, а другіе за кѣмъ-либо другимъ изъ боговъ, мы наслаждались дивнымъ видѣніемъ и зрѣлищемъ и посвящены были въ тайну, блаженство которой и назвать невозможно,—когда мы праздновали ее, какъ непорочное и чуждое зла, ожидавшаго насъ въ будущемъ. Допущенное къ непорочнымъ, простымъ, постояннымъ и блаженнымъ видѣніямъ и созерцая ихъ въ чистомъ сіяніи, мы и сами были чисты и непогрѣбены въ этой оболочкѣ тѣла, которымъ мы связаны, какъ улитки ⁴⁾). Причина, по которой человѣческая душа лишилась небесной обители, очутилась въ мірѣ призраковъ и соединилась съ тѣломъ—потеря крыльевъ. „Во время путешествія душъ вмѣстѣ съ богами на праздникъ подъ зенитъ неба происходило слѣдующее явленіе: колесницы боговъ, послушныя ихъ управленію, катятся ровно и легко, а прочія съ трудомъ, потому что конь, причастный злу, не бывъ хорошо вскормленъ возничими, какъ то порывается и тяготѣетъ на землѣ ⁵⁾). „Однѣ наилучше слѣдуя за богами и подражая имъ, выникаютъ души, головою возникаго во внѣшнее мѣсто и увлекаются тою же орбитою, но обезпокоиваемыя конями, съ трудомъ созерцаютъ сущее; а другія то выникаютъ, то опускаются и, насилуемыя конями, иное видятъ, а иного—нѣтъ; нѣкоторыя, наконецъ, сколь ни сильно хотятъ подняться вверхъ, отъ сла-

¹⁾ Ibid., стр. 57.

²⁾ Цѣль поѣздки на праздникъ—питаться умомъ и чистымъ видѣніемъ, созерцать истину въ самостоятельномъ и нераздѣльномъ бытіи, потому что истинное или сущее само по себѣ—единственная пища, поддерживающая разумность и безсмертіе сотворенныхъ существъ (Gim., стр. 41).

³⁾ Phädr, стр. 57.

⁴⁾ Ibid., стр. 53.

⁵⁾ Phädr, 56.

бости погружаются, падаютъ стремглавъ, попираютъ и давятъ другъ друга и стараются войти въ міръ явленій одна прежде другой. Многія изъ нихъ, отъ глупости возникшихъ, дѣлаются калѣками, многія ломаютъ и теряютъ крылья, а растерявши, влекутся внизъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтятся съ чѣмъ нибудь твердымъ (матерія, планетное убѣжище души) и, нашедши себѣ жилище и тѣло и движась собственной силою, называются въ цѣломъ составѣ животнымъ, сложеннымъ изъ души и тѣла, и получаютъ имя смертнаго“ 1).

Покинувъ горній міръ вслѣдствіе потери крыльевъ, душа поселилась въ земномъ мірѣ, найдя жилище себѣ въ немъ; въ актѣ соединенія съ послѣднимъ душа забыла свою прежнюю жизнь, подобно тому, какъ человѣкъ, перешедши отъ свѣта къ темной пещерѣ, лишается въ первый моментъ возможности различать окружающіе его предметы, но затѣмъ, путемъ опыта и ученія, возстановливаетъ въ потемнѣнномъ сознаніи прошлое, припоминаетъ то знаніе, какимъ она обладала до тѣлесной жизни. „Получивъ знаніе до рожденія, вопрошаетъ Платонъ, мы потеряли его чрезъ рожденіе, а потомъ, съ помощью чувствъ пріобрѣтаетъ тѣ знанія, которыя мы имѣли нѣкогда прежде, то не будетъ ли то, что мы называемъ ученіемъ—возобновленіемъ присущаго намъ знанія, и говоря, что знать—значитъ припоминать, не говоримъ ли мы правильно? 2). Знаніе, такимъ образомъ—не что иное, какъ припоминаніе (*ἠνάμνησις*) душою того, что она созерцала нѣкогда, совершая небесныя странствованія вслѣдъ за божествомъ, когда она, презирая называемое нами теперь бытіемъ, возвышалась до созерцанія того, что представляетъ истинное бытіе. Знаніе есть припоминаніе того, что душа познавала до своего существованія вмѣстѣ съ тѣломъ; понятіе—припоминаніе, воспроизведеніе въ сознаніи скрытыхъ и уже присущихъ ему идей, прямо взяты изъ созерцанія сущности вещей въ другомъ мірѣ. По Платону, душа не можетъ составлять понятій, если въ умѣ не будетъ идей вѣчной истины, которая есть достояніе неба.

Взглядъ Платона на знаніе, какъ на воспоминаніе, является краеугольнымъ камнемъ всего ученія объ идеяхъ, а

1) *ibid*, стр. 53 и 58.

2) Лебедевъ. Цит. соч. стр. 30.

предсуществованіе души до-тѣлесной жизни является необходимой предпосылкой этого ученія.

Возрѣніе Платона на тѣлесную жизнь души въ земномъ мірѣ, какъ видимъ, носитъ печать того пессимизма, который позднѣе слышится въ еретическихъ ученіяхъ христіанства. Тѣло является для души темницею, препятствующей ей постигать идеи, принуждая ее всецѣло обращать вниманіе на міръ явленій и призраковъ. „Она вынуждена созерцать истинное бытіе чрезъ тѣло, какъ будто чрезъ стѣны темницы, но не сама чрезъ себя. Человѣкъ долженъ познавать истину подъ формою рода (εἶδος), которая состоитъ изъ многихъ чувственныхъ представленій, приводимыхъ разсудкомъ во-едино, а это дѣлается чрезъ воспоминаніе о томъ, что душа знала, когда сопровождала боговъ 1). „Душа, принимая въ соучастіе тѣло при изслѣдованіи чего-нибудь, увлекается имъ къ тому, что никогда не остается неизмѣннымъ, начинаетъ перебѣгать отъ одного предмета къ другому, теряетъ спокойствіе и кружится, какъ опьянялая, вслѣдствіе того, что пришла въ соприкосновеніе съ подобными тѣлу предметами 2).

Размышляетъ душа лучше всего тогда, когда ничто не возмущаетъ ее: ни слухъ, ни зрѣніе, ни печаль, ни удовольствіе, когда она заключается всецѣло въ самое себя, не пользуясь ни въ чемъ помощью тѣла, и, насколько это для нея возможно, не сообщаясь съ нимъ и не прикасаясь къ нему, устремляется въ область истиннаго бытія 3).

„Пока мы заключены въ тѣла, говоритъ Платонъ, пока наша душа связана съ этимъ зломъ, мы не будемъ вполне обладать тѣмъ, къ чему стремимся: я разумѣю истину. Тѣло представляетъ намъ безчисленныя препятствія по причинѣ необходимости заботиться о немъ; справедливо говорятъ, что, благодаря тому, никогда и ни въ чемъ мы не можемъ быть мудрыми. И если мы желаемъ что-нибудь настоящимъ образомъ знать, то намъ необходимо стремиться отъ тѣла и одной душой созерцать сущность вещей; тогда только мы достигнемъ того, къ чему стремимся, и чего мы называемъ

1) Phädr, стр. 62.

2) Phädo, стр. 36.

3) Phädo, стр. 13.

себя любителями, т. е. знанія, когда окончимъ жизнь, а не теперь, пока живемъ; тогда душа будетъ существовать сама въ себѣ, отрѣшенная отъ тѣла; пока же мы живемъ, можемъ только въ томъ случаѣ приближаться къ истинѣ, если будемъ какъ можно менѣе сообщаться и дружитья съ тѣломъ, кромѣ случаевъ крайней необходимости, если не будемъ исполняться его свойствами, но будемъ блюсти себя отъ него чистыми до тѣхъ поръ, пока богъ не освободитъ насъ; тогда мы, разрѣшившись чистыми отъ безумныхъ пожеланій тѣла, будемъ, вѣроятно, находиться съ такими же сущностями, какъ мы сами и чрезъ самихъ себя все постигать въ чистомъ видѣ, а это вѣроятно, и есть истина".¹⁾

Темное чувство о высокому происхожденіи и сознание несовершенства жизни въ тѣлѣ, которое является препятствіемъ къ познанію истины—единственной пищи—возбуждаютъ въ душѣ жгучія стремленія, рождаютъ въ ней порывы къ своему отечеству—идеальному міру; душа постоянно тоскуетъ по небесной отчизнѣ своей, по божественной жизни, по потерянномъ раѣ. Всякій разъ, когда воспріятіе чувственныхъ явленій и вещей пробуждаетъ въ душѣ воспоминаніе о сверхчувственномъ „образѣ“ ихъ, который она нѣкогда созерцала въ невидимомъ мірѣ, то она (не можетъ успокоиться на этомъ воспоминаніи; въ еще неиспорченной душѣ поднимается удивленіе, а затѣмъ могучее стремленіе снова созерцать этотъ „первообразъ“ во всей его чистотѣ и совершенствѣ и такимъ путемъ подняться въ высшій міръ; въ ней возникаетъ мучительное безпокойство, она порывается отъ чувственного къ сверхчувственному, чтобы схватить и овладѣть имъ. „Изъ скорбнаго чувства удивленія по поводу разницы между идеей и ея явленіемъ рождается стремленіе, любовь къ сверхчувственной идеѣ (*ἰδος*), который, отъ переходящей сущности чувственного влечетъ обратно къ бессмертному содержанию міра“²⁾. Это стремленіе къ идеальному міру выражается въ любви и знаніи, въ восторгѣ отъ прекраснаго и въ стремленіи духа къ господству надъ тѣломъ. Эти порывы указываютъ на то, что истинная жизнь души не есть настоящее „чувствованіе“, что для нея жизнь предстоитъ въ будущемъ, послѣ отдѣленія ея отъ тѣла.

¹⁾ Ibid, стр. 15, 36.

²⁾ Phädr, стр. 63.

II.

Логическимъ выводомъ изъ метефизики является этика Платона. Жизнь человѣка на землѣ, по нему, имѣетъ глубокий нравственный смыслъ. Она должна служить воплощеніемъ человѣка къ вѣчности, ибо она—только обрывокъ вѣчнаго бытія.

Душа по своей сущности, какъ сказано выше, бессмертна и безтѣлесна; тѣло—ея тюрьма; всякое желаніе, относящееся къ нему, является новыми оковами, удерживающими ее въ плѣну, поэтому и задача ея—освободиться отъ тѣла, по возможности подавлять въ себѣ чувственныя пожеланія, стремиться стать чистой, справедливой, и такимъ образомъ, изъ земного міра подняться въ небесный; весь путь жизни—путь самопознанія и самоусовершенствованія, углубленія души въ себя съ цѣлью уразумѣнія своей природы, временно скрытой отъ нея пеленою призрачныхъ явленій. γνωθι σεαυτον—завѣтъ Сократа—для ученика значилъ—познать въ себѣ и чрезъ себя все истинно сущее, прекрасное, божественное. Выражаясь терминологіей Платона, мы должны сказать, что задача человѣка въ этомъ мірѣ состоитъ въ приобрѣтеніи „крыльевъ“ для души, которыхъ она лишилась. „Сила пера, рассуждаетъ философъ, состоитъ обыкновенно въ томъ, чтобы тяжелое поднимать на высоту, въ пространство воздуха, гдѣ обитаетъ поколѣніе боговъ. И такъ какъ душа болѣе, чѣмъ тѣлесному, причастна божественному, а божественное есть прекрасное, мудрое, доброе и все тому подобное, то этимъ то особенно питаются и взрачиваются крылья души, а отъ постыднаго, злого и противоположнаго высшему они ослабѣваются и гибнутъ“¹⁾. Стремленіе человѣческой души—разсѣянныя черты вещей собирать во-едино—не иное что, какъ стараніе припоминать и возстановлять тѣ образы, созерцаніемъ которыхъ души наслаждались въ жизни до-мірной“. И кто болѣе занимается этимъ, какъ, напр., философы, тотъ скорѣе вырашиваетъ крылья для паренія на небо, ибо тотъ живѣе возбуждаетъ въ памяти идеи вещей небесныхъ.

Лучшимъ средствомъ для осуществленія человѣкомъ задачи жизни является, по Платону, философія; въ послѣд-

¹⁾ Phädr, стр. 54.

ней философъ видѣлъ божественное искусство, которое одно только и можетъ быть истинное знаніе и которое, слѣдовательно, является единственной основой истинной добродѣтели. Для Платона философія—не только теоретическое знаніе, но и возвращеніе души къ своему истинному назначенію, духовное возрастаніе, въ которомъ душа снова приобрѣтаетъ познаніе идеальнаго міра, а вмѣстѣ съ этимъ сознаніе своего высокаго происхожденія, своего превосходства надъ чувственнымъ міромъ; въ философіи духъ очищается отъ всякой чувственной примѣси, достигаетъ свободы и покоя, которыхъ она лишилась, погрузившись въ матеріальную сферу.

Любители мудрости знаютъ, что философія, принимая на свое попеченіе ихъ душу, всецѣло связанную тѣломъ и приросшую къ нему,—которая поэтому вынуждена созерцать бытіе чрезъ тѣло, какъ будто чрезъ стѣны темницы, но не сама чрезъ себя, и вслѣдствіе этого находится въ состояніи полного незнанія, и чувствуютъ крѣпость этой тюрьмы, принимая на свое попеченіе ихъ душу въ такомъ состояніи, кротко увѣщаваютъ ее, стараясь освободить ее отъ оковъ, и показывая ей, что изслѣдованіе чего-нибудь чрезъ зрѣніе обманчиво, точно также какъ чрезъ слухъ и другія чувства, убѣждаютъ ее уединиться отъ нихъ, сосредоточиваться въ самомъ себѣ; душа истиннаго философа, будучи убѣждена въ томъ, что этому освобожденію не должно противиться, избѣгаетъ удовольствія и пожеланій, печалей и опасеній¹⁾. Достоинно окрыляется только мысль философа, такъ какъ его „воспоминаніе“ направляется къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ, направляясь, самъ богъ есть существо божественное. Чуждый житейскихъ заботъ и преданный божественному, онъ терпитъ укоризны толпы, какъ помѣшанный; въ немъ находится тотъ, кто, видя здѣшнюю красоту и вспоминая о красотѣ истинной окрыляется и, окрылившись, пламенно желаетъ летѣть выспрь; еще не имѣя силъ, онъ уже, подобно птицѣ, смотритъ вверхъ, а о дальнемъ не заботится²⁾. Задача земного жилища, по Платону, достойнымъ образомъ выполняется только философомъ. Вся жизнь его—умираніе, очищеніе (κάθαρσις) души отъ накипи чувственнаго суще-

¹⁾ Phädo, стр. 41.

²⁾ Phädr, стр. 61.

ствованія, освобожденія отъ тѣла посредствомъ знанія и добродѣтели. Въ „Федонѣ“ подлинное состояніе философа изображается, какъ стремленіе къ смерти, т. е. какъ желаніе отрѣшиться отъ тѣла, препятствующаго истинному знанію и стать чистымъ духомъ.

Ученіе Платона о личномъ безсмертіи, загробномъ существованіи души само собою вытекаетъ изъ всей его философіи, изъ всего ея духа. Философія и сообразная ей жизнь истиннаго философа есть отрѣшеніе отъ чувственнаго, убѣжденная проповѣдь высшаго духовнаго міра, какъ несравненно лучшаго истиннаго, прекраснѣйшаго. Поэтому, Платонъ не могъ и представить, чтобы жизнь духа прекращалась вмѣстѣ съ его удаленіемъ изъ чувственнаго міра, вмѣстѣ со смертію тѣла; онъ въ жизни проповѣдывалъ умираніе, отрѣшеніе отъ плоти, во имя сверхчувственнаго блага, во имя безплотной духовной жизни. Смерть для Платона была лишь окончательнымъ избавленіемъ отъ золь, началомъ новой жизни, ступенью, ведущей въ идеальный міръ, въ который философъ вѣрилъ болѣе, чѣмъ въ земную дѣйствительность. Изъ всѣхъ аргументовъ, приводимыхъ Платономъ для доказательства безсмертія души, особенно цѣнными являются психологическое и этическое. Душа безсмертна и вѣчна (предсуществованіе душъ), какъ начало движущееся и самодвижущееся, посредствующее между тѣломъ и идеями. Съ этой точки зрѣнія безсмертіе души необходимо должно быть признано, ибо иначе распалось бы звено міроздавія. Самодвижущееся начало не можетъ ни быть остановлено въ своемъ движеніи самимъ собою, ни разрушится чѣмъ либо внѣшнимъ, ибо въ такомъ случаѣ нарушился бы законъ мірового движенія, распалось бы небо, уничтожилась бы всякая связь, вся гармонія въ мірѣ. Каждая душа служитъ звеномъ, связью вселенной, подобно душѣ міровой. Безсмертіе души для Платона вмѣстѣ съ тѣмъ—нравственное требованіе: къ метафизическимъ доказательствамъ примѣшивалась и вѣра въ загробное возмездіе, въ торжество божественной правды. Судьба человѣческаго духа послѣ смерти, по Платону, тѣсно связана съ нравственной жизнью человѣка въ земномъ мірѣ. „Душа, связанная узами тѣлеснаго, чувственнаго, не можетъ освободиться, отъ нихъ; эта оболочка души есть нѣчто тяжелое, гнетущее къ землѣ; душа, обремененная ею, влечется къ видимому міру, поэтому

она принуждена блуждать вокругъ могильныхъ памятниковъ и гробницъ, подлѣ которыхъ бывають видимы иногда призраки, и блуждаетъ до тѣхъ поръ, пока, увлекаемая любовью къ тѣлесному, которое всюду ее преслѣдуетъ, не заключается въ какое нибудь тѣло, и, естественно ей соединиться съ животнымъ такого же права, какой она сама выказала при жизни. 1) Душа, такимъ образомъ, служившая чувственности тотчасъ послѣ смерти подвергается судьбѣ странствованія по различнымъ тѣламъ и, смотря по обстоятельствамъ, даже переходу въ низшія формы, отъ которыхъ она освобождается только тогда, когда въ сферѣ времянь она снова достигаетъ своей первоначальной чистоты. Чистая душа возвращается въ состояніе блаженнаго покоя, чтобы наслаждаться созерцаніемъ горняго міра; такая душа отправляется къ тому, что подобно ей—къ не видимому, божественному, бессмертному и мудрому; прибывъ туда, она получаетъ въ удѣлъ блаженство, освобождается отъ заблужденій и неразумія, опасеній и невгодъ и проводитъ вѣчность съ богами. 2) Промежутокъ времени странствованія опредѣляется въ десять тысячъ лѣтъ, 3) такъ какъ до этого времени душа успѣетъ окрылиться. „Совершивъ періодъ странствованія, души являються на судъ и по приговору послѣдняго, однѣ, сошедши въ „подземное жилище“ (адъ), получаютъ тамъ наказанія, а другія—возводятся судомъ на нѣкое небесное мѣсто и живутъ примѣнительно къ тому, какъ жили въ образѣ человѣка; въ тысячномъ году тѣ и другія отправляются для полученія наградъ и избирають вторую жизнь, какую каждая хочетъ. 4) Въ ученіе объ участи и судьбѣ души послѣ смерти Платонъ, такимъ образомъ, ввелъ въ полномъ объемѣ принципъ нравственной отвѣтственности и воздаянія.

1) Phädo, стр. 40.

2) Phädr, стр. 61.

3) Нужно сказать, что міровые промежутки, на которые души присуждаются къ странствованію и искупительному очищенію, колеблются у Платона между тысячью и десятью тысячами лѣтъ.

4) Phädr, стр. 61. Въ діалогахъ „Горгіѣ“ и „Республикѣ“ (X книг.) Платонъ также въ поэтическихъ образахъ описываетъ загробный судъ надъ душою.

III.

Религіозно-мистическая философія Платона имѣла глубокое значеніе и вліяніе въ исторіи человѣческой мысли. Идеализмъ античнаго философа нашелъ себѣ симпатіи не только въ послѣдующей аттической философіи, но и въ средне-вѣковой и новѣйшей философскихъ системахъ. Его мысли о сверхчувственномъ мірѣ въ связи съ теоріей о предсуществованіи душъ суждено было сдѣлаться жизненнымъ принципомъ будущихъ вѣковъ. Начиная съ Аристотеля—ученика Платона, и кончая Шопенгауеромъ, Лотце и Фехнеромъ, философская мысль черпала свои вдохновенія и построила свои системы на почвѣ идеализма Платона. Едва ли найдется и въ новѣйшее время хотя бы одинъ серьезный мыслитель, который не находился хотя бы подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Платоноваго міросозерцанія, въ особенности это нужно сказать о христіанскихъ философахъ и мыслителяхъ, такъ какъ возрѣнія Платона чистотою началъ и практическихъ идеаловъ очень близки и сродны съ возрѣніями христіанства и какъ будто предсказываютъ будущее христіанство. Отреченіе отъ всѣхъ выгодъ и благъ жизни въ пользу одного завѣтнаго идеала—безпрепятственнаго и болѣе совершеннаго приготовленія себя къ вѣчности, совѣтъ Сократа въ „Федонѣ“ друзьямъ—пребывая тѣломъ на землѣ, постоянно жить мыслями и пожеланіями на небѣ,—все это, какъ нельзя лучше напоминаетъ намъ Евангельскіе завѣты: „не любите міра, 1) „горная мудрствуйте“. 2) Платоново ученіе о природѣ души, ея происхожденіи и назначеніи послужило для человѣчества такимъ прочнымъ базисомъ въ возрѣніяхъ на этотъ предметъ, что противъ него бессильно было ученіе, стремившееся развѣнчать царя творенія и отнять у него самое драгоцѣнное его достояніе: разумъ, свободу и бессмертіе духа. Въ одинаковой степени и поэты и писатели всѣхъ странъ и народовъ, какъ философы и мыслители, для своихъ вдохновеній избирали темы и сюжеты изъ философіи Платона. Отголоски идеально-мистической философіи слышатся и въ русской художественной литературѣ, въ частности русской поэзіи. Правда, этотъ мистицизмъ и идеализмъ—не языческій, а христіанскаго

1) 1 Иоан. XI, 35.

2) Колос. III. 2.

происхожденія, но характерно для русской художественной литературы это неизмѣнное высокое служеніе тому самому идеализму, который составляетъ сущность философіи Платона. Ей всегда былъ чуждъ и несроденъ грубый реализмъ; напротивъ, главный и почти исключительный интересъ у русскихъ писателей и поэтовъ сосредоточивается на внутреннемъ смыслѣ явленій жизни и отъ этой преходящей дѣйствительности они поднимаютъ свои взоры къ небу, къ сверхчувственному, идеальному міру и сквозь призму идеализма расцѣпываютъ эту прозрачную дѣйствительность, эту настоящую жизнь. Исканіе Бога, правды, разгадки тайнъ бытія, настойчивое стремленіе приподнять завѣсу, проникнуть духовнымъ взоромъ и приобщиться высшаго духовнаго потусторонняго міра, гдѣ вѣчная реализація правды и добра, проходитъ красною нитью черезъ творчество русскихъ писателей и поэтовъ. Въ ней можно видѣть постоянное усиліе брать изъ жизни то, что въ ней лучшаго и даже въ пошломъ и низкомъ находить свѣтлую черточку. Въ этомъ исканіи свѣта во тьмѣ и среди мрачныхъ тѣней свѣтлыхъ уголковъ, въ этой идеализаціи дѣйствительности и вѣчномъ стремленіи въ свѣтлую лазурь идеальнаго міра, гдѣ „правда живетъ“ заключается характерная особенность русской литературы. Поэтому то, всѣ творенія художниковъ, одухотворенныя искренней и глубокой вѣрой ихъ, въ Высшую правду—Добро, исполнены величія и на нихъ лежитъ печать совершенства; отъ ихъ твореній вѣетъ бодростью, свѣжестью, идеализмомъ, уносящимъ въ царство міра, добра, красоты, счастья. „Надо отдать справедливость нашимъ лучшимъ художникамъ писателямъ,—даетъ отзывъ о русскомъ искусствѣ одинъ изслѣдователь поэтического творчества,—благородной, возвышенной ихъ художественно-литературной дѣятельности. Кому неизвѣстно огромное культурно-моральное вліяніе, произведенное у насъ поэзією Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевскаго, Тургенева и др. ¹⁾). Естественнымъ слѣдствіемъ идеализма въ русской поэзіи и литературѣ былъ аскетизмъ, отреченіе отъ міра и его соблазновъ, чтобы „горняя мудрствовать“ и готовить себя достойнымъ образомъ къ „вѣчности“, отказъ отъ личнаго счастья во имя высшихъ идеаловъ, полная реализація которыхъ осуществ-

¹⁾ В. Богородицкій. Психологія поэтического творчества. Казань. 1900, стр. 28.

вѣтъ въ иномъ, высшемъ мѣрѣ, „мѣрѣ безплотныхъ духовъ“, гдѣ обитаетъ Высшая Правда. Этотъ аскетизмъ въ русской литературѣ сказанъ не только въ томъ, что поэты и художники рисовали намъ образы такихъ героевъ, какъ „Живыя мощи“, „старца Зосиму“, „Алешу Карамазова“, „Тамару“, „Лизу Калитину“. По отзыву нашего русскаго философа В. Соловьева, вся русская литература—страдающій Христосъ, воплощеніе Божьей любви, милосердія, живая Божія правда въ конкретной, полной реальной красоты, необъятной силы образахъ. Для примѣра вспомнимъ, приглашаетъ философъ, хотя бы стараго слугу Савельича въ „Капитанской дочкѣ“—Пушкина, Макара Дѣвушкина въ „Бѣдныхъ людяхъ“—Достоевскаго, „Антонъ Горемыку“—Григоровича и нескончаемую вереницу другихъ страдальцевъ изъ народа: старца Зосиму, родителей Базарова, Петра Каратаева въ „Войнѣ и мирѣ“—Л. Толстого, развѣ это—не живая иллюстрація къ страницамъ Евангелія, не лучшіе образцы Христовой любви, сердечной чуткости, незлобивости и всепрощенія. Аскетизмъ въ русской литературѣ проявился также и въ глубоко возвышенномъ, идеальномъ взглядѣ поэтовъ и писателей на художественное творчество. Поэты и писатели всегда почитали себя орудіемъ Высшаго Добра, Божественнаго творчества, истинными служителями, стражами правды и прекраснаго. Лучшіе изъ писателей, не обинуясь, называли себя пророками; вспомнимъ Пушкинскаго или Лермонтовскаго „Пророка“—оба они написаны, какъ сredo поэзіи. Почитая себя орудіемъ Божественной воли и носителями Божественнаго вдохновенія, художники очень возвышенно и серьезно смотрѣли на свое служеніе, полагая, что ихъ священная обязанность—„провозглашать чистое ученіе любви и правды“, „глаголомъ жечь сердца людей“, пробуждать въ нихъ добрыя чувства и милость къ падшимъ, очищать дѣйствительность или жизнь отъ того, что ее прячетъ въ банальный механизмъ обычныхъ представленій и скрываетъ отъ мало наблюдательныхъ глазъ, вести человѣчество къ свѣту, правдѣ, окрылять себѣтлой надеждой и вести послѣднее къ совершенству. Поэтому актъ творчества писатели-художники считали „тяжелымъ подвигомъ жизни, великой борьбой и торжествомъ духа“. Самое вдохновеніе, безъ котораго немислимъ актъ творчества, представлялся худож-

никамъ какъ бы наитіемъ, откровеніемъ свыше, и въ эти моменты вдохновенія, въ моменты интуитивнаго творческаго процесса художники вѣрили, что душа ихъ соприкасается съ Божествомъ, что здѣсь происходитъ соприкосновеніе лучшей части человѣческаго существа съ однимъ изъ моментовъ такого же объективнаго мірового совершенства¹⁾. Поэтъ, какъ провозвѣстникъ всего прекраснаго, по взгляду Гоголя, долженъ стоять самъ на высотѣ умственнаго и нравственнаго развитія; постоянное самоусовершенствованіе—его главная цѣль. Въ повѣсти „Портретъ“ старый художникъ совѣтуетъ сыну: „Спасай чистоту души своей“. Кто заключилъ въ себѣ талантъ, тотъ чище всѣхъ долженъ быть душой²⁾. А вотъ другой великій писатель, скорбный мудрецъ. „Всю жизнь отдалъ онъ одной цѣли. Дѣлалъ немовѣрныя усилія; надъ всѣми соблазнами міра писалъ страшныя слова: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ; разрушалъ всѣ милыя, легкія преграды жизни, чтобы заглянуть въ лицо смерти; подобно древнимъ аскетамъ, торжественно отрекался не только отъ мяса, вина, славы, денегъ, но и отъ искусства, науки, отечества, отъ всякой человѣческой дѣятельности, отъ всякаго движенія воли; заставилъ участвовать міръ въ своей титанической агоніи отчаянія и надежды“³⁾. Онъ сознавался, что „учить тому, сколько козявокъ на свѣтѣ, разсматривать пятно на солнцѣ, писать романъ и оперу можно не страдая, но научить людей ихъ благу, которое только—въ отверженіи себя и служеніи другихъ и выражать сильно это ученіе нельзя безъ отреченія отъ себя“.

Весь аскетизмъ русской литературы прекрасно выраженъ въ слѣдующихъ словахъ поэта:

Одна есть въ мірѣ красота:
 Не красота боговъ Эллады,
 И не влюбленная мечта,
 Не горь тяжелыя громады,
 И не моря, не водопады,

¹⁾ Подробно о богодухновенности художниковъ см. наше изслѣдованіе: „Эстетическая культура и ея моральное вліяніе на личность и общество“. Кіевъ, 1909 г.

²⁾ Н. В. Гоголь, (Соч. т. XI, изд. Кулиша, стр. 417.

³⁾ П. Перцовъ. Философскія теченія русской поэзіи. ПТГ. 1896 стр. 19.

Не взоровъ женскихъ чистота.
 Одна есть въ мірѣ красота—
Любви, печали, отреченья
И добровольнаго мученья
За насъ распятаго Христа.

Постоянное стремленіе, порывъ въ высшій идеальный міръ рождаетъ меланхолическую грусть, тоску по горнему міру, отсюда въ русской литературѣ мистическое одухотвореніе, обожествленіе высшаго міра, населеннаго безплотными духами, символическое представленіе неба, какъ обитѣли и родной отчизны нашей души, одухотвореніе небесной сферы, звѣздъ и небесныхъ тучекъ, а также солнца, какъ символовъ чистоты, невинности, свѣта, истины и красоты. Для иллюстраціи достаточно указать на нѣкоторыя стихотворенія поэтовъ, въ которыхъ слагаются гимны этому звѣздному міру. Такъ напр. въ прекрасномъ стихотвореніи А. Фета „Звѣзды“ высказывается мысль о какой то невѣдомой, таинственной родственной связи между человѣкомъ и звѣздами, а отсюда любовь человѣка къ нимъ:

„Я долго стоялъ неподвижно,
 Въ далекія звѣзды вглядясь,
 Межь тѣми звѣздами и мною
 Какая то связь родилась.

Я думалъ... Не помню, что думалъ:

Я слушалъ таинственный хоръ,

И звѣзды тихонько дрожали,—

И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ¹⁾.

Въ другомъ чудномъ стихотвореніи тотъ же поэтъ олицетворяетъ мѣсяцъ и мерцающія на небѣ звѣздочки въ видѣ живыхъ безгрѣшныхъ существъ, которымъ чужды человѣческія горе и страсти, и которыя изъ сочувствія страдающему человечеству возсылаютъ о немъ свои молитвы къ Богу:

„Молятся звѣзды, мерцаютъ и рдѣютъ

Молится мѣсяцъ, плывя по лазури,—

Легкія тучки, свиваясь, не смѣютъ

Съ темной земли къ нимъ притягивать бури.

¹⁾ А. А. Фетъ. Полное собраніе стихотвореній. Изд. Маркса, 1912, Т. I, стр. 264.

Видны имъ наши томленья и горе,
 Видны страстей неподсильныя битвы,—
 Слезы въ алмазномъ трепещутъ ихъ взорѣ,—
 Все же безмолвно горятъ ихъ молитвы“.

Это стихотвореніе Фета аналогично и выражаетъ тѣ же думы, что и интересное и полное лиризма стихотвореніе современнаго популярнаго поэта К. Р. „Звѣзды“.

„Истомленные дни суетою безумной,
 Къ вамъ, о, свѣточи неба, подъемлемъ мы очи:
 Здѣсь внизу на землѣ и тревожно и шумно—
 Безмятежно и тихо въ безмолвіи ночи.

Какъ вы кротко царите въ торжественномъ
 блескѣ,

Безтѣлесною вѣчно сіяя красою.

Наша ложь, наша злоба въ неистовомъ плескѣ
 Никогда не коснутся васъ мутной волною.
 И чѣмъ выше вы, звѣзды, чѣмъ вы недоступнѣй,
 Тѣмъ плѣненнымъ слѣдитъ васъ отраднѣе взоромъ,
 Чѣмъ мрачнѣй, чѣмъ ничтожнѣе мы и преступнѣй,
 Тѣмъ свѣтлѣй вы и чище огнистымъ узоромъ“.

Не можемъ также не привести прекраснаго стихотворенія В. Величко „Звѣзды“, которыя представляются Божьими очами, свѣтящими во мракѣ ночи. Эпиграфомъ къ стихотворенію послужили слова Ев. Іоанна: „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ, и тьма не объяла Его“.

„Когда надвинуть пологъ ночи
 Надъ міромъ, окованнымъ во снѣ,
 Сверкаютъ звѣзды,—Божьи очи,—
 Сапфиромъ яркимъ въ вышинѣ.

Создатель, мощью безконечной,
 Сіять во тьмѣ имъ повелѣлъ,
 —Да знаетъ міръ, что Правды вѣчной,
 Что Свѣта мракъ не одолѣлъ.

Да знаетъ міръ, что день настанетъ,
 Воскреснетъ радостно востокъ,—
 И въ эту тьму всесильно грянетъ
 Лучей живительныхъ потокъ“...

Кромѣ яснаго мѣсяца, мерцающихъ звѣздочекъ воспѣвается въ русской поэзіи и слагаются гимны солнцу, какъ

символу духовнаго свѣта, чистоты, ясности и животворной силѣ. Особенно много такихъ гимновъ встрѣчаемъ у современнаго популярнаго поэта-мистика Бальмонта, въ которыхъ поэтъ приглашаетъ человѣчество уподобляться этому дневному свѣтилу, въ которомъ такъ много чарующей прелести, чистоты и ясности.

„Будемъ какъ солнце. Забудемъ о томъ,
Кто насъ ведетъ по пути золотому,
Будемъ лишь помнить, что вѣчно къ иному,
Къ новому, къ сильному, къ доброму, къ злему,
Ярко стремились мы въ снѣ золотомъ.
Будемъ молиться всегда неземному,
Въ нашемъ хотѣннѣ земномъ,
Будемъ, какъ Солнце всегда молодое,
Нѣжно ласкать огневые цвѣты,
Воздухъ прозрачный и все золотое.
Счастливъ ты? Будь же счастливѣе вдвое,
Будь воплощеньемъ внезапной мечты!
Только не медлить въ недвижномъ покоѣ,
Дальше, еще, до завѣтной черты.
Дальше, насъ манить число роковое
Въ вѣчность, гдѣ новые вспыхнутъ цвѣты,
Будемъ какъ Солнце, оно—молодое,
Въ этомъ завѣтъ красоты“¹⁾.

Наконецъ, оригинальная, полная мистицизма теорія философа Платона о предсуществованіи человѣческой души, о домірномъ ея жительствѣ на небѣ, гдѣ она наслаждалась вѣчнымъ блаженствомъ и познаніемъ Бога, а затѣмъ, по Божественной волѣ, соединилась съ грѣшнымъ тѣломъ, и съ этихъ поръ началась для нея другая земная жизнь, полная печали и слезъ, а послѣ смерти душа снова возвратится въ свою небесную отчизну, нашла себѣ также отраженіе въ русской поэзіи. Въ извѣстной лирической драмѣ А. Майкова „Три смерти“ мы находимъ прямо ссылку на міросозерцаніе Платона, какъ заслуживающее вниманія и заключающее въ себѣ глубокія идеи.

„Есть смыслъ въ Платоновомъ ученнѣ, увѣряетъ поэтъ,—

¹⁾ К. Д. Бальмонтъ. Сочиненія, т. III, 1912 г., стр. 4.

Что это (смерть)—мигъ перерожденья,
 Пусть здѣсь убьетъ меня недугъ,
 Но, какъ мерцаніе Авроры,
 Какъ лилій чистый виміамъ,
 Какъ лиръ торжественныя хоры,
 Иная жизнь насъ встрѣтитъ тамъ.
 Въ душѣ, за симъ земнымъ предѣломъ,
 Проснутся, выглянуть на свѣтъ
 Иныя чувства роемъ цѣлымъ,
 Которымъ органа здѣсь нѣтъ.
 Мы—боги, скованные тѣломъ,
 И въ этотъ дивный переломъ,
 Когда я покидаю землю,
 Я прежній образъ свой приѣмлю,
 Вступая въ небо божествомъ¹⁾“ .

Въ другомъ стихотвореніи того же поэта высказывается мысль о томъ, что только вѣчная жизнь на небесахъ, гдѣ возможно полное гармоническое развитіе и удовлетвореніе всѣхъ желаній души, можетъ дать человѣку истинное счастье и блаженство, напротивъ, жизнь на землѣ полна зла, обмана и обманчиваго счастья:

„Смотри, смотри на небеса,—
 Какая тайна въ нихъ святая
 Проходить молча и сіяя.
 И лишь настолько раскрывая
 Свои ночныя чудеса,
 Чтобы нашъ духъ рвался изъ плѣна;
 Чтобъ въ сердцѣ врѣзалося намъ,
 Что здѣсь лишь зло, обманъ, измѣна,
 Добыча смерти, праха, тлѣна,
 Блаженство жъ вѣчное лишь тамъ“ .

Порывы души ввысь, отъ земли къ небу, какъ своей настоящей отчизнѣ, отъ преходящаго къ вѣчному слышатся очень настойчиво и въ поэзіи А. Толстого. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ описываетъ жизнь души въ горнемъ мірѣ, блаженство которой нарушается созерцаніемъ страданій на землѣ подобныхъ ей существъ, и

¹⁾ А. Н. Майковъ. Полное собраніе сочиненій. Изд. Маркса, т. III, стр. 110.

она умоляетъ Создателя отпустить ее снова на грѣшную землю съ тѣмъ, что она будетъ сочувствовать и утѣшать несчастныхъ.

„Горними тихо летѣла душа небесами“,
 Грустныя долу она опускала рѣсницы;
 Слезы, въ пространствѣ отъ нихъ упадая звѣздами,
 Свѣтлой и длинной вилися за ней вереницей,
 Встрѣчныя тихо ее вопрошали свѣтила:
 Что ты грустна! и о чемъ эти слезы во
 взорѣ?

Имъ отвѣчала она: Я земли не забыла,
 Много оставила тамъ я страданья и горя.
 Здѣсь я лишь кликамъ блаженства и радости
 внемлю,

Праведныхъ души не знаютъ ни скорби, ни злобы,—
 О, отпусти меня снова, Создатель, на землю,
 Было-бъ о комъ пожалѣть и утѣшить кого-бы¹⁾.

У прозаика В. Короленко есть интересный рассказъ „Ночью“, въ которомъ также слышатся отзвуки мистической философіи Платона. Надзвѣздный міръ въ этомъ рассказѣ представляется населеннымъ безплотными духами-ангелами, а также душами, и по волѣ Бога одни ангелы сходятъ на землю и приносятъ души въ видѣ новорожденныхъ младенцевъ, а другіе,—чтобы взять души обратно на небо послѣ смерти тѣла.

Но нѣтъ въ русской литературѣ другого поэта, въ поэзіи котораго со всею яркостью и вмѣстѣ съ тѣмъ обаятельной красотой не отразилось бы со всею полнотою идеально-мистическое міросозерцаніе античнаго философа Платона, какъ поэтъ М. Ю. Лермонтовъ. Характерною особенностью духовнаго облика поэта былъ тотъ идеализмъ, который составляетъ сущность философіи Платона. Этотъ глубокий идеализмъ поэта былъ причиной тяжелой внутренней драмы, постоянной тревоги, возмущавшей его душу, негодованія отъ сознанія вѣчнаго противорѣчія между недостижимымъ бесконечно—высокимъ идеаломъ и фактической мрачною дѣйствительностью, между свѣтлыми переживаніями и возвышеннымъ чувствомъ той прозаической обстановкой, которая окружала поэта. Такое неесоотвѣтствіе, противорѣ-

¹⁾ Графъ А. К. Толстой. Полное собраніе сочин., изд. Маркса, т. 1, стр. 405.

чіе между идеальными запросами и порывами духа и мрачной дѣйствительностью рождали въ поэтѣ мучительное чувство неудовлетворенности, разочарованія жизнью. Отсюда мелархолическая грусть, которою обвѣяна вся поэзія Лермонтова, его мрачный взглядъ на здѣшній міръ, называемый поэтомъ, „міромъ печали и слезъ“, и на человѣческую жизнь, которая, по мнѣнію поэта, безотраднa, жалка и пуста. Въ ней нѣтъ правды и справедливости, въ человѣческихъ отношеніяхъ согласія и гармоніи. Для иллюстраціи достаточно вспомнить такія стихотворенія, какъ „Дума“, „Поэтъ“, „Не вѣрь себѣ“, „И скучно, и грустно“; мрачный взглядъ поэта на здѣшній міръ лучше всего высказанъ имъ въ поэмѣ „Измаилъ-бей“, гдѣ поэтъ говоритъ устами героя, что онъ презиралъ

Весь этотъ міръ ничтожный,
Гдѣ носитъ все печать проклятья,
Гдѣ полны ядомъ всѣ объятя,
Гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ.

Пессимизмъ Лермонтова, однако, не граничилъ съ безнадежностью и полнымъ отчаяніемъ, бессильнымъ уныніемъ, а онъ нашелъ себѣ выходъ въ глубокой христіанской вѣрѣ поэта въ высшій, идеальный міръ, гдѣ вѣчная реализація правды и добра, въ царство идеаловъ, надзвѣздный міръ, гдѣ находится обитатель Бога и дунгъ людей, наслаждающихся вѣчнымъ блаженствомъ, которыя до своего рожденія жили здѣсь раньше. Это была вѣра поэта въ тотъ самый „сверхчувственный міръ“, въ который вѣрилъ и Платонъ. Отсюда Лермонтовъ охваченъ постояннымъ стремленіемъ, порывомъ ввысь, къ небесамъ, къ звѣздамъ; его чистая душа постоянно прислушивалась къ „звукамъ небесъ“, къ чудной пѣснѣ ангеловъ, воспѣвающихъ блаженство безгрѣшныхъ духовъ. Въ тихую звѣздную ночь, когда въ „небесахъ торжественно и чудно, и спитъ земля въ сіяніи голубомъ“, когда въ благоговѣйномъ молчаніи „пустыня внемлетъ Богу и звѣзда съ звѣздой говоритъ“, поэтъ, созерцая величественную картину звѣзднаго неба, проникается религіознымъ экстазомъ, думами о вѣчности, идей безконечнаго. И нужно сказать, что небо, какъ жилище Бога и безгрѣшныхъ духовъ, какъ бывшая обитель падшаго человѣка, всегда манило и влекло поэта и онъ переносилъ въ этотъ свѣтлый міръ

идеальнаго бытія, чуждаго страстей, борьбы и грѣха лучшія свои мечты и упованія и почерпалъ въ его созерцаніи мотивы и образы для своего творчества ¹⁾. Для иллюстраціи вспомнимъ заключительное и полное лиризма стихотвореніе „Небо и звѣзды“:

„Чисто вечернее небо,
Ясны далекія звѣзды,
Ясны, какъ счастье ребенка.
О, для чего мнѣ нельзя и подумать:
Звѣзды, вы ясны, какъ счастье мое!
Чѣмъ ты несчастливъ?—
Скажутъ мнѣ люди.
Тѣмъ я несчастливъ,
Добрые люди, что звѣзды и небо—
Звѣзды и небо. А я человѣкъ!...
Люди другъ къ другу
Зависть питаютъ;
Я же напротивъ,
Только завидую звѣздамъ прекраснымъ,
Только ихъ мѣсто занять бы хотѣлось“ ²⁾.

„Нѣтъ другого поэта,—справедливо говоритъ С. Андреевскій,—который бы такъ чѣвно считалъ небо своей родиной и землю—своимъ изгнаніемъ. Неизбѣжность высшаго міра проходитъ полнымъ аккордомъ чрезъ всю лирику Лермонтова. Онъ весь пропитанъ кровною связью съ надзвѣзднымъ пространствомъ. Здѣшняя жизнь—ниже его. Онъ всегда презираетъ ее, тяготится ею. Его душевныя силы, его страсти—громадны, не по плечу толпѣ, на все онъ взираетъ глубокими очами вѣчности, которой онъ принадлежитъ: онъ съ ней разстался на время, но непрестанно и безутѣшно по ней тоскуетъ ³⁾. И это сожительство въ Лермонтовѣ бессмертнаго и смертнаго человѣка составляло всю горечь его существованія, обусловило весь драматизмъ, всю привлекательность, глубину и ѣдкость его поэзіи.

¹⁾ О Лермонтовѣ см. нашу брошюру: М. Ю. Лермонтовъ. Личность поэта и основные мотивы его творчества. Къ столѣтію со дня рожденія поэта. Москва, 1914.

²⁾ М. Ю. Лермонтовъ. Полное собраніе сочиненій, изд. Академіи Наукъ, т. I, стр. 278.

³⁾ П. Перцовъ. Философскія теченія въ русской поэзіи, ПТР. 1896, стр. 133, 147.

Свою вѣру въ лучший идеальный міръ, какъ родную свѣтлую отчизну души, гдѣ обитала душа до своего соединія съ тѣломъ, а также свой мрачный взглядъ на здѣшнюю жизнь, гдѣ душа человѣка, скованная тѣломъ, находится въ вѣчномъ томленіи о „лучшемъ мірѣ, съ указаніемъ на то, что стремленіе къ идеальному есть существенная прирожденная потребность человѣческой души, залогъ человѣческаго совершенства, несомнѣнный признакъ высшаго нравственнаго назначенія человѣка на землѣ и яркое доказательство безсмертія его души—поэтъ Лермонтовъ въ энтузіазмѣ вѣры и очарованія надзвѣзднымъ міромъ выразилъ въ красивомъ и мистически-обаятельномъ по содержанію и формѣ стихотвореніи „Ангель“, которое является превосходнымъ эпиграфомъ ко всей поэзіи, чудную надпись у входа въ царство фантазіи Лермонтова:

„По небу полуночи ангель летѣлъ,
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богъ великомъ онъ пѣлъ, и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался—безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли“.

Если мы бросимъ ретроспективный взглядъ на изложенную выше философію древняго мудреца Эллады—Платона, то не можемъ не замѣтить, что во всей поэзіи М. Лермонтова, въ частности въ стихотвореніи „Ангель“ повторена со всею полнотою вся глубокая идеально-мистическая философія, все міросозерцаніе античнаго философа. „На фонѣ старой, какъ міръ, и таинственной, какъ загадка бытія, легенды о предсуществованіи души,—прекрасно говоритъ о чудномъ стихотвореніи „Ангель“ проф. И. Замотинъ,—обвѣянный неизъ-

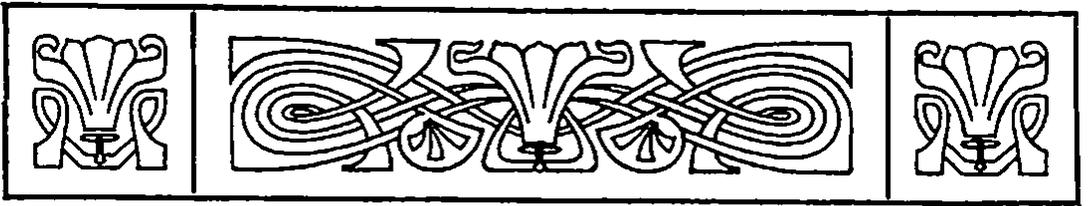
ясными воспоминаніями и сладостными надеждами платонической и христіанской мистики, вычерчиваетъ юный поэтъ основной мотивъ своихъ двойственныхъ переживаній. Случайная гостя земли, душа человѣка, томясь въ юдоли печали и слезъ, неизбынно хранить въ себѣ живую память о своей незримой, надзвѣздной родинѣ, и среди „скучныхъ пѣсенъ земли“ „живетъ чуднымъ желаніемъ“ неба и его звуковъ, которые усиливаются претворить въ живыя слова и рѣчи). И самъ поэтъ всю свою недолгую жизнь (всего 27 лѣтъ) на этой маленькой планетѣ-грѣшной землѣ настойчиво и непрестанно стремился къ надзвѣздному міру и жилъ, очарованный предчувствіями этого неба и воспоминаніями о своемъ родствѣ съ нимъ, и „скучныя пѣсни земли“ для его интимной духовной жизни дѣйствительно не могли замѣнить звуковъ небесъ, которые онъ бережно хранилъ въ своей душѣ.

Въ заключеніе скажемъ, что долго еще, если не всегда, идеалистическая философія и литература будутъ черпать свои вдохновенія и искать оправданіе для себя въ философско-мистическихъ воззрѣніяхъ Платона и уясненія ихъ христіанскими, а противоположное теченіе мысли будетъ считать своею обязанностью расчищать себѣ почву опроверженіемъ платонизма и платоновыхъ доказательствъ въ пользу главенства христіанскихъ идей въ мірѣ, безсмертія духа и существованія Единаго Бога, Который мыслился Платономъ, какъ идея „Блага“.

А. Гладкій.

¹⁾ Проф. И. И. Замотинъ. М. Ю. Лермонтовъ. Къ характеристикѣ основныхъ мотивовъ Лермонтовскаго идеализма. Русск. Филолог. Вѣстникъ. 1914, т. XXII стр. 32.

Борьба Христианства съ остатками язычества въ древней Руси.

(Продолженіе *).

Г Л А В А II.

§ 34.

Средства и способы борьбы съ остатками язычества. Отношеніе со стороны церкви и государства. Противъ язычества боролась церковь и государство. Средства борьбы церкви. Каноническія постановленія. Кормчая.

Приступая къ изслѣдованію борьбы христианства съ остатками язычества въ древней Руси, мы прежде всего отмѣтимъ, что противъ язычества у насъ борьба велась съ двухъ сторонъ: противъ него боролись церковь и государство. Иногда церковь и государство дѣйствовали совмѣстно, иногда вели борьбу самостоятельно. Говоря о борьбѣ церкви съ язычествомъ, прежде всего необходимо имѣть въ виду, что христианское богослуженіе, таинства, церковные обряды, христианское вѣроученіе, распространяемое и вѣдряемое устно и письменно,—надежнѣйшимъ способомъ служили къ искорененію язычества и способствовали его забвенію. Наши іерархи и ревнители благочестія прекрасно это понимали и главнымъ образомъ заботились о выясненіи догматовъ и нравственнаго ученія христианства. Но жизнь показала, что одного этого мало: древніе языческіе обряды и вѣрованія продолжали жить въ народѣ, и церковь

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 8 за 1915 г.

принуждена была вступитъ съ нами въ борьбу. Средствами борьбы церкви противъ язычества были: 1) каноническія постановленія, 2) убѣжденіе.

Прежде всего средствомъ борьбы противъ язычества были каноническія постановленія вселенской церкви, собранныя въ книгѣ, извѣстной у насъ подъ именемъ Кормчей книги. Наши первые митрополиты были греки; приходя на Русь, они приносили съ собой греческія церковныя традиціи, а также, по всей вѣроятности, и каноническія постановленія греческой церкви. Но и на славянскомъ языкѣ Номоканонъ сталъ у насъ извѣстенъ очень рано, въ періодъ до-монгольскій ¹⁾. Въ XIII в. по просьбѣ митроп. Кирилла II была прислана въ Россію Кормчая книга съ толкованіями каноновъ въ сербскомъ переводѣ, сдѣланномъ арх. св. Савою. Этотъ списокъ былъ представленъ митроп. Кирилломъ II, на Владимірскомъ соборѣ въ 1274 г. для руководства русскимъ пастырямъ церкви ²⁾.

Кормчая содержитъ много указаній на пороки, суевѣрія и остатки язычества. Но пользоваться Кормчей для характеристики русской жизни можно съ большою осторожностью, такъ какъ Кормчая имѣетъ въ виду прежде всего греко-римскій міръ, а не русскихъ людей. Мы знаемъ; что многія суевѣрія, упоминаемая въ греческихъ Кормчихъ и внесенныя въ славянскіе переводы, существуютъ среди русскаго народа и сейчасъ. И помимо Номоканона можно привести немалое количество суевѣрій, повѣрій и проч., которыя распространены какъ въ Россіи, такъ и въ современной Греціи, равно какъ и среди западно-европейскихъ народовъ. Извѣстно, что народы Европы, происходя отъ одного арійскаго корня, въ основѣ своей имѣютъ много общаго какъ въ языкѣ, такъ и въ области преданій и повѣрій. Это доисторическое сродство поддерживалось и обновлялось въ историческую эпоху. Нѣкоторыя повѣрія и суевѣрія могли быть занесены къ намъ въ христіанскую эпоху путемъ торговыхъ или иныхъ сношеній; возможно и письменное вліяніе. Вообще же мы не считаемъ возможнымъ ссылаться на Кормчую

¹⁾ Голубинскій. Истор. рус. церк., т. 1, полов. 1, стр. 428 и слѣд. 648 стр.

²⁾ Голубинскій. Истор. рус. церк. 2, 1, стр. 62 и слѣд.

для сужденія о русскомъ язычествѣ. Но въ борьбѣ съ русскимъ язычествомъ русскіе іерархи весьма успѣшно могли опираться на постановленія Номоканона. Мало того, у насъ дѣлались попытки создать постановленія въ духѣ Номоканона и на основаніи его, вслѣдствіе чего возникали такъ называемые худые номоканунцы. Таковы, напр. постановленія противъ употребляющихъ чай, кофе и табакъ ¹⁾. Въ статьѣ противъ волшебства и суевѣрій, ссылаясь на соборное постановленіе, авторъ упоминаетъ о лопаряхъ и самоеди ²⁾.

§ 35.

Уставы князей. Соборныя постановленія.

Къ каноническимъ постановленіямъ русскаго происхожденія должны быть отнесены уставы нашихъ князей, опредѣлявшіе область церковнаго суда, который былъ однимъ изъ средствъ борьбы противъ язычества. Стремясь къ скорѣйшему и наиболѣе глубокому усвоенію русскимъ народомъ христіанства, наши князья оффиціально предоставляли церкви право суда надъ нѣкоторыми видами преступленій. Св. Владиміръ первый далъ тому примѣръ, какъ это показываетъ приписываемый равноапостольному князю Уставъ ³⁾. Уставъ св. Владиміра пользовался у насъ широкимъ распространеніемъ: до насъ дошло большое количество списковъ этого памятника со многими вставками и передѣлками. Какое важное значеніе придавали уставу Владиміра—видно изъ того, что онъ служилъ юридическимъ руководствомъ даже въ XVI ст.: онъ внесенъ въ Стоглавъ, глава 63.

По Уставу Владиміра Церкви предоставлялась широкая судебная власть надъ христіанами. Митрополитъ и епископы судили не только церковныя преступленія, но гражданскія и уголовныя: распустъ (разводъ), смилное

¹⁾ Ркп. Черниговской духовной семинаріи. № 76. См. прил. № 13, стр. 116.

²⁾ Ркп. Моск. Синод. Типографіи XVIII в., № 35 (408). См. приложеніе XIII, стр. 115.

³⁾ Въ нашу задачу не можетъ входить сложный вопросъ о подлинности устава св. Владиміра. Съ нѣкоторыми ограниченіями мы признаемъ, что уставъ этотъ по существу принадлежитъ св. Владиміру. Проф. *Билляевъ*. Лекціи по исторіи русск. законодательства. М. 1879 г., стр. 203—205. *Ключевскій*. Курсъ русской исторіи, ч. 1, Моск. 1904 г. стр. 304.

(брачный договоръ съ назначеніемъ неустойки), застава (прелюбодѣяніе), умычка невѣсть, пошибанье ¹⁾ промежи мужемъ и женою о животѣ (ссора объ имуществѣ), въ племени или въ сватьствѣ поимуться (бракъ въ родствѣ), вѣдство (вѣдоваство), зеліничьство (отравительство), потвори, чародѣянія, волхованія, уреканія (попреки) три: бляднею и зеліи, еретичьство (скорѣе колдовство, чѣмъ ересь); зубоѣжа (укушеніе въ дракѣ); побои родителей дѣтьми или снохою свекрови; брань скверными словами; споры о наслѣдствѣ; церковная кража; мертвеци сволочать (гробные тати, разрывавшіе могилы и похищавшіе одежды съ трупа); крестъ посѣкутъ или на стѣнахъ трескы (щепы) емлютъ изъ креста, (порча крестовъ на поляхъ или дорогахъ, а также (порча изображеній креста на стѣнахъ жилищъ) ²⁾ оскорбленіе чистоты и святости храма; если жена раздавить локо мужчины; или кого застануть съ четвероножиною (скотоложество), или кто подъ овиномъ молится или во ржи или подъ рощеніемъ или у воды, или дѣвка дитя поврѣжетъ“ ³⁾).

Другимъ юридическимъ памятникомъ того же рода является уставъ князя Ярослава, сына Владимірова. По сравненію съ уставомъ св. Владиміра, уставъ Ярослава представляетъ значительный шагъ впередъ ³⁾. Въ первомъ уставѣ только въ общихъ чертахъ указывались проступки, подлежащіе суду церкви. Размѣръ наказаній не указанъ, это могло зависѣть отъ усмотрѣній судей, лицъ духовныхъ. Въ уставѣ Ярослава точно указанъ размѣръ взысканій и кромѣ того часто указанъ порядокъ судопроизводства: иногда судъ былъ чисто церковный, иногда съ участіемъ княжескаго судьи, если затрогивались и интересы государства, или же если преступленіе было совершено лицомъ духовнымъ. Вѣдѣнію одного церковнаго митрополичьяго суда подлежали слѣдующія лица и грѣховныя проступки: блудъ,—ви-

¹⁾ Пошибанье—по объясненію Павлова—изнасилованье. Курсъ церковн. права 1902 г. стр. 138. Если принять такое толкованіе, то пошибанье не относится къ дальнѣйшимъ словамъ.

²⁾ Голубинскій. Истор. рус. церк. 1, 1, 620,—625. Павловъ. Курсъ церковн. права, стр. 137—142.

³⁾ Текстъ Ярославова устава—Голубинскій, Истор. рус. церк. 1, 1, 629 м слѣд.; арх. Макарій, Истор. рус. церк. т. 2, изд. 3, стр. 359, 138. Если принять такое толкованіе, то пошибанье не относится къ дальнѣйшему.

новныя помѣщались въ церковный домъ (ст. 5); прелюбодѣяніе и двоеженство, при чемъ вторая жена или второй мужъ помѣщались въ церковный домъ, (ст. 8, 9, 15); самовольный разводъ, даже въ томъ случаѣ, если супруги жили по языческому браку, не вѣнчавшись; только въ послѣднемъ случаѣ пеня была вдвое меньше (ст. 16); блудъ иновѣрца съ русскою,—виновную женщину помѣщали въ церковный домъ (17 ст.), мужчина же, грѣшившій съ беременной или жидовскою, если не прекращалъ связи, то помимо штрафа, отлучался отъ церкви и сообщенія къ христіанами (ст. 52); блудъ съ черницею,—полагалась епитимія (ст. 18); вообще блудъ въ степеняхъ родства (ст. 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26); принужденіе къ замужеству и браку (ст. 27, 46); воровство (ст. 33, 34, 36); чародѣйство въ случаѣ непрекращенія занятія этимъ дѣломъ (ст. 39); драка (ст. 40, 41, 42, 43); бывший родителей кромѣ наказанія помѣщался въ церковный домъ (ст. 44); распутство и пьянство чернаго и бѣлаго духовенства (ст. 45, 47); употребленіе нечистой пищи—конины, медвѣдины (ст. 48); сообщеніе въ пищѣ и питъѣ съ некрещеными, иноязычниками и отлученными (ст. 50—51). Двойному наказанію, штрафу въ пользу митрополита и гражданскому наказанію (князь ихъ казнить)—подвергались слѣдующіе проступки: умычка и насиліе надъ дѣвушками (ст. 2 и 7), самовольный разводъ (ст. 4), мужская невѣрность (ст. 8). Скотоложество каралось штрафомъ, епитиміей и казнью по закону (ст. 19).

Всматриваясь съ систему суда по уставу Ярослава, можно замѣтить, что преступленія чисто нравственнаго характера, не заключавшія въ себѣ вреда ближнему, подлежали суду церкви; какъ напр. волхованіе, браки въ близкихъ степеняхъ родства, общеніе въ пищѣ съ язычниками, употребленіе недозволенной пищи и проч. Проступки же, заключавшіе въ себѣ вредъ ближнему или нарушавшіе общественный порядокъ, напр. умычка дѣвницъ, самовольный разводъ, оскорбленіе словомъ и дѣломъ, разбирались совмѣстно митрополичьими и княжескими судьями. ¹⁾

Итакъ, уставъ Ярослава различаетъ грѣхъ, какъ нарушеніе чисто нравственнаго закона, и преступленіе, за-

¹⁾ *Ключевскій. Курсъ 1, стр. 307.*

ключающее въ себѣ, кромѣ того, нарушение правъ личности и общества. И съ принятіемъ христіанства русскій народъ долго еще руководился и управлялся своимъ старымъ юридическимъ преданіемъ, „закономъ русскимъ“, о которомъ упоминается въ договорахъ русскихъ съ греками. Но это обычное право языческой Руси не могло уже удовлетворить новымъ потребностямъ. Христіанство внесло въ русское общество высокіе нравственные принципы, вслѣдствіе чего многіе поступки, законные или безразличные съ языческой точки зрѣнія, теперь становились грѣховными, слѣд. недо-зволеними, напр. многоженство, наложничество, умычка и проч. Къ князю и его судьямъ обращались за разрѣшеніемъ такихъ жалобъ и вопросовъ, въ рѣшеніи которыхъ гражданская власть была бессильна, такъ какъ предыдущая практика не знала такихъ случаевъ. Компетентнымъ лицомъ былъ только митрополитъ, въ рукахъ котораго былъ Номоканонъ и практика греческой церкви. И въ этихъ случаяхъ князь „сводилъ съ своей души“ судъ по сложному дѣлу, какъ выразился князь Всеволодъ Мстиславичъ въ уставѣ новгородскомъ (до 1136) и представлялъ дѣло церковному суду. Но Русь XI—XII вв. была мало похожа на цивилизованную Византію, и потому греческую юридическую практику нельзя было цѣликомъ пересадить на русскую почву. Приходилось примѣняться къ обстоятельствамъ и допускать измѣненія въ византійскихъ кодексахъ. Конечно, измѣненія касались несущественной стороны и частныхъ, напр. размѣра наказанія. Зависимость нашихъ первыхъ юридическихъ постановленій отъ церковно-византійскихъ источниковъ очевидна. Въ „уставѣ Владиміра“ заключается и ссылка на источникъ, легшій въ основу устава,—греческій Номоканонъ. Въ „уставѣ Ярослава“, въ общемъ повторявшаго „уставъ Владиміра“, заключаются постановленія Эклоги и Прохирона. 1) Конечно, перевоспитать недавно обращенное въ христіанствѣ общество было дѣломъ не легкимъ, и въ короткій срокъ сдѣлать этого была невозможно; но церковь постепенно перерождала недавнихъ язычниковъ, дѣйствуя на нихъ и словомъ убѣжденія и принудительно посредствомъ суда, предоставленнаго ей княжескою властью. Митрополи-чій судъ былъ необходимъ на первое время; въ нѣкоторыхъ

1) *Ключевскій*. Курсъ 1, стр. 318.

случаяхъ только церковь могла справедливо опредѣлить правоту или виновность русскаго человѣка XI—XII вѣка. Такимъ образомъ сама жизнь, новыя общественныя условія отдавали судъ мірской въ руки церкви.

Уставъ новгородскаго кн. Всеволода Мстиславича (до 1136 г.), повторяетъ Владиміровъ уставъ. Въ этомъ уставѣ сохранилась характерная черта: были случаи не только третьяго, но и четвертаго брака; приходилось разбирать дѣла о дѣлѣжѣ наслѣдства между дѣтьми первой, второй, третьей и четвертой женъ. Въ XII вѣкѣ дѣтямъ отъ третьей и четвертой жены выдавалась „прелюбодѣйная часть въ животѣ“¹⁾. Уставъ Всеволода имѣлъ мѣстное значеніе, какъ и уставная грамота кн. Ростислава Мстиславича Смоленской епископіи 1150 г.²⁾. Изъ подсудныхъ церкви дѣлъ по грамотѣ Ростислава Мстиславича упоминаются слѣдующія: распустъ (разводъ), двоеженство, бракъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства, похищеніе дѣвицы, „зелья“ и душегубство (т. е. всѣ виды волшебства и колдовства), драки между женщинами и вообще всѣ проступки духовенства³⁾. Относительно области церковнаго суда въ самомъ концѣ XIII в. (между 1293—1300) имѣются свѣдѣнія въ посланіи неизвѣстнаго Владимірскаго епископа къ одному изъ сыновей Александра Невскаго⁴⁾.

Какими же средствами располагала церковь противъ грѣха и преступленія? Обычнымъ средствомъ наказанія былъ денежный штрафъ въ пользу судьи. Но кромѣ штрафа, карательной мѣры, уставъ Ярослава примѣнялъ исправительныя мѣры: епитимію и принудительное пребываніе въ церковномъ домѣ, гдѣ арестованнымъ, вѣроятно, вмѣнялось обязательное посѣщеніе храма и нѣкоторый физическій трудъ, что практикуется и теперь для лицъ, отправляемыхъ „подъ начало“ на архіерейскій дворъ или въ монастырь. Кажется, примѣнялось и тѣлесное наказаніе⁵⁾. Ему напр. подвергали

¹⁾ *Владимірскій—Будановъ*. Христоматія по исторіи русскаго права. Вып. 1, изд. 6, 1908 г., стр. 206--211,

²⁾ *Голубинскій*, Истор. рус. ц. изд. 2; том. 1, пол. 1, стр. 641, Дополн. къ Акт. истор. т. 1, № 4, стр. 5—8.

³⁾ *Голубинскій*. 1, 1, *ibid.*, стр. 412.

⁴⁾ *Голубинскій*, 1, 1, *ibid.*, стр. 640—642.

⁵⁾ *Ключевскій*. Курсъ, 1, м. 1904 г., 311 стр.

лицъ занимавшихся скотоложествомъ и колдовствомъ ¹⁾. Епитимѣ и заключенію въ церковный домъ подвергали преимущественно за грѣхи противъ седьмой заповѣди. Очевидно, старое языческоѣ воздержаніе не скоро было забыто русскими.

Въ заключеніе выскажемъ взглядъ на древніе юридическіе памятники; врядъ ли они были въ буквальномъ смыслѣ плодомъ законодательной дѣятельности тѣхъ лицъ, которымъ усвояются эти памятники. Вѣроятно, ни св. Владиміръ, ни Ярославъ не издавали строго выработаннаго кодекса, но они вошли въ соглашеніе съ митрополитомъ относительно подсудности извѣстныхъ проступковъ свѣтской или духовной властямъ. Согласно съ этими договорами устанавливалась практика церковнаго суда. Эти правила, будучи записаны, получили названіе уставовъ нашихъ князей. Такимъ образомъ тогдашнее законодательство шло отъ практики къ кодексу ²⁾. Подлинныхъ постановленій св. Владиміра и Ярослава мы не знаемъ; дошедшіе до насъ списки уставовъ съ ихъ именемъ разнообразны по объему и содержанию. Вѣроятно, первоначальный законъ, будучи неопредѣленнымъ и растяжимымъ, давалъ возможность дѣлать дальнѣйшія измѣненія безъ нарушенія основныхъ его началъ и безъ предположеній о подлогѣ ³⁾. Противъ язычества были направлены нѣкоторыя постановленія Владимірскаго собора 1274 г. ⁴⁾ и московскаго собора 1551 г.; результатомъ дѣятельности послѣдняго былъ Стоглавъ, содержащій указанія на достаточно свѣжую, хотя и бессознательную память о древнихъ языческихъ обычаяхъ ⁵⁾. Составленный Теофаномъ Прокоповичемъ и изданный отъ имени Петра I „Духовный Регламентъ“ также долженъ быть отнесенъ къ разряду каноническихъ произведеній; въ немъ есть обличеніе суевѣрій, но о древнемъ язычествѣ не упоминается.

¹⁾ Уставъ Ярослава, статья 19 и 39.

²⁾ *Ключевскій*. Курсъ рус. истор. т. 1. стр. 315.

³⁾ *Владимірскій—Будановъ*. Обзоръ исторія рус. права, изд. 5, Кіевъ, 1907 г., стр. 95.

⁴⁾ Р. И. Б. VI, стр. 83—102, прав. 3, 7, 8.

⁵⁾ Главы 41, 92, 93.

§ 36.

Сочиненія каноническаго содержанія, составленныя отдѣльными лицами.

Средствомъ борьбы противъ язычества служили также слѣдующія сочиненія каноническаго содержанія, составленныя отдѣльными лицами.

1. „Правило церковное вкратцѣ“ митр. Іоанна II, написанное къ Іакову Черноризцу, которое должно быть относимо къ такъ называемымъ каноническимъ отвѣтамъ. Правило обличаетъ языческія жертвы, волшебство, бѣсовское пѣнье, свѣтскія развлеченія и языческія формы брака ¹⁾).

2. „Вопрошаніе Кириково“,—собраніе отвѣтовъ на вопросы новгородскихъ духовниковъ Кирика, Саввы и Ильи, полученныхъ ими отъ разныхъ лицъ, преимущественно отъ епископовъ Нифонта (1129—1156 гг.). „Вопрошанія Кирика“ показываютъ, что наше духовенство ревностно старалось провести христіанскіе принципы во всѣ, даже мелкіе случаи жизни. Намъ не должна удивлять мелочность предписаній новгородскихъ духовниковъ своимъ духовнымъ дѣтямъ: старое язычество еще жило въ сознаніи народа, а все старое было грѣшнымъ, бѣсовскимъ. Необходимо было строить жизнь на новыхъ христіанскихъ началахъ. Обыденная жизнь состоитъ изъ мелочей, а потому необходимо было ихъ касаться ²⁾. Въ нѣкоторыхъ вопросахъ слышится отголосокъ языческой старины. Изрекается грозное порицаніе крающимъ роду и рожаницѣ хлѣбы, сыръ и медъ ³⁾, порицаются открыто живущіе съ наложницами ⁴⁾. Былъ языческій обычай при-

¹⁾ Напечат. Р. И. Б. VI, стр. 1—20; правила 7, 15, 25, 31. Къ разряду частныхъ сочиненій каноническаго содержанія слѣдуетъ также отнести „Уставъ бѣлечскій“ или „Заповѣдь св. отецъ“, приписываемый митр. Георгію, упоминаемому подъ 1072—1073 г. Изъ уставѣ Георгія порицается бракъ безъ церковнаго благословенія, празднованіе коляды, вѣрованіе во встрѣчу, чохъ и проч. Правила 127, 137, 105, 126. Памятникъ изданъ и признается подлиннымъ Е. Е. Голубинскимъ. Ист. р. ц. 1, 1, 436; 1, 11, 530—551. Подлинность „устава бѣлечскаго“ оспаривается. *Никольскій. Матеріалы.* 199 стр. *Пытуховъ. Серапіонъ Влад.* 138 стр., прим. 4.—Смирновъ. *Древне-русскій духовникъ.* Моск. 1913 г. Матеріалы. стр. 387.

²⁾ *Смирновъ. Древне-русск. духовникъ.* М. 1913 г., стр. 130.

³⁾ Р. И. Б. VI, прав. 33, стр. 31.

⁴⁾ *Ibid.*, прав. 69, стр. 41.

вораживанья: жены омывали свое тѣло водою и давали пить эту воду охладѣвшимъ къ нимъ мужьямъ ¹⁾). Во время болѣзни женщины носили дѣтей къ волхвамъ. За это налагалась епитимія отъ 6 до 3 недѣль, смотря по возврату согрѣшившихъ: молодыя женщины подвергались меньшему наказанію ²⁾).—Обыкновенно говорятъ, что „вопрошанія“ Кирика показываютъ еще чисто младенческое пониманіе вѣры въ народѣ, который обращалъ вниманіе только на букву и внѣшнюю форму, на разныя мелочи, которыя только и были доступны для его разумѣнія ³⁾). Конечно, въ вопросахъ Кирика не мало наивности и мелочей. Зато въ отвѣтахъ Нифонта видно истинное пониманіе христіанства. Для правильной оцѣнки вопросовъ Кирика необходимо принять во вниманіе, что Кирикъ былъ духовникомъ. Духовническая практика и побуждала его обращаться къ Нифонту съ недоумѣнными вопросами. Въ значительной степени въ вопросахъ Кирика, Саввы и Ильи отразились взгляды русскихъ людей XI вѣка; но въ общемъ, какъ возникшіе подъ вліяніемъ епитимійныхъ традицій востока, а можетъ быть и запада, вопросы Кирика, вѣроятно, отражаютъ состояніе епитимійной литературы въ X—XI вѣкахъ. Въ вопросахъ Кирика въ большинствѣ случаевъ упоминается о такихъ грѣхахъ, какіе вообще встрѣчаются въ исповѣдныхъ вопросахъ; чтобы согласиться съ этимъ, стоитъ только просмотрѣть 3-й томъ Тайной исповѣди Алмазова. То, что приписывается въ „вопрошаніяхъ“ личности Кирика или двухъ другихъ духовниковъ, то, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ должно быть поставлено въ зависимость отъ матеріала, который былъ подъ руками Кирика. Мы при этомъ предполагаемъ, что „вопрошанія“, именно въ своихъ сомнительныхъ мѣстахъ, находятся подъ вліяніемъ „плохихъ номоканунцевъ“, конечно, занесенныхъ къ намъ первоначально изъ Греціи или съ Балканскаго полуострова, на который они попали изъ той же Греціи.

3. Поученіе Новгородскаго арх. Иліи—Іоанна, въ которомъ архипастырь убѣждаетъ воздерживаться отъ пьянства и ростовщичества, игры въ кости, хожденія къ волхвамъ,

¹⁾ Ibid, прав. 14, стр. 60.

²⁾ Ibid, прав. 18, стр. 60.

³⁾ Порфирьевъ. Исторія русской словесности. ч. 1, 1870, стр. 329.

крестнаго цѣлованія. Священники должны вѣнчать тѣхъ, кто сожителствовалъ безъ церковнаго благословенія и унижать мірянъ отъ святочныхъ игръ и кулачныхъ боевъ ¹⁾).

4. Правило митр. Максима (грекъ, рукоположенъ въ 1283 г., умеръ въ 1306 г.), содержащее между прочимъ обличеніе тѣхъ, кто держалъ женъ не отъ св. апостольскія церкви, также о постѣ въ среду и пятокъ ²⁾).

§ 37.

Борьба словомъ убѣжденія.

Другимъ могущественнымъ средствомъ борьбы церкви съ язычествомъ было слово убѣжденія. Наши древніе писатели, какъ мы уже и отмѣчали, главнымъ образомъ излагали истины христіанскаго вѣроученія или же поучали правиламъ христіанской жизни. Обличенія язычества дѣлались вскользь, мимоходомъ. Къ писателямъ, оставившимъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ обличенія древнихъ языческихъ вѣрованій, относятся слѣдующіе: Серапіонъ Владимірскій, митр. Даніилъ, Максимъ Грекъ и Симеонъ Полоцкій. Не вдаваясь въ сложныя подробности, требующія спеціальнаго изслѣдованія, отмѣтимъ, что мы не считаемъ преп. Феодосія авторомъ приписываемыхъ ему словъ—„о казняхъ божіихъ“ и „о тропарныхъ чашахъ“.

У упомянутыхъ писателей собственно нѣтъ обличенія язычества въ прямомъ смыслѣ: съ теченіемъ времени язычество забывалось, но оставались въ народной памяти обряды, обычаи, повѣрья, начало которыхъ крылось въ древне-языческихъ вѣрованіяхъ. Борьба съ этими традиціями была въ сущности борьбой противъ древняго язычества, точнѣе съ остатками язычества въ народной памяти.

Кромѣ произведеній, принадлежащихъ опредѣленному писателю, древняя письменность имѣетъ еще огромное количество словъ и поученій анонимныхъ или же приписываемыхъ святымъ отцамъ, на самомъ же дѣлѣ принадлежащихъ русскимъ писателямъ. Многіе изъ этихъ произведеній посвящены борьбѣ противъ остатковъ язычества въ русскомъ

¹⁾ Напечат. Ж. М. Н. П. ч. 271, стр. 285—300.—Р. И. Б. VI, дополненія, стр. 347; статьи 1, 4, 17, 19, 26.

²⁾ Р. И. Б. VI, стр. 142.

народѣ. На основаніи этихъ памятниковъ мы можемъ судить, какъ смотрѣли наци книжники на свое древнее язычество, и какъ они его понимали. Изученіе памятниковъ этого рода показываетъ, что излагаемые тамъ взгляды заимствованы изъ святоотеческой литературы или же непосредственно обоснованы на Библии.

Язычество по ученію Библии возникло вслѣдствіе забвенія истинной богооткровенной религіи; осуетившись въ умствованіяхъ своихъ, нечестивцы замѣнили истину Божию ложью и стали поклоняться и служить твари вмѣсто Творца!¹⁾

Итакъ, язычество—это поклоненіе твари. Этотъ взглядъ былъ усвоенъ нашими писателями. Въ *словѣ и откровеніи св. апостолъ* ²⁾ говорится, что люди впали въ великую прелесть и обоготворяли людей: Перунъ былъ старѣйшина въ еллинехъ, Хорсъ въ Кипрѣ и проч. Въ *словѣ истолкованномъ мудростью о твари и о недѣли* заповѣдуется поклоняться Единому Богу, а не твари, написанной во образъ человѣчь ³⁾. Но почитаніе стихій и видимой природы у насъ было очень скоро предано забвенію, и нашимъ книжникамъ не было нужды укорять русскихъ людей, что они кланяются твари.

Рука объ руку со взглядомъ на язычество, какъ на поклоненіе твари, существовалъ у насъ другой взглядъ, что язычество—это служеніе діаволу, а древніе боги—это бѣсы. Этотъ взглядъ, какъ и первый, былъ также основанъ на Библии. Во Второзаконіи и Псалтири, приношеніе жертвъ богамъ чуждымъ названо служеніемъ бѣсамъ ⁴⁾. Въ Книгѣ Царствъ пророкъ Самуилъ учитъ, что языческіе боги—ничто ⁵⁾. Надлежащее уясненіе взгляда на язычество дано въ Новомъ Завѣтѣ. Апостолъ Павелъ не утверждаетъ, что „идолъ есть что-нибудь“; но въ то же время онъ говоритъ, что „язычники, принося жертвы, приносятъ бѣсамъ, а не Богу“ ⁶⁾. Иначе говоря, по апостолу идолъ ничто; но язычники, почитая идоловъ, творятъ угодное діаволу и находятся въ его

¹⁾ Римл. I, 19—25.

²⁾ См. прилож. № 4, стр. 51—52.

³⁾ Прилож. № 7, стр. 79.

⁴⁾ Второзаконіе 32, 17; псаломъ 105, 37.

⁵⁾ I Книга Царствъ, 12, 21.

⁶⁾ I Корине., 10, 20.

власти; они заблуждающіеся, но не бѣсопоклонники въ собственномъ смыслѣ.

Глубокая мысль ап. Павла не была достаточно уяснена нашими древними книжниками, и потому взгляды ихъ не отличаются ясностью. Энергичный авторъ *слова нѣкоего христоролюбца* почитаніе древне-русскихъ боговъ и древніе языческіе обычаи прямо называетъ службой идольской ¹⁾. Рѣзкій взглядъ христоролюбца на идолопоклонство, какъ на служеніе бѣсамъ, содержится только въ *словѣ къ нестяжамъ* и *словѣ Златоуста како первое почаніи вѣроваши идоламъ* ²⁾, гдѣ сообщается, что для навій готовили бани и ставили трапезу: ночью приходили бѣсы, мылись въ банѣ и съѣдали и выпивали пищу и питье. Но мы не имѣемъ возможности опредѣлить, кто по мнѣнію писателя приходилъ: навья, которыхъ въ такомъ случаѣ необходимо отождествлять съ бѣсами; или же вмѣсто навій приходили бѣсы, обманывая легковѣрныхъ родичей чествуемыхъ покойниковъ. Кажется, древніе писатели склоняются къ послѣдней мысли. Составитель *слова Исаіи пророка* ³⁾, страстно нападаая на рожаничный культъ, всюду въ свое обличеніе вноситъ какую-то двойственность: говоря о трапезѣ роду и рожаницамъ, авторъ здѣсь же дѣлаетъ прибавку о черпаніи бѣсамъ; въ другомъ мѣстѣ сказано: „работающе бѣсомъ и слоужаще идоломъ, и ставяще трапезу роду и роженицамъ“. Повидимому, авторъ не отождествляетъ рожаничный культъ съ служеніемъ бѣсамъ, а говоритъ объ этомъ параллельно, не давая себѣ отчета, что же это такое—родъ и рожаницы: родъ и рожаницъ онъ считалъ кумирами суетными и даже однимъ кумиромъ („поете пѣснь бѣсовскую идолю роду и рожаницамъ“). Въ концѣ слова ставленье рожаничной трапезы считается дѣломъ ничтожнымъ, „пустошнымъ твореніемъ“. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія самаго автора *слова* рожаничный культъ отнюдь не былъ служеніемъ дьяволу. О бѣсопочитаніи же говорится для отвращенія отъ древняго обычая.— Въ другихъ памятникахъ поклоненіе твари и идоламъ и всякаго рода древніе обычаи уже смѣшиваются. Въ *словѣ св. Григорія* рожаничная трапеза хотя и названа „проклятымъ ставленьемъ“, но авторъ признаетъ, что этотъ обычай суще-

¹⁾ Прил. № 3.

²⁾ Прил. № 1 и № 5.

³⁾ Прилож. № 8 стр. 88—89

ствуешь на хулу святому крещенію и на гнѣвъ Богу¹⁾. Къ числу такихъ дѣяній отнесено и почитаніе дня недѣли, написанной женой, въ человѣческой образъ—тварь²⁾. Въ *словѣ Златоуста*, како первое поганіи вървали въ идолы почитаніе идоловъ и жертвы молніи, грому, солнцу и лунѣ не отдѣляется отъ поклоненія Перуну, Хорсу и другимъ богамъ; кто такъ дѣлаетъ, тотъ бѣжитъ къ діаволу, который хочетъ вовлечь насъ въ дно адово³⁾. Итакъ, язычники и тѣ, кто живетъ по древнимъ языческимъ традиціямъ, чтутъ не бѣсовъ; они только омрачены дьяволомъ и творятъ его волю. Совершенно такой же взглядъ содержится въ *словѣ св. Діонисія о желтоушихъ*⁴⁾. Игры и пляски предосудительны потому, что это дѣло пустошное, отвлекающее отъ праведной жизни. Въ играхъ почетъ и слава дьяволу, такъ какъ любители такихъ развлеченій творятъ супротивъ Божию закону⁵⁾.

Таковъ взглядъ нашихъ древнихъ книжниковъ на наше древнее язычество. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ меньше рѣчи въ нашей литературѣ о язычествѣ. Обличенія, конечно, продолжаются; но обличается не язычество, а грѣхъ, нарушеніе христіанской заповѣди. Если мы и услышимъ въ позднѣйшіе вѣка о язычествѣ, то это говорится по старой привычкѣ, какъ риторическій приѣмъ⁶⁾.

Содержаніе безыменныхъ словъ и поученій мы разбираемъ въ соответствующихъ главахъ нашего изслѣдованія, а самыя произведенія съ комментаріями напечатаны во второмъ томѣ настоящаго труда.

§ 38.

Отношеніе свѣтской власти въ связи съ общимъ историческимъ очеркомъ борьбы съ язычествомъ.

Наше древне-русское язычество вымирало и забывалось постепенно; церковь и государство боролись съ остатками язычества по мѣрѣ своего разумѣнія. Борьба тянулась на протяженіи всей древней Руси, не закончилась и теперь. Борьба велась частичная; русская іерархія и государственная

¹⁾ Слова Григорія по Паисіеву Сборн. Прил. № 2, стр. 25.

²⁾ Ibid То же слово по списку Соф. биб. № 1295.

³⁾ Прилож. № 5, стр. 59—60.

⁴⁾ Прилож. № 17, стр. 169.

⁵⁾ Поученіе христіанамъ Іоанна Златоуста. Прилож. № 22, стр. 194.

⁶⁾ Прилож. № 32 № 33

власть не владѣли до Петра могущественнѣйшимъ средствомъ борьбы—просвѣщеніемъ, вслѣдствіе чего въ борьбѣ не было системы и опредѣленной послѣдовательности, что неизбѣжно должно было отразиться на результатахъ борьбы. Въ послѣдующихъ главахъ мы будемъ излагать въ систематическомъ порядкѣ мѣропріятія церкви и государства противъ остатковъ язычества. Здѣсь же кратко отмѣтимъ важнѣйшія историческія явленія и условія, на фонѣ которыхъ постепенно христіанизировалась древняя Русь.

Выше мы указали, какъ боролась съ язычествомъ церковь. Ниже мы отмѣтимъ отношеніе къ остаткамъ язычества со стороны государства. Имѣя свои спеціальныя задачи, государство не могло посвятить столько вниманія религіознымъ вопросамъ, сколько этому посвящала церковь. Тѣмъ не менѣе заботы государства о духовныхъ нуждахъ народа были весьма велики. Дѣятельность князей до-монгольского періода, посвященная этой сторонѣ народной жизни, нами уже отмѣчена. Послѣдующіе властители Руси обнаруживали не меньшую заботливость въ этомъ направленіи, хотя не облекли ее въ столь опредѣленныя законодательныя формы.

Христіанство было введено у насъ по инициативѣ гражданской власти. Идолы были сокрушены по приказанію князя Владиміра. Въ XI вѣкѣ государство также стояло на стражѣ интересовъ церкви; появлявшіеся волхвы „погибоша“, о нѣкоторыхъ изъ нихъ мы знаемъ, что они погибли отъ руки представителей государства, о другихъ можно думать, что ихъ исчезновеніе произошло при содѣйствіи той же власти. Стремясь къ скорѣйшему и наиболѣе глубокому усвоенію русскимъ народомъ христіанства, наши князья оффиціально предоставляли церкви право суда надъ нѣкоторыми видами преступленій. Такимъ образомъ государство добровольно поступалось своими правами въ пользу церкви. Вообще, древняя Русь успѣшно христіанизировалась, находясь подъ благотворнымъ вліяніемъ Византіи. Первыми нашими митрополитами были греки. Изъ нихъ Леонъ (или Левъ), Георгій, Іоаннъ II, Никифоръ были писателями, или считались таковыми. Но этому мирному развитію была поставлена преграда. Въ первой половинѣ XIII в. надъ Русью стряслась великая бѣда: татарскія орды съ огнемъ и мечемъ прошли по нашей родинѣ, разоряя и уничтожая селе-

нія и города; множество жителей было истреблено или же попало въ рабство. На оставшихся въ живыхъ была наложена тяжелая дань. Говорятъ, что татары не могли задержать нашего развитія, такъ какъ спутники Батяя вовсе не были варварами; татары въ ту пору оказались первостепенными стратегами и удивительными организаторами, чуждыми столько же разрушенія во что бы то ни стало, сколько стремленія къ порабощенію¹⁾. Врядъ ли можно отрицать крайнюю жестокость татаръ: послѣ битвы при Калкѣ татары положили плѣнныхъ русскихъ князей подъ доски, на которыхъ сѣли обѣдать. Жители городовъ и сель русскихъ, лежавшихъ на пути татарскихъ ордъ, выходили къ нимъ навстрѣчу съ крестами, т. е. сдавались добровольно безъ малѣйшаго сопротивленія и безъ всякихъ условій, но были всѣ убиваемы. По свидѣтельству лѣтописца, погибло безчисленное множество людей²⁾. Это ли не страсть къ разрушенію? Значеніе татарскаго ига заключается не только въ томъ, что татары разорили Кіевъ, который сталъ падать еще въ XII в. Значеніе татарскаго нашествія мы видимъ въ томъ, что оно смыло, дало иное направленіе естественному руслу нашей исторіи. Мы не знаемъ, что было бы, если бы русскіе на Калкѣ одолѣли татаръ; можетъ быть въ отдѣльныхъ княжествахъ возникли бы научные центры, оригинальная литература могла бы дать пышный расцвѣтъ... Все это могло бы быть и не быть. Но несомнѣнно то, что со времени нашествія татаръ процессъ нашего развитія надолго остановился. Мы оказались изолированными отъ остальной Европы. Подъ вліяніемъ татаръ Русь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стала государствомъ азіатскимъ; да и въ глазахъ западно-европейскихъ народовъ мы были не столько европейцами, сколько азіатами. Послѣ татарскаго нашествія мы не видимъ уже такихъ замѣчательныхъ произведеній, какія были въ до-татарскую эпоху, каковы: Начальная лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ; нѣтъ такихъ писателей, какъ напр. митр. Иларионъ, Кирилль Туровскій. Исключеніемъ представляется Серапіонъ Владимірскій. Но его слѣдуетъ считать воспитавшимся на культурѣ до-татарскаго періода.—Изъ этого слѣдуетъ, что на Руси подъ игомъ татаръ просвѣщеніе пало. Въ XIV в. замѣчается усиленіе гражданской власти. Это про-

¹⁾ Истор. Вѣстникъ 1904 г. Апрѣль, 291.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. 2, стр. 1, прим. 244.

изошло вслѣдствіе ослабленія татарскаго ига. Московскіе собиратели земли, по образцу византійскихъ императоровъ, стали считать себя охранителями и интересовъ церкви. На Владимірскомъ соборѣ въ 1274 году іерархи находили возможнымъ пользоваться увѣщаніями; высшей карой отъ уклоненія отъ уставовъ церкви было отлученіе. Начиная же съ XIV вѣка отношеніе къ проступкамъ противъ вѣры измѣняется: гражданская власть беретъ на себя обязанность карать грѣхъ виѣшними мѣрами. Отмѣтимъ, что съ конца XIV вѣка въ русскомъ народѣ начинаютъ обнаруживаться религиозное броженіе. Полагаемъ, что это произошло вслѣдствіе сложныхъ причинъ, но въ числѣ ихъ не было древнее язычество. Монгольское иго понизило уровень народнаго развитія; связь съ Греціей слабѣла, скоро и совсѣмъ прекратилась, началось западное вліяніе чрезъ Новгородъ. Результатомъ всего этого и была ересь стригольниковъ. Ересь стригольниковъ появилась во Псковѣ въ 1371 г. Въ 1375 году въ Новгородѣ были казнены трое развратниковъ вѣры: ихъ бросили въ воду¹⁾. Въ 1427 году секта стригольниковъ подверглась разгрому: нѣкоторыхъ схватили и посадили въ тюрьму, а другіе разбѣжались²⁾. Въ 1487 году была открыта ересь жидовствующихъ. На соборѣ 1504 года еретики были осуждены и преданы проклятію³⁾. Борцомъ противъ жидовствующихъ былъ преп. Іосифъ Волоколамскій.

XV вѣкъ весьма темное время для нашего просвѣщенія. Татарщина безъ сомнѣнія понизила интеллектуальный уровень общества. Необходимо отмѣтить и слѣдующее обстоятельство: когда мы заимствовали отъ грековъ христіанство, при чемъ наши первые князья—христіане пытались насадить у насъ греческое искусство и настоящее просвѣщеніе, само греческое просвѣщеніе было въ упадкѣ, и упадокъ, тотъ продолжалъ прогрессировать. Вначалѣ довольно сильное вліяніе греческой культуры (въ Кіевскій періодъ) постепенно понижалось и наконецъ прекратилось. Не забываясь о нашемъ просвѣщеніи и положивъ въ основу своихъ отношеній къ Россіи корыстолюбіе, греки потеряли авторитетъ въ глазахъ русскихъ. Особенно удручающее впечатлѣніе въ Россіи должно было произвести поставленіе въ митро-

¹⁾ Голубинскій. Истор. II, 1, стр. 396.

²⁾ Ibid., стр. 406—407.

³⁾ Ibid., стр. 582.

политы Кипріана при жизни св. Алексія (1375 г.) и поставленіе въ митрополиты самозваннаго кандидата Пимена (1380 г. ¹). Такіе поступки не забываются. Въ концѣ XV вѣка татарское иго было свергнуто. Русскіе освободились отъ владычества татаръ исключительно своими силами. Это естественно должно было развить у нашихъ предковъ національную гордость. Какъ разъ въ это самое время Византія доживала свои послѣдніе дни. Для спасенія государства византійскіе императоры рѣшились на соединеніе церквей съ подчиненіемъ восточной церкви Риму. На Флорентійскомъ соборѣ (1437 г.) русскій митрополитъ Исидоръ, родомъ грекъ, былъ ревностнымъ сторонникомъ папы и уніи. Формально заключенная унія не имѣла никакого успѣха и не принесла Византіи ожидаемой помощи. Возвратившись изъ Рима въ Москву, Исидоръ попалъ въ заключеніе, а въ 1443 году бѣжалъ изъ Россіи. Поступокъ Исидора въ конецъ дискретировалъ грековъ въ глазахъ русскихъ, и съ тѣхъ поръ во главѣ русской церкви никогда не было грека.

Подъ вліяніемъ нашествія татаръ на Руси, какъ обыкновенно бываетъ при общественныхъ бѣдствіяхъ, развилась религіозность. Татарское иго разсматривалось, какъ наказаніе за грѣхи. Русскіе люди искренно были религіозны и всѣми силами души стремились быть благочестивыми. При отсутствіи собственнаго просвѣщенія и при отсутствіи просвѣщеннаго руководства наша религіозность приняла одностороннее направленіе. Запада и латинства мы боялись, грекамъ не вѣрили, да они и не могли намъ оказать содѣйствія; и вотъ пришлось намъ полежаться на себя. Въ XV-XVI вѣкахъ мы не видимъ въ Россіи ни одного выдающагося писателя, подобнаго тѣмъ, какіе были у насъ въ періодъ до-монгольскій. Некому было учить темную народную массу. Арх. Геннадій сообщаетъ, что и учиться было мало охотниковъ. И вотъ вслѣдствіе недостатка пониманія христіанскаго вѣроученія, несущественное у насъ смѣшивается съ важнымъ, форма съ содержаніемъ, обрядъ съ догматомъ; конечно, предпочтеніе отдается тому, что наиболѣе доступно и понятно, т. е. обрядовой сторонѣ. Когда мы заимствовали христіанство отъ грековъ, въ это время у послѣднихъ еще не выработалось единообразіе церковно-богослужебныхъ обрядовъ. Это разнообразіе перешло и къ намъ. Такъ, нами

было принято двоеперстное и троеперстное сложение для крестнаго знамени. Впослѣдствіи у грековъ господствующей формой стало троеперстіе, а у насъ двоеперстіе; у грековъ была принята трегубая аллилуйя, а у насъ сугубая и проч.¹⁾ Впослѣдствіи, когда Русь сознала свою политическую силу, она стала оскорбляться отношеніемъ къ себѣ грековъ. Врядъ ли греки въ XIV—XV вв. стали хуже, чѣмъ были раньше, только въ это время русскіе ихъ лучше узнали²⁾. Нашимъ предкамъ показалось, что греки нравственно пали. Присматриваясь къ грекамъ, русскіе отмѣтили, что и въ дѣлѣ вѣры греки отличаются отъ насъ. А такъ какъ въ то время у насъ не отличали обряда отъ догмата, то обрядовую разность греческой церкви отъ русской объяснили отступленіемъ грековъ отъ древняго благочестія. Впослѣдствіи (XVII в.) на этой почвѣ произошелъ расколъ, пока же онъ только подготовлялся. Сомнѣнія русскихъ въ православіи грековъ подтвердились на Флорентійскомъ соборѣ: греки продали православіе; но Провидѣніе не замедлило покарать отступниковъ: въ 1453 г. Константинополь былъ взятъ турками. Истинное православіе осталось только въ Москвѣ, среди русскаго народа. Первый Римъ палъ вслѣдствіе гордости, второй Римъ-Константинополь вслѣдствіе своего отступничества; третій Римъ-Москва, истинная хранительница православія, а четвертому Риму не бывать,—вогъ міросозерцаніе нашихъ предковъ, какъ его выразилъ старецъ Филовей. Конечно, въ такую законченную форму это міросозерцаніе выразилось не сразу; начало его восходитъ задолго до Филовея.

Русскіе люди, со временъ св. Владиміра, искренно стремились къ истинному правовѣрію и христіанскимъ добродѣтелямъ. Древнее язычество тускнѣло и вымирало. Въ XV вѣкѣ уже не могло быть и рѣчи о сознательной приверженности къ древнему нечестію. Повидимому, истинное благочестіе ярко сіяло въ Московскомъ государствѣ. На самомъ же дѣлѣ было нѣчто иное. Въ XVI-XVII вв. развилось у насъ множество суевѣрій; вѣра въ волшебство была всеобщей, многіе вѣрили въ астрологію; появилось не малое количество ложныхъ книгъ и проч. Такое явленіе въ русской жизни возникло вслѣдствіе усиленнаго сближенія съ Западной Европой, каковое послѣдовало вслѣдствіе причинъ

¹⁾ Голубинскій. Истор. II, 1, стр. 461.

²⁾ Ibid. стр. 462.

политическихъ и экономическихъ. Заимствуя техническія знанія у Европы, наше правительство заботливо охраняло чистоту православія. Открытой пропаганды латинства и лютеранства, конечно, не допускалось. Тѣмъ не менѣе западное литературное вліяніе сказывалось; конечно, заимствовалось то, что находило себѣ откликъ въ русскихъ вѣрованіяхъ; новое чужеземное приспособлялось къ старому. Такъ, напр., старое вѣрованіе въ родъ и рожаницъ въ XVII в. приняло астрологическую окраску.

Въ XVI-XVII вв. и духовная и свѣтская власти прилагали большую заботу о нравственномъ преуспѣяніи русскаго общества: гоненію подвергались игры, пляски, пѣсни, скоморохи, волшебство, астрологія и проч. Этотъ курсъ, по видимому, установился прочно, хотя правительство въ лицѣ новой династіи Романовыхъ обнаруживало явное тяготѣніе къ Западной Европѣ. Дѣятельность великаго Преобразователя внесла рѣзкую перемѣну въ отношенія государственной власти ко многимъ явленіямъ русской жизни: Петръ I разграничилъ область дѣятельности свѣтской и духовной властей. Начиная съ Петра, свѣтская власть предоставила духовной заботиться о религіозно-нравственномъ состояніи русскаго общества, касаясь этого только въ томъ случаѣ, если оно соприкасалось съ общегосударственнымъ строемъ. Петръ даже открыто взялъ подъ свое покровительство нѣкоторыя дѣянія, считавшіяся до того времени грѣховными; напр. устраивая ассамблеи, царь прямо таки пропагандировалъ игры и забавы; конечно о древнемъ язычествѣ здѣсь не было и помину. Такимъ образомъ, начиная съ Петра государство перестаетъ вести борьбу съ остатками язычества; это дѣло предоставляется исключительно духовной власти.

Наша рѣчь о борьбѣ съ остатками язычества въ до-петровской Руси; но чтобы опредѣлить послѣдствія борьбы въ указанный періодъ, мы отмѣчаемъ, сохранилось ли извѣстное древнее вѣрованіе до нашихъ дней. Въ большинствѣ случаевъ оказывается, что древне-языческія вѣрованія дожили до нашего времени, но смыслъ ихъ забытъ.

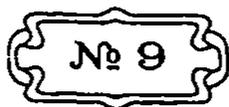
Н. М. Гальковский.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 М а я

1915 года.

Содержаніе. Высочайшій рескриптъ.—Высочайшія награды.—Высочайшая благодарность.—Распоряженіе по Харьковской епархіи.—Архипастырское обращеніе къ духовенству Харьковской епархіи.—Отъ Комитета Высочайше разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 года.—Письмо къ Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Антонію.—Рапортъ Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Антонію.—Къ свѣдѣнію церковно-школьныхъ дѣятелей Харьковской епархіи.—Епархіальныя извѣщенія.—Примѣрная программа Свящ. Писанія Новаго Завѣта.

I.

Высочайшій рескриптъ

на имя **Высокопреосвященнаго Архіепископа Харьковского Антонія.**

Ваше архипастырское служеніе всегда ознаменовывалось ревностью о славѣ и возвеличеніи Святой Православной Церкви и непрестанными попеченіями объ охраненіи и ненарушимости ея уставовъ и преданій и чистоты ея ученія. Отличающія васъ богословская просвѣщенность, широкая учительность, сердечность и доброжелательность въ отношеніяхъ къ паствѣ снискали вамъ довѣріе, любовь и уваженіе не только преемственно ввѣрившихся вамъ паствѣ, но и всей Православной Русской Церкви. На мѣстѣ прежняго служенія вашего—въ Волынской епархіи съ именемъ вашимъ связано поднятіе религіознаго настроенія и національнаго самосознанія населенія этой обширной епархіи. Ваше имя навсегда будетъ памятно на Волыни какъ по возстановленію древняго Овручскаго собора, такъ и по сооруженію величественнаго храма въ Почаевской Лаврѣ. И нынѣ, въ переживаемую Отечествомъ Нашихъ годовъ испытаній, Мы съ утѣшеніемъ видимъ, что вы и на каедрѣ святителей Харьковскихъ не оставили заботъ о Волыни и близкихъ сердцу вашему православныхъ галичанахъ, проявивъ къ многочисленнымъ сиротамъ ихъ, обездоленнымъ ужасами войны, отеческія чувства любви и благопопечительности.

Желая явить знакъ Монаршаго благоволенія въ вашимъ трудамъ и заслугамъ предъ Церковью и Отечествомъ, Всемилоствѣйше сопричислили Мы васъ къ Императорскому ордену Нашему *Святаго*

Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, знаки коего, при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ къ вамъ Императорскою Милостію Нашею благо-склонны.

На подлинной Собственной Его Императорскаго Величества рукою начертано: «**НИКОЛАЙ**».

Высочайшія награды

духовенству по Харьковской епархіи.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Свят. Синода, 6 Мая Высочайше соизволилъ на награжденіе духовенства Харьковской епархіи слѣдующими знаками отличія:

Орденомъ св. Владиміра 2-й ст.: прот. Харьковской Іоанно-Усѣкновенской церкви Іоанна Пичеты.

Орденомъ св. Анны 1-й ст.: прот. той же церкви Іоанна Знаменскаго.

Орденомъ св. Владиміра 3-й ст.: прот. соборной Покровской церкви гор. Старобѣльска Василя Аристова.

Орденомъ св. Анны 2-й ст.: прот. Харьковскаго кафедральнаго собора Леонида Твердохлѣбова, протоіереевъ церквей: Вознесенской—гор. Харькова Данила Попова, соборной Преображенской—г. Сумъ Іоанна Дмитріева, с. Базалѣвки, Волчанск. у., Іакова Попова, Харьковскаго кафедральнаго собора Владиміра Александрова и сл. Покровской, Ахтырскаго у., Григорія Попова.

Орденомъ св. Анны 3-й ст.: помощника смотрителя Сумскаго духовнаго училища свящ. Василя Яновскаго, преподавателя Харьковскаго духовнаго училища священника Петра Шебатинскаго, преподавателя Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, свящ. Іоанна Петровскаго и священниковъ церквей: сл. Котельвы, Ахтырск. у., Георгія Давыдова, Воскресенской—г. Харькова Іоанна-Гораина, Преображенской—г. Харькова Сергія Уманцева, с. Тарановки, Зміевск. у., Іоанна Богословскаго, с. Евсуга, Староб. у., Іоанна Давидовича, Троицкой—г. Сумъ Алексѣя Мигулина, Кирилло-Меѳодіевской кладбищенской—г. Харькова Сергія Посельскаго, Благовѣщенской—с. Тростянца, Ахтырск. у., Аполлонія Гончаревскаго, Всѣхсвятской—г. Харькова—Николая Кратирова, Покровской—гор. Недригайлова, Лебединскаго у., Григорія Макухина, Озерянской—гор. Харькова Ми-

хаила Юшкова, Митрофаніевскоі—г. Недригайлова, Лебединск. у., Антонія Дибарева, Спасской—при Харьковскомъ коммерческомъ училищѣ Іоанна Филевскаго, законоучителя Волчан. учит. семинаріи Василія Насѣдкина и Скорбященской—г. Чугуева Николая Селиванскаго.

Наперснымъ крестомъ—изъ кабинета Его Императорскаго Величества съ украшеніями: настоятельница Старобѣльекаго Скорбященскаго женскаго монастыря игуменіи Аполлиаріи.

Святѣйшимъ Синодомъ награды удостоены:

Палицею—прот. Воскресенской ц. г. Харькова Николай Соколовскій и прот. Андреевской церкви сл. Сватовой Лучки, Купянск. у., Михаилъ Чернявскій.

Саномъ архимандрита—настоятель Спасова монастыря на мѣстѣ чудеснаго событія 17 октября 1888 г., игуменъ Родіонъ.

Саномъ протоіерея—священники церквей: Спасо-Преображенской—г. Харькова Петръ Вишняковъ, сл. Жигайловки, Ахтырск. у., Григорій Шебатинскій, с. Хотѣни, Сумск. у., Павелъ Чугаевъ, с. Лизино, Староб. у., Михаилъ Согинъ, с. Селимовки, Изюмск. у., Петръ Юшковъ, Рождество-Богородичной—г. Харькова Николай Липскій, с. Юрчинова, Волчанскаго у., Іаковъ Поповъ, Андреевской—с. Графскаго, того-же у., Порфирій Ведринскій, сл. Мѣловой, Зміевск. у., Стефанъ Дахневскій, с. Богородичнаго, Староб. у., Николай Касьяновъ, Спиридоніевской—при Клеменовской гор. богадѣльнѣ г. Харькова Іоаннъ Мянгулинъ, с. Гороховатки, Купянск. у., Алексѣй Иваницкій, с. Соколова, Зміевск. у., Іоаннъ Стеллецкій, села Покровскаго, Купянскаго уѣзда, Василій Масловъ, Кресто-Воздвиженской—г. Изюма Владиміръ Григоровичъ, законоучитель Сумскаго кадетскаго корпуса, свящ. Василій Виноградовъ и законоучитель Харьковскаго института Императрицы Маріи Ѳеодоровны, свящ. Павелъ Грома.

Наперснымъ крестомъ: казначей Куряжскаго Старо-Харьковскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, іеромонахъ Татіонъ и священники церквей: Троицкой—г. Богодухова Алексій Артоховскій, соборной Троицкой—г. Волчанска Павелъ Ѳомиръ, сл. Барвенковой, Изюмскаго у., Алексій Навродскій, Георгіевской—г. Ахтырки Леонидъ Прядкинъ, Скорбященской—при Староб. женскомъ монастырѣ Алексѣй Любарскій, с. Асѣвки, Зміевск. у., Василій Протопоповъ, с. Солдатскаго, Богодуховскаго у., Константинъ Рыбаловъ, сл. Боромли, Ахтырск. у., Ілія Бондаревъ, с. Бочковаго, Волчанск. у., Владиміръ Ястремскій, сл. Артемьевки, того-же у., Владиміръ Поповъ, сл. Николаевки, того-же у., Ѳеодоръ Платоновъ, сл. Песокъ, Изюмск. у., Александръ Яковлевъ, сл. Раіа-Александровки, того-же у., Александръ

Дикаревъ, с. Надеждовки, того-же у., Иоаннъ Колосовскій, с. Петропавловки, Купянск. у., Иоаннъ Бозилевичъ, сл. Ново-Ольшаной, того-же у., Феодоръ Слюсаревъ, с. Сватовой Лучки, того же у., Димитрій Томашевскій, Николаевской—г. Лебедина Адрианъ Быковъ, сл. Мостковъ, Староб. у., Константинъ Насѣдкинъ, сл. Алексѣевки, того-же у., Николай Веселовскій, Мирносицкой—г. Харькова Михаилъ Энеидовъ, сл. Черниговки, Староб. у., Николай Матвѣевъ, Рождество-Богородичной—г. Бѣлополя, Сумск. у., Ксенофонтъ Илларионовъ, с. Могрицы, того-же у., Антоній Червонецкій, Николо-Александровской—при ст. Люботинъ Петръ Стефановъ, сл. Верхней Сыроватки, Сумск. у., Викторъ Евфимовъ, с. Рудовки, Староб. у., Иаковъ Любарскій, сл. Николаевки, Сумск. у., Петръ Ставровскій, с. Крысина Яра, Богодуховск. у., Николай Грызодубовъ, начальница Казанской Серафимовской общины, монахиня Серафима и іеромонахи монастырей: Спасова—Афанасій, Святогорск. Успенскаго—Фотій и Леонидъ, Куряжскаго Спасо-Преображенскаго—Іеронимъ и Ахтырскаго Свято-Троицкаго—Пантелеймонъ.

Намилавкою: смотритель Купянскаго духовнаго училища, свящ. Валентинъ Фодоровскій, преподаватель того-же училища свящ. Сергій Дубровинъ и священники церквей: села Павленково, Лебединск. у., Константинъ Новицкій, Благовѣщенской—г. Валокъ Павелъ Курской, села Рубленнаго, Волчанск. у., Александръ Алферовъ, с. Степановки, Сумск. у., Павелъ Власовскій, с. Никольской Екатериновки, Волчанск. у., Иаковъ Даневскій, Кресто-Воздвиженской—г. Харькова Михаилъ Гогинъ, с. Синолицевки, Харьк. у., Евфимій Поповъ, Николаевской—сл. Дергачей, того же у., Іосифъ Закрицкій, Преображенской—сл. Котельвы, Ахтырск. у., Александръ Юшковъ, Вознесенской—того-же села Иоаннъ Александровъ, сл. Боромли, Ахтырск. у., Николай Приходьковъ, сл. Новой Водолаги, Валк. у., Александръ Вербицкій, с. Верхняго Салтова, Волчанск. у., Иоаннъ Панкратьевъ, Мирносицкой—г. Волчанска Павелъ Феневъ, с. Петро-Павловки, Волчанскаго у., Василій Зубаревъ, сл. Цареборисово, Изюмск. у., Викторъ Краснокутскій, Соборно-Преображенской—г. Изюма Александръ Рубинскій, сл. Чистоводовки, Изюмск. у., Митрофанъ Леонтьевъ, сл. Никифоровки, того-же у., Гавріилъ Якубовичъ, с. Студенка, того-же у., Феодоръ Столяревскій, с. Золотого Колодезя, того-же у., Николай Ковалевскій, сл. Волосской Балаклейки, Купянскаго уѣзда, Василій Мухинъ, села Дружелюбовки, того же у., Александръ Мирожинъ, сл. Кармазиновки, того-же у., Антоній Васютинъ, Покровской—г. Лебедина Максимъ Сулима, сл. Луцковки, Лебединск. у., Василій Огинскій, Соборно-

Покровской г. Старобѣльска Макарій Мантулинъ, сл. Подгоровки. Староб. у., Николай Войтовъ, Николаевской—г. Старобѣльска Николай Мищенко, сл. Морозовки, Староб. у., Дмитрій Склабинскій, сл. Никольской, того же у., Павелъ Щелоковскій, сл. Варваровки, того же у., Анатолий Мухинъ, сл. Дмитріевки, того-же у., Константинъ Пантелеймоновъ, сл. Малой Алексѣевки, Харьк. у., Феодоръ Никольскій, с. Черкасскихъ Тишковь, того же у., Алексѣй Щепинскій, сл. Липецъ, того же у., Алексѣй Левандовскій, с. Жихора, того же у., Іоаннъ Калужный, сл. Гіевки, того же у., Стефанъ Чирбинъ, села Хухры, Ахтырск. у., Петръ Поповъ, с. Благодатнаго, Волчанск. у., Михаилъ Колосовскій, сл. Некременной, Изюмскаго у., Іоаннъ Шваницкій, Соборно-Успенской—г. Лебедина Сергій Могиланскій. сл. Шульгинки, Староб. у., Константинъ Котляровъ, Николаевской—г. Золочева Григорій Шокотовъ, Соборно-Покровской—г. Старобѣльска Павелъ Мухинъ, законоучитель Харьк. землед. учил. въ Дергачахъ свящ. Александръ Теряевъ и свящ. Успенской соборной церкви г. Лебедина Алексѣй Солофненко.

По духовно-учебному вѣдомству.—Государь Императоръ по Всеподданнѣйшему докладу Оберъ Прокурора Свят. Синода, 7 мая Высочайше соизволилъ наградить орденами:

Владимира 4 степени—Харьковскаго епархіальнаго наблюдателя школъ церковно-приходскихъ и грамоты, ст. сов. Василя Давыденко и врача Харьковскаго епархіальнаго женскаго училища, ст. сов. Стефана Совѣтова.

Св. Анны 2 ст.—постояннаго члена Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта колл. сов. Владимира Покровскаго.

Св. Станислава 2 ст.—постояннаго члена Богодуховскаго уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта надв. сов. Николая Покровскаго.

Св. Анны 3 ст.—преподавателя Харьковскаго духовнаго училища ст. сов. Александра Дьякова и преподавателя Сумскаго духовнаго училища, кол. сов. Феодора Гораина.

Св. Станислава 3 ст.—помощниковъ инспектора Харьковской духовной семинаріи надв. сов. Александра Добросердова и Николая Смирнова, врача Сумскаго духовнаго училища, надв. сов. Петра Сахарова и преподавателя Купянскаго духовнаго училища, надв. сов. Полиевкта Ильинскаго.

Серебрянными медалями на станиславской лентѣ—канцелярскихъ служителей Харьковской духовной консисторіи—Якова Рѣшетняка и Гавриіла Роменскаго.

Высочайшая благодарность.

Отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича на имя священника о. Михаила Слуцкаго получена слѣдующая депеша:

„Харьновъ. Священнику о. Михаилу Слуцкому.

„Очень тронуть и сердечно благодарю васъ, председателей и членовъ организацій за выраженныя чувства.

Генераль адъютантъ **НИКОЛАЙ**“.

Высочайшая благодарность получена въ отвѣтъ на слѣдующее привѣтствіе членовъ и председателей монархическихъ организацій, въ день торжественнаго засѣданія, 26 апрѣля:

Ставка Верховнаго Главнокомандующаго. Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу.

Ваше Императорское Высочество! Сегодня многолюдное собраніе членовъ Харьковскихъ правыхъ организацій, заслушавъ доклады монархическихъ дѣятелей Москвы, Кіева и Харькова о доблестной защитѣ чести, славы, мощи и величія Россіи русской арміей подъ мудрымъ, доблестнымъ предводительствомъ Вашего Императорскаго Высочества, все собраніе шлетъ въ лицѣ Вашемъ молитвенное пожеланіе нашей славной арміи побѣды надъ жестокимъ, дерзкимъ, надменнымъ тевтономъ.

Вашему Императорскому Высочеству все собраніе шлетъ всепреданнѣйшее поздравленіе съ монаршею милостью. Русскіе люди земно Вамъ кланяются. Да сохранитъ Господь Вашу драгоцѣнную жизнь для счастья и блага Россіи».

Предсѣдатель общаго собранія священникъ Михаилъ *Слуцкій*. Предсѣдатель общества русскихъ людей Харькова—протоіерей Петръ *Скубачевскій*. Предсѣдатель Московскій палаты русскаго народнаго союза Михаила Архангела *Орловъ*. Предсѣдатель Харьковскаго союза русскаго народа *Хоменко*, Предсѣдатель Кіевской палаты союза Михаила-Архангела *Ломакинъ*.

Распоряженіе по Харьковской епархіи.

Священники Харьковской епархіи, назначенные къ производству въ санъ протоіеря, должны прибывать въ Харьковъ для посвященія, не ожидая нарочитаго вызова, предъ воскресными или праздничными днями; могутъ также являться въ Изюмъ 14 мая или въ Волчанскъ 16 и 17 мая.

Священники, награжденные золотымъ крестомъ, могутъ, если пожелаютъ, жертвовать свои прежніе серебряные кресты въ пользу бѣднѣйшихъ ставленниковъ и присылать означенные кресты въ канцелярію Архіерея съ приложеніемъ списка именъ своихъ усопшихъ и живыхъ родственниковъ для поминанія ихъ новоначальнымъ іереемъ 10-го мая 1915 года.

Архіепископъ Антоній.

Архипастырское обращеніе къ духовенству Харьковской епархіи.

Учившіеся въ истекшемъ учебномъ году въ доховно-учебныхъ заведеніяхъ Харьковской епархіи православные галичане (обоого пола) пытались выѣхать на нынѣшнія весьма продолжительныя вакаціи къ своимъ родственникамъ въ Галицію, но тѣ изъ нихъ, которыхъ родина западнѣе Львова, были возвращены Львовскимъ попечительнымъ комитетомъ назадъ въ Харьковъ и въ настоящее время должны содержаться въ зданіяхъ Харьковской духовной семинаріи или же епархіальнаго училища на благотворительныя средства, которыя весьма истощились послѣ безцѣльной траты на неудавшуюся поѣздку молодыхъ людей на родину. Посему рѣшаюсь обратиться къ духовенству епархіи съ просьбой разобрать на вакаціи въ качествѣ гостей тѣхъ изъ учащихся у насъ галичанъ, съ которыми подружались ихъ дѣти, причемъ проѣздъ будетъ оплаченъ изъ благотворительныхъ суммъ. Для галицкихъ юношей и дѣвушекъ это будетъ полезно и въ томъ отношеніи, что они въ семьѣ русскаго приходскаго священника ближе ознакомятся съ русской жизнью и съ православнымъ благочестіемъ. Если бы принять галицкихъ гостей на вакаціи пожелалъ такой священникъ или клирикъ, у котораго нѣтъ дѣтей, учившихся съ ними въ одномъ классѣ, то и это было-бы возможно и желательно. Въ настоящее время въ зданіяхъ Харьковской семинаріи проживаютъ свыше 30 учениковъ разныхъ возрастовъ учащихся въ духовныхъ семинаріяхъ, духовныхъ училищахъ и во вѣрореклассной Дергачевской школѣ, преимущественно сыновей галицкихъ священниковъ, учителей, а также и крестьянъ; въ епархіальномъ же училищѣ около 20 дѣвицъ такого же происхожденія и тоже разнаго возраста. Всѣ эти молодые люди (обоого пола) весьма благовоспитанны и благонравны.

Архіепископъ Антоній.

Отъ Комитета ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 года.

Розыгрышъ билетовъ ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 года въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ дѣйствій, будетъ производиться публично, въ Петроградѣ, въ помѣщеніи гимназій Императора Александра I (Казанская ул., 27) Совѣтомъ Государственного Банка, въ присутствіи одного изъ членовъ Комитета лотереи и депутатовъ отъ Петроградскихъ: дворянства, губернскаго земскаго собранія и городского общественнаго управленія.

Розыгрышъ билетовъ 1-го выпуска (зеленыхъ) начнется 1 Іюня с. г., а билетовъ 2-го выпуска (розовыхъ)—20 Іюня с. г.

Продажа билетовъ прекращается всюду 15-го Мая с. г., за исключеніемъ конторъ и отдѣленій Государственного Банка и Казначействъ, гдѣ билеты обоихъ выпусковъ будутъ продаваться съ 15-го Мая по 27-е Мая с. г., включительно.

Цѣна билета—5 р., а одной пятой части билета—1 р.

Выигрыши—отъ 100.000 р. до 200 р.

Всего выигрышей 8.668 на сумму 3.000.000 р.

Письмо къ Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Антонію священника І. Козлова, съ резолюціей Его Высокопреосвященства.

Ваше Высокопреосвященство!

Посвятивъ практическому изученію полемики съ расколомъ свыше 10 лѣтъ, въ настоящее время я напечаталъ пособіе по новѣйшей полемикѣ съ расколомъ: „*Въ помощь миссіонеру, пастырю и ревнителю православія*“. Книга уже отмѣчена миссіонерскою періодическою печатью.

Мисс. Обзорніе за 1914 г. № 11, стр. 332—3: „Разсматриваемый трудъ есть трудъ самостоятельный, цѣльный, законченный, а не перепечатка прежде вышедшихъ выписокъ и руководствъ и служить, такъ сказать, продолженіемъ прежде изданныхъ миссіонерскихъ пособій. Въ алфавитномъ указателѣ 368 наименованій книгъ и рукописей, коими пользовался авторъ. Повтореній, громоздкости матеріала въ книгѣ нѣтъ: выписано только существенно важное въ полемикѣ. Одинъ перечень числа возраженій, разобранныхъ въ книгѣ,

можетъ служить лучшей рекомендаціей этого пособия: О книжномъ исправленіи разобраны новѣйшія возраженія—23, о причащеніи 36. о священствѣ 30, объ антихристѣ 27. Дано много свидѣтельствъ о гоненіи на еретиковъ и раскольниковъ, о православіи греческой церкви, о мнимыхъ ересяхъ (прав. церкви), о клятвахъ, о косматыхъ, о лѣтахъ рукополагаемыхъ лицъ, о подлогахъ... Словомъ, авторомъ предпринято все, чтобы книга была точнымъ, полнымъ, удобнымъ и безошибочнымъ справочникомъ—пособіемъ по всѣмъ вопросамъ новѣйшей полемики съ расколомъ“.

Мисс. Сборникъ за 1915 г. № 1, стр. 178—9: „Въ трудѣ разсмотрѣно до 80 вопросовъ. Вопросы изложены въ алфавитномъ порядкѣ, напр.: антихристъ, апостолы и т. д. На верху каждой страницы сдѣлано такое же алфавитное указаніе предметовъ, что весьма облегчаетъ пользованіе трудомъ. Даны многочисленныя справки по новѣйшимъ вопросамъ—обвиненіямъ, напр. о гоненіяхъ, цезаропапизмѣ, присягѣ и др., коихъ не имѣлось въ прежнихъ пособіяхъ и руководствахъ. Въ концѣ книги дано объясненіе къ пользованію пособіемъ, а это важно и необходимо для малоопытныхъ и знакомящихся. Книга издана опрятно, шрифтъ убористый, четкій“. Цѣна 3 р. съ пересылкой.

Покорнѣйше прошу, Ваше Высокопреосвященство, не найдете ли, Милостивый Архипастырь, возможнымъ рекомендовать названную книгу духовенству, чрезъ извѣщеніе въ Епархіальныхъ вѣдомостяхъ, для выписки. Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшій слуга священникъ *И. Козловъ*.

Адресъ: г. Петрозаводскъ, Олонец. губ.

11-го Апрѣля 1915 г.

На семь послѣдовала такая резолюція Его Высокопреосвященства: «Авторъ указанной книги одинъ изъ самыхъ талантливыхъ современныхъ миссіонеровъ, ученикъ покойнаго протоіерея Крючкова. Рекомендую его цѣнную книгу въ качествѣ прекраснаго пособия для бесѣдъ съ раскольниками».

Архіепископъ Антоній.

Рапортъ Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Антонію,

отъ Комитета по сбору пожертвованій на нужды войны свободы Ново-Ахтырки, Старобѣльскаго уѣзда.

Честь имѣемъ представить Вамъ, Ваше Высокопреосвященство, отчетъ о дѣятельности нашего Комитета по сбору пожертвованій на

нужды войны за истекшее семи-мѣсячное военное время: собрано въ разное время между жителями нашего села деньгами и хлѣбомъ всего на сумму четыреста (400) рублей 66 коп.; всѣ эти деньги израсходованы слѣдующимъ образомъ: куплено теплой матеріи для рубахъ и теплыхъ тужурокъ на 236 руб. 17 коп., изъ которой бесплатно шито женщинами сего села 89 шт. тужурокъ, 77 рубахъ, на что имѣется квитанція Краснаго Креста г. Петрограда за № 6089 (куда эти вещи и были нами отправлены); одновременно съ этими вещами было отправлено 2 пуда 20 ф. табаку махорки на 27 руб. 70 коп.; на больныхъ и раненыхъ воиновъ передано въ Главное Управление Краснаго Креста г. Петроградъ всего 74 руб. 90 коп.; на бѣдныхъ жителей разоренной Галиціи чрезъ Архіепископа Антонія отправлено 30 рублей; на больныхъ и раненыхъ воиновъ черезъ г. Губернатора передано 15 рублей; на отправку вѣрноподданнической телеграммы израсходовано 4 руб. 63 коп., на которую имѣли счастье получить милостивый отвѣтъ Его Императорскаго Величества; на ящики для упаковки вещей и почтовые расходы—14 руб. 26 коп. Кромѣ всего этого собрано холщевое бѣлья; рубахъ 98 шт.; кальсонъ 47 шт.; полотенець 99 шт.; платковъ 39 шт.; носковъ 8 паръ; холста 180 аршинъ; портянокъ 46 паръ, все это отправлено въ Красный Крестъ, часть въ г. Петроградъ, а часть въ г. Харьковъ.

1914 года 28 ноября нами собрано въ нашемъ селѣ сухарей 79 пудовъ и сушеныхъ фруктовъ 8 пудовъ 25 фунт.; 27 декабря т. г. собрано свиное соленое сало 10 пуд. 35 фун. и 2 пуда коровьяго соленого масла; 17-го марта 1915 г. собрано сушеной пшеничной лапши 17 пуд. 20 фун., все это, какъ нашъ трудовой даръ нашимъ дорогимъ защитникамъ, передано въ Красный Крестъ въ г. Харьковъ.

При проводахъ съ крестнымъ ходомъ, портретомъ дорогого нашего Царя—Батюшки и съ національными нашими флагами мобилизованныхъ ополченцевъ въ нашемъ селѣ среди молящихся было собрано 28 руб. 10 коп., на которыя были куплены крестики съ ленточками для благословенія уходящихъ на войну, а остальные деньги были розданы по рукамъ ополченцамъ, приблизительно по 50 коп. каждому.

10 марта с. г. нами было получено извѣстіе о взятіи нашими дивными героями крѣпости Перемышля и тотъ-часъ-же мы, комитетчики, собрали всѣхъ жителей нашего села на площадь, куда прибылъ крестный ходъ, и здѣсь торжественно былъ отслуженъ благодарственный молебенъ Господу Богу съ многолѣтіемъ Государю Императору, Верховному Главнокомандующему и всему побѣдоносному воинству, при чемъ здѣсь же былъ произведенъ сборъ на портретъ Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича

О чемъ смѣемъ доложить Вамъ, Ваше Высокопреосвященство, для свѣдѣнія, при чемъ смѣемъ присовокупить, что въ нашей слободѣ всего 204 двора и смѣемъ заявить о своей готовности быть полезными хоть чѣмъ нибудь своей дорогой родиной въ эту тяжелую годину испытаній.

Покорнѣйше просимъ Васъ, Ваше Высокопреосвященство, распорядиться о напечатаніи сего отчета въ журналъ «Вѣра и Разумъ».

Предсѣдатель Комитета священникъ *Илія Кіянковскій*.

Казначей Комитета Дворянинъ *И. Котовъ-Коношенко*.

Члены Комитета	}	крестьяне
		<i>Афанасій Соломаха.</i>
		<i>И. Приходько.</i>
		<i>П. Котовъ-Коношенко.</i>
		<i>Иванъ Яровой и другіе.</i>

1915 года марта 30 дня.

Къ свѣдѣнію церковно—школьныхъ дѣятелей Харьковской епархіи.

Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, согласно утвержденному Его Высокопреосвященствомъ журнальному опредѣленію свосму, отъ 17 апрѣля с. г., имѣетъ честь предложить всѣмъ церковно—школьнымъ дѣятелямъ Харьковской епархіи надлежащимъ образомъ отнестись къ исполненію указаній, преподанныхъ въ помѣщаемомъ при семъ отношеніи г. Имперскаго Наблюдателя школь церковно-приходскихъ и грамоты, постулившаго на имя г. Харьковскаго Епархіальнаго Наблюдателя.

«Въ силу опредѣленія Св. Синода, отъ 11—16 декабря минувшаго года за № 11260, Епархіальные Училищные Совѣты обязаны озаботиться, при содѣйствіи Уѣздныхъ и Епархіальныхъ Наблюдателей, собираніемъ подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ видахъ и способахъ участія церковныхъ школь въ современной войнѣ, напр., предоставленіемъ помѣщеній для лазаретовъ, или подъ временные посты воинскихъ частей или призванныхъ на войну, ухаживаніемъ за больными и ранеными, помощію семействамъ призываемыхъ, изготовленіемъ (дѣтьми и учащими) бѣлья, теплыхъ вещей для воиновъ и раненыхъ, собственными пожертвованіями или сборомъ пожертвованій на нужды войны, посѣщеніемъ лазаретовъ для утѣшенія больныхъ и раненыхъ, въ особенности пѣніемъ, напр., все-

ношной въ лазаретахъ и госпиталяхъ и проч.,—съ тѣмъ, чтобы собранныя такого рода свѣдѣнія были отпечатаны затѣмъ особымъ очеркомъ или отчетомъ по сему дѣлу или были помѣщены въ особой главѣ наблюдательскаго отчета за текущій учебный годъ, при чемъ надлежитъ сообщить въ семъ отчетѣ списокъ учителей, взятыхъ на войну, убитыхъ и раненыхъ, и учительницъ, поступившихъ въ сестры милосердія, съ прописаніемъ свѣдѣній объ особо отличившихся изъ нихъ на войнѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, согласно вышеупомянутому опредѣленію Св. Синода, отъ Епархіальныхъ Училищныхъ Совѣтовъ должно послѣдовать распоряженіе по церковнымъ школамъ а) чтобы въ каждой школѣ, по полученіи извѣстія о смерти на полѣ брани учителя этой школы, совершалась панихида, и затѣмъ его имя, а также имена бывшихъ учениковъ школы, скончавшихся на войнѣ, поминались ежедневно, въ теченіе года, на утреннихъ школьныхъ молитвахъ, а завѣдующими школами—и въ храмѣ во дни поминовенія усопшихъ, б) чтобы въ классномъ помѣщеніи былъ повѣшенъ небольшой портретъ покойнаго съ старательно отчетливымъ обозначеніемъ его имени, отчества и фамиліи, времени его службы въ школѣ, и съ указаніемъ, что онъ былъ призванъ на войну и былъ убитъ или скончался отъ ранъ на войнѣ, а также какихъ былъ удостоенъ воинскихъ отличій, если это было и стало извѣстно; если почему либо не представляется возможнымъ имѣть фотографическій портретъ, то чтобы повѣшенъ былъ въ классѣ плакатъ (изъ картона) или доска съ тѣми же свѣдѣніями объ учителѣ, и в) чтобы такимъ способомъ были почтены и тѣ завѣдующіе и учительницы школъ, которые оставили службу въ школѣ для служенія на войнѣ и при исполненіи своихъ обязанностей положили жизнь за Вѣру, Царя и Отечество. Опредѣленіе о семъ Св. Синода напечатано въ официальной части № 1 «Церковныхъ Вѣдомостей» за текущій 1915 годъ. Почитаю своимъ долгомъ обратить вниманіе Ваше на изложенное распоряженіе Св. Синода, въ увѣренности, что Вы какъ личными указаніями на мѣстахъ, такъ и чрезъ Уѣздныхъ Наблюдателей окажете завѣдующимъ школами и учащимъ въ нихъ надлежащее руководство и нужное содѣйствіе въ дѣлѣ собиранія и записи подробныхъ свѣдѣній о всѣхъ видахъ и способахъ участія состоящихъ подъ Вашимъ наблюденіемъ церковныхъ школъ въ современной войнѣ, а равно не оставите школьныхъ дѣятелей безъ руководственныхъ, въ случаѣ надобности, разъясненій и въ отношеніи молитвеннаго поминовенія въ школахъ бывшихъ воспитателей, учащихся и учившихся, положившихъ жизнь свою за Вѣру, Царя и Отечество, и почтенія ихъ

памяти указаннымъ въ опредѣленіи Св. Синода способомъ,—съ предварительнымъ докладомъ Епархіальному Училищному Совѣту о признаваемыхъ Вами полезными и нужными общихъ по школамъ мѣропріятіяхъ относительно однообразнаго и согласованнаго выполненія школами распоряженія Св. Синода.“

Епархіальныя извѣщенія.

1. Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

1) Бывшій священникъ Покровской церкви с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда, *Косьма Щелоковскій*, 24 апрѣля опредѣленъ на священническое мѣсто при Успенской церкви с. Поповки, того-же у.

2) Окончившій курсъ Духовной Семинаріи *Павелъ Мартыненко* 24 апрѣля опредѣленъ на священническое мѣсто при Покровской ц. с. Городища, Старобѣльскаго уѣзда.

3) Окончившій курсъ Духовной Семинаріи *Григорій Филиповъ* 2 мая опредѣленъ къ Іоанно-Богословской церкви с. Янкова Рога, Ахтырскаго уѣзда.

4) Окончившій курсъ Духовной Семинаріи *Петръ Кирилловъ*, 2 мая опредѣленъ на діаконское мѣсто при Николаевской церкви с. Шабельковки, Изюмскаго уѣзда.

5) Діаконъ-псаломщикъ Харьковской Преображенской церкви, *Василій Ветуховъ*, 2 мая опредѣленъ на діаконское мѣсто при этой же церкви.

6) Діаконъ Николаевской церкви с. Каменной Яруги, Зміевского уѣзда, *Петръ Григоровичъ*, 2 мая опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Харьковской Преображенской церкви.

7) Крестьянинъ *Василій Пахомовъ* 21 мая опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Вознесенской церкви при Клушновской колоніи глухонѣмыхъ.

8) Крестьянинъ *Андрей Назаровъ* 27 апрѣля опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Св. Духовской церкви при Александровской церкви гор. Сумы.

9) Временно и. д. псаломщика с. Заводянки, Старобѣльскаго уѣзда, *Матвѣй Курилко*, 27 апрѣля опредѣленъ на штатное псаломщицкое мѣсто при сей-же церкви.

10) Студентъ Курской Духовной Семинаріи *Владимиръ Краснопольскій* 5 мая опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Благовѣщенскомъ соборѣ гор. Харькова.

11) Временно и. д. псаломщика Іоанно-Предтеченской церкви с. Пашково, Изюмского уѣзда, *Александръ Чукаевъ*, 4 мая опредѣленъ штатнымъ псаломщикомъ при сей-же церкви.

2) О перемѣщеніи духовенства.

1) Священники церквей: с. Низшей Верховулки, Лебединскаго уѣзда, *Александръ Сапухинъ*, и с. Поповки, Богодуховскаго уѣзда, *Михаилъ Артюховскій*, по прошенію, 21 апрѣля взаимно перемѣщены.

2) Священники церквей: с. Лимана, Изюмскаго уѣзда, *Теодоръ Борадаевъ*, и с. Бригадировки, Зміевского уѣзда, *Іоаннъ Горанскій*, 28 апрѣля, по прошенію, взаимно перемѣщены.

3) Псаломщикъ Св. Духовской церкви при Александровской Сумской гимназій, *Тихонъ Маценко*, 26 апрѣля перемѣщенъ въ Архангело-Михайловской ц. с. Кириковки, Ахтырскаго уѣзда, откуда псаломщикъ *Андрей Цебенко*, согласно его прошенію, 20 апрѣля перемѣщенъ въ Ахтырскій Покровскій соборъ съ рукоположеніемъ въ санъ діакона на вакансіи псаломщика.

4) Діаконъ-псаломщикъ Николаевской церкви с. Яковенково, Зміевского уѣзда, *Викторъ Ильинскій*, и псаломщикъ с. Маяки, Изюмскаго уѣзда, *Владимиръ Сертеевъ*, по прошенію, 27 апрѣля взаимно перемѣщены.

5) Псаломщики церквей: Воскресенской с. Андреевки, Зміевского уѣзда, *Аполлинарій Ковалевъ*, и с. Станичнаго, Валковскаго уѣзда, *Владимиръ Яновскій*, 1 мая, по прошенію, взаимно перемѣщены.

3) Объ увольненіи за штатъ.

1) Священникъ Покровской церкви с. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, *Георгій Давыдовъ*, по прошенію, 23 апрѣля уволенъ за штатъ.

2) Псаломщикъ Успенской церкви с. Заводянки, Старобѣльскаго уѣзда, *Георгій Ястремскій*, по болѣзни, 27 апрѣля уволенъ отъ мѣста.

3) Псаломщикъ Троицкой единовѣрческой церкви гор. Харькова, *Александръ Матросовъ*, согласно его прошенію, 4 мая уволенъ за штатъ.

4) Священникъ-псаломщикъ Успенской церкви с. Мотузовки, Зміевского уѣзда, *Константинъ Стефановскій*, 4 мая уволенъ отъ мѣста псаломщика.

4) О смерти духовенства.

Священникъ Іоанно-Богословской церкви с. Яикова Рога, Ахтыр-скаго уѣзда, *Стефанъ Филипповъ*, 25 апрѣля умеръ.

5) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

1) Къ Успенской церкви гор. Валокъ 3 мая старостою утвержденъ купецъ *Семенъ Силыевскій*.

2) Къ церкви с. Гуляй Поля, Зміевского уѣзда, 3 мая—крест. *Андрей Мудракъ*.

3) Къ церкви с. Вирей, Сумскаго уѣзда, 30 апрѣля—крест. *Максимъ Ткаченко*.

4) Къ церкви с. Штеповки, Лебединскаго уѣзда, 27 апрѣля потомственный дворянинъ *Николай Даниловъ*.

5) Къ церкви с. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда, 1 мая крест. *Николай Колонтаевскій*.

6) Вакантныя мѣста.

1) Священническія:

При Николаевской церкви с. Березовки, Харьковскаго уѣзда.

2) Діаконскія:

При Николаевской ц. с. Каменной Яруги, Зміевск. у.

3) Псаломщицкія:

При Успенской ц. с. Мотузовки, Зміевского уѣзда.

Примѣрная программа Свящ. Писанія Новаго Завѣта въ 7--8 классахъ мужскихъ гимназій, составленная Комиссіей Харьковскаго Законоучительскаго Братства.

VII классъ.

Понятіе о Библии; ея составъ и раздѣленіе.

Основная идея Библии. Общія свойства Библии: универсальность, единство содержанія и неотразимо-могущественное дѣйствіе на читателя.

Богодуховенность книгъ Свящ. Писанія. Канонъ священныхъ книгъ 1) Ветхаго и 2) Новаго Завѣта.

Неповрежденность еврейскаго текста Библии до перевода 70-ти толковниковъ. Главнѣйшіе переводы Свящ. Писанія. Переводъ 70-ти толковниковъ. Славянскій и русскій переводы Библии.

Краткое содержаніе Свящ. книгъ Ветхаго Заѣта.

Евангеліе; понятіе о немъ. Источники Евангелій; отличительныя черты ихъ.

а) Историческая достовѣрность земной жизни Господа Иисуса Христа.

б) Подлинность четвероевангелія; внѣшнія и внутреннія доказательства ея (свидѣтельства друзей и враговъ; историческая обстановка, современная происхожденію Свящ. книгъ Н. З., въ частности евангелія; языкъ евангелія; особенности Слова Христова въ отличіи его отъ слова человѣческаго).

в) Евангельскій образъ Иисуса Христа въ апологетическомъ изложеніи. Возможно-ли считать Иисуса Христа праведнымъ человѣкомъ? нѣтъ: Онъ есть милосердный Богочеловѣкъ: иначе Онъ былъ бы обманщикомъ.

Евангеліе отъ Матвея.

Писатель евангелія. Время, мѣсто и цѣль написанія евангелія. Историческая достовѣрность евангелія.

Общее содержаніе евангелія.

Главы: I, 18 и д.: Рождество Христово. (срв. ев. Лук. VI, 17 и д. XI, 1—14).

V, VI и VII: нагорная проповѣдь.

X: Наставленіе 12-ти ученикамъ.

XI, 25 и д.: объ сверхъестественномъ откровеніи и успокоеніи во Христѣ Иисусѣ.

XIII: притчи Господа Иисуса Христа.

XVI, 13 и д.: исповѣданіе ап. Петра; ученіе о церкви и крестѣ Христа и христіанина.

XVIII: ученіе о смиреніи, соблазнахъ и прощеніи обидъ.

XIX: наставленіе богатому юношѣ.

XXIV: Бесѣда Спасителя о разрушеніи Іерусалима и послѣднихъ судьбахъ міра (срв. Марк. XIII, Лук. XXI, 5—36).

Евангеліе отъ Марка. Писатель евангелія; время и цѣль написанія; общій характеръ и содержаніе евангелія.

Евангеліе отъ Луки. Писатель евангелія; время и цѣль написанія; общій характеръ и содержаніе евангелія.

IV, 16—30: Проповѣдь Спасителя въ Назаретѣ о Самомъ Себѣ и объ условіяхъ пріемлемости Христова ученія и чуда.

IX, 51—62: о служеніи Спасителя и о послѣдованіи за Христомъ.

Притчи Спасителя: VII, 36—50; X, 25—38; XII, 13—22; XIII, 1—10; XIV, 7—25; XV; XVI, 1—14, 19—31; XVIII, 1—15; XIX, 1—27.

Евангеліе отъ Іоанна.

Писатель евангелія; время и цѣль написанія; общій характеръ и содержаніе евангелія.

I, 1—18: Богъ—Слово воплотившееся.

V, 16—47; VIII, 12—59; X: свидѣтельства Самого Іисуса Христа о Своемъ Божескомъ достоинствѣ.

XIII, 31—XVII: прощальная бесѣда Спасителя съ учениками.

XVII: Первосвященническая молитва Господа Іисуса Христа.

VIII классъ.

Общія свѣдѣнія о посланіяхъ св. Апостоловъ; характеръ и содержаніе ихъ ученія о вѣрѣ и жизни христіанской.

Соборныя посланія.

Посланіе ап. Іакова. Писатель посланія; время и цѣль написанія посланія; общее содержаніе.

I, 1—20: объ испытаніяхъ вѣры и искушеніяхъ.

II, 14—26: вѣра и дѣла вѣры. Согласованіе съ ап. Павломъ, который говоритъ о дѣлахъ обрядоваго закона.

III, обузданіе языка (1—13); признаки истинной мудрости (13—18).

IV, 13—17: о самонадѣянности.

V, 10—20: христіанское терпѣніе; клятва; сила молитвы.

Первое посланіе ап. Петра. Писатель посланія; время и цѣль написанія; общее содержаніе посланія.

II: освященіе вѣрою; сила добраго примѣра; повинновеніе властямъ; терпѣніе за правду ради Бога.

III: взаимныя отношенія супруговъ; любовь и воздержаніе; терпѣніе въ страданіяхъ.

Второе посланіе ап. Петра, отношеніе его къ первому; общій характеръ и содержаніе.

II, лжепророки; гибель нечестивцевъ.

III, 1—14: второе пришествіе Спасителя.

Первое посланіе ап. Іоанна, отношенію его къ евангелію отъ Іоанна; время и цѣль написанія; общее содержаніе.

I, 5—10: исповѣданіе грѣха.

II: жизнь во свѣтѣ Христовомъ; пришествіе антихриста.

III: кто суть чада Божія? Братская любовь.

IV: различіе Духа Божія и духа лжи; любовь Божія и братская любовь.

У: вѣра въ Божество Иисуса Христа и тройкое свидѣтельство объ этомъ.

Правильное толкованіе словъ: «рожденный отъ Бога не грѣшитъ».

Посланіе ап. Іуды. Писатель; время и цѣль написанія; общій характеръ и содержаніе посланія.

Посланія ап. Павла. Писатель. Общій характеръ посланій и ихъ историческая достовѣрность.

Посланіе къ Римлянамъ. Время и цѣль написанія.

Общее содержаніе.

УП: законъ не избавляетъ отъ грѣха.

УШ: избавляетъ Христосъ и Духъ Святой.

ХШ: повиновеніе властямъ.

XIV: о немощныхъ въ вѣрѣ и объ уваженіи къ совѣсти ближняго.

Посланіе къ Коринтянамъ первое: время и цѣль написанія; общее содержаніе.

П: премудрость человѣческая и откровеніе.

ХП: разнообразіе и единство даровъ духовныхъ.

ХШ: высшій изъ всѣхъ даровъ—любовь.

ХV: о воскресеніи мертвыхъ.

Краткія свѣдѣнія о происхожденіи, характерѣ и содержаніи второго посланія къ Коринтянамъ.

Посланіе къ Галатамъ. Время и цѣль написанія; общее содержаніе. Отношеніе къ посланію къ Римлянамъ.

П, 15—21: бсзсиліе закона (и Ш глава).

IV, 21—V: законъ; евангеліе и христіан. свобода.

Посланіе къ Ефесемъ. Время и цѣль написанія; общее содержаніе.

IV: единеніе и оановленіе во Христѣ; наставленія о жизни.

V, 22 и д.: наставленія о семейной жизни.

VI, 10—19: всеоружіе христіанина.

Примѣчаніе: Желательно изученіе всего посланія, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на указаннныя мѣста.

Посланіе къ Филиппійцамъ. Время и цѣль написанія. Общее содержаніе.

П, 5—12: о смиреніи по образу смиренія Иисуса Христа.

Посланіе къ Колоссамъ. Время и цѣль написанія; общее содержаніе и отношеніе къ посланію къ Евреямъ.

I, 12—24: Спаситель—источникъ жизни, Глава Церкви, Примиритель Бога и человѣковъ.

II, 8—III, 17: новая жизнь во Христѣ.

Посланіе къ Солунянамъ первое. Время и цѣль написанія. Общее содержаніе.

IV, 13—18: живые и усопшіе въ пришествіе Господне (сюда же и V, 1—12).

Второе посланіе къ Солунянамъ; отношеніе къ первому посланію; общее содержаніе.

II: человѣкъ грѣха и великое отпаденіе.

Посланія къ Тимофею: первое. Время и цѣль написанія. Общее содержаніе.

II: о молитвахъ церковныхъ.

III: чины церковные, начальственные и служебные.

Второе: отношеніе къ первому посланію къ Тимофею; общее содержаніе.

II, 14—26: опасность пустыхъ состязаній о вѣрѣ.

III, 1—6, 12—17: грядущія бѣдствія и искушенія вѣры.

Посланія къ Титу и къ Филимону. Краткія свѣдѣнія о времени, цѣли написанія посланій и общемъ ихъ содержаніи.

Посланіе къ Евреямъ. Время и цѣль написанія; отношеніе къ другимъ посланіямъ; общее содержаніе.

I, II, 18: превосходство Спасителя предъ Ангелами.

VII: священство Мелхиседека и священство Спасителя.

VIII, IX и X, 19—превосходство новозавѣтнаго священства предъ ветхозавѣтнымъ.

XI: ученіе о вѣрѣ.

Апокалипсисъ; краткія свѣдѣнія объ исторической достовѣрности книги, времени и цѣли написанія и общій смыслъ содержанія.

Заключеніе: общее обозрѣніе новозавѣтнаго ученія о вѣрѣ и жизни (Богъ, міръ и человѣкъ).

Примѣчаніе. Опущенныя въ программѣ мѣста и главы новозавѣтныхъ священныхъ книгъ можно проходить курсорно, такъ чтобы устанавливалась связь между предшествующимъ и послѣдующимъ.

II.

Содержаніе. О праздничномъ отдыхѣ. Священ. *Іакова Пригодина*.—Епархіальная хроника. Архіерейскія Богослуженія.—Рѣдкое торжество въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Посѣщенія Харьковской Семинаріи Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антономъ.—Годичный актъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.—Присоединеніе къ православію магометанина.—Иноепархіальный отдѣлъ. Наши епископы на войнѣ.—Разныя извѣстія и замѣтки. Гордись мать.—Объявленія.

О праздничномъ отдыхѣ.

„Помни день субботній“.

4 заповѣдь.

Пастырская дѣятельность православнаго русскаго духовенства часто бываетъ обставлена такими характерными бытовыми явленіями, что вполне становится понятнымъ малый успѣхъ ея сравнительно съ затрагиваемыми усиліями. Сельскій священникъ при всякомъ почти проявленіи своей пастырской ревности наталкивается на эти бытовья явленія и, не находя вокругъ себя ни сочувствія, ни поддержки, скоро остываетъ, становясь апатичнымъ къ своему великому служенію,—„отзвонилъ, да и съ колокольни долой“. А между тѣмъ жизнь идетъ ускореннымъ темпомъ, и переживаемое нами время требуетъ исключительнаго напряженія пастырской дѣятельности въ виду сильно растущаго сектантства, находящаго благопріятную почву для успѣшнаго своего развитія какъ разъ въ тѣхъ бытовыхъ явленіяхъ русской жизни и дѣятельности, которыя сильно тормозятъ пастырскую дѣятельность. Съ однимъ таковымъ характернымъ бытовымъ явленіемъ жизни нашей деревни я хочу познакомить читателя.

Позволю себѣ нарисовать маленькую сельскую праздничную картинку... Малороссійское село въ промышленномъ районѣ Харьковской епархіи. День Вознесенія Господня. Дивное майское утро. Съ деревенской колокольни несется торжественный частый звонъ, зовущій прихожанъ на молитву. Кажется, будто сама природа съ восходящимъ дивнымъ, дневнымъ свѣтиломъ, во всей своей весенней красѣ, тихо-торжественно возсылаетъ хвалу Творцу и радуется праздничному дню, но земная суета идетъ наперекоръ даже стихіямъ: по деревенскимъ улицамъ гарцуютъ на ло-

падахъ объѣздки изъ сосѣднихъ экономій и торжествующую праздничную тишину ранняго утра нарушаютъ грубыми выкриками: „Эй, вали въ экономію,—сегодня полтинникъ и могоарычъ“ (въ будніе дни поденщику, главнымъ образомъ дѣвушкамъ, въ данной мѣстности платятъ 35—40 к.). Получасовой звонъ колокола почти никого, за исключеніемъ пяти—десяти стариковъ и старухъ, не собралъ въ храмъ на молитву, а выкрики объѣзджиковъ собрали огромную разноцвѣтную толпу у околицы. И совершаешь торжественную службу Вознесемуся Господу въ подавленномъ настроеніи, а на встрѣчу колокольному звону съ полемъ экономіи кощунственно несетя разухабистая пѣсня, визги и крики молодежи. Я уже не говорю о воскресныхъ дняхъ,—ихъ давно уже выключили изъ нерабочихъ дней!... Такимъ образомъ, съ 1 марта и по 15—20 ноября православное населеніе Сумского уѣзда не знаетъ праздниковъ: ибо чѣмъ больше праздникъ, тѣмъ большія преміи экономіи платятъ за нарушеніе его, хотя эти преміи поражаютъ своею незначительностью—10, 15, 20 коп. на человѣка, да могоарычъ.

Правда, хозяйственныя условія жизни Сумского уѣзда исключительны,—(сѣйба яровыхъ, бураковъ, возка навоза, шаровка бураковъ, орайка подъ гречиху, сѣвъ гречихи, подыманіе толоки, прорывка бурака, повѣрка его же, сѣнокось, уборка хлѣба, подготовка земли къ посѣву озимыхъ, молотьба, копка и возка бураковъ и пр.),—требуютъ отъ сельскаго хозяина большого напряженія дѣятельности, но на самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, нѣсколькихъ дней въ году, праздничные и воскресные дни не помѣшали бы своевременной сельской работѣ, что, конечно, сознаютъ и помѣщики и крестьяне (не всѣ же работаютъ по праздникамъ!), но существуетъ извѣстная система: хозяинъ платитъ преміи своему управляющему за усиленную работу, а управляющій съ своей стороны поступаетъ подобнымъ же образомъ по отношенію къ окрестному населенію. Какъ я уже упомянулъ, всѣ эти преміи за нарушеніе праздничнаго отдыха при своей мизерности не отягощаютъ особенно сильно бюджета экономіи, а въ дѣйствительности приносятъ хозяину часто значительныя выгоды. Въ описываемой мѣстности имѣется налицо доказательство того, что праздничные и воскресные дни не могутъ помѣшать своевременной сельско-хозяйственной

работѣ: въ приходѣ живетъ нѣсколько богатыхъ крестьянъ землевладѣльцевъ, людей весьма религіозныхъ, которые не работаютъ не только въ воскресные и праздничные дни, но даже въ сравнительно небольшіе праздники, и никогда не жалуются на то, что праздники мѣшаютъ своевременной сельско-хозяйственной работѣ. По примѣру экономій, по инерціи, крестьяне и въ своей жизни и дѣятельности начинаютъ не различать дней и отдыхаютъ тогда, когда дѣлать нечего. Да и въ самомъ дѣлѣ, если пану все можно, у него и урожаи прекрасные, то почему же крестьянину не слѣдовать панскому примѣру?! И въ Сумскомъ уѣздѣ (да въ Сумскомъ ли только!) крестьяне въ праздничные и воскресные дни совершаютъ свои самыя несрочныя работы, напримѣръ: не стѣсняются въ праздники во время богослуженія мимо храма возить навозъ въ поле, а во время молотбы или уборки хлѣба не щадятъ даже такихъ дней, какъ день—Петра и Павла, Преображенія Господня, Успенія Божіей Матери. Научаемые экономіями не соблюдать праздничныхъ и воскресныхъ дней, крестьяне описываемой мѣстности совершенно отвыкли отъ храма и лишены благотворнаго вліянія величественныхъ церковныхъ службъ. Работая въ экономіяхъ у православныхъ пановъ, крестьяне съ дѣтства отвыкаютъ отъ православнаго уклада жизни и мало по малу теряютъ почти совершенно обликъ православныхъ людей, являя собою своеобразный типъ индифферента.

Извѣстно, что обрядовая сторона всякой религіи является какъ бы крѣпкою скорлупою, въ которой хранится внутреннее содержаніе ея, а потому съ разбитіемъ скорлупы, т. е. внѣшней обрядовой стороны религіи, распадается и внутренняя сущность ея, и укладъ жизни человѣка, у котораго произошелъ подобный религіозный регрессъ, коверкается пороками и распутствомъ. Подобная эволюція и произошла съ населеніемъ описываемой мѣстности. Отвыкнувъ отъ храма, церковныхъ службъ, постовъ и т. д., крестьянство, такимъ образомъ, мало-по-малу потеряло внѣшній обликъ православныхъ людей, а во внутренней жизни его расцвѣли многочисленные пороки: развратъ, пьянство, мстительность до поножевщины и поджоговъ, непочтительность къ родителямъ, старшимъ, нарушение обѣщаній, несоблюденіе договоровъ, клятвопреступленіе и пр. и пр. Среди подобнаго

религіозно-нравственнаго развращенія большинства православнаго населенія, нѣкоторыя крестьянскія души просыпаются и ждуть выхода изъ заколдованнаго круга и по своей умственной близорукости часто впадаютъ въ сектантство. Да и въ самомъ дѣлѣ, чтобы подняться надъ окружающею средою, надо рѣшительно порвать съ нею, и крестьянинъ, у котораго заболѣла душа, видя характерныя бытовыя явленія жизни православнаго большинства, исцѣленія религіозныхъ ранъ своей души почти всегда ищетъ въ сектантствѣ, гдѣ онъ находитъ крѣпкую внѣшнюю организацію и хотя видимое согласованіе между словомъ и дѣломъ (напр., сектанты въ воскресные дни не работаютъ). Такимъ образомъ, въ описываемой мѣстности, въ силу вышеизложеннаго, и развивается: съ одной стороны—самое дикое хулиганство, а съ другой—сектантство, какъ рационалистическое, такъ мистическое, да еще въ ореолѣ „спасителя“ отъ пороковъ и разврата жизни. Послѣднее обстоятельство явствуетъ изъ того, что почти всегда первыми адептами сектантства являются люди незавидной нравственности.

Тѣ же паны, которые выдаютъ преміи крестьянамъ за нарушеніе ими постановленій и заповѣдей своей вѣры и фактически развращаютъ крестьянъ, превозносятъ сектантовъ за ихъ честность, твердость и т. д. Не иронія ли?!

Живя и дѣйствуя среди подобныхъ жизненныхъ условій, мы, пастыри, скорбимъ о распущенности своей паствы, чувствуя въ своей совѣсти укоряющій голосъ Пастырначальника, но смущенные взываемъ: что же намъ дѣлать? какія употреблять средства пастырскаго воздѣйствія на свою паству? какъ найти путь къ сердцу своей паствы? Да, правда, мы знаемъ Апостольскій завѣтъ: „настой благоверменно и безвременно“, но передъ кѣмъ же мы будемъ настоять, если наши храмы пусты, если мы съ прихожанами, въ силу мѣстныхъ бытовыхъ условій, встрѣчаемся только при рѣдкихъ необходимыхъ требахъ, а то доброе, что успѣешь посвятить въ школѣ въ дѣтскихъ сердцахъ, быстро вывѣтривается средою!

При увѣщаніяхъ отпадающихъ въ сектантство постоянно приходится слышать одну и ту же причину, заставляющую ихъ порвать съ Православною Церковью: развращеніе православныхъ, несоотвѣтствіе между ученіемъ и жизнью право-

славныхъ, отчаяніе найти душевный миръ, оставаясь въ прежней средѣ, въ виду характерныхъ бытовыхъ явленій. Живя среди подобной религіозно-бытовой неразбирихи, мы, священники, воистинну, являемся „гласомъ вопіющаго въ пустынь“, но только, къ сожалѣнію, не облеченными „въ силу Іліи“. Конечно, слова-словами, но должно же быть въ православномъ государствѣ фактическое строгое, хотя выѣшнее, уваженіе къ уставамъ и предписаніямъ Православной Церкви, въ данномъ случаѣ—должно же быть строгое наблюденіе святости воскресныхъ и праздничныхъ дней, охраняемое гражданскими законами, какъ это существуетъ даже въ гниломъ Западѣ, особенно въ протестантскихъ странахъ. Люди, знакомые съ жизнью современной деревни, знаютъ: можетъ ли препобѣдить пастырское слово экономическія преміи! Вѣдь православное духовенство въ общей своей массѣ всегда вело борьбу противъ пьянства, но пьянство неизмѣнно страшно росло, а одно царское мановеніе (полиція закрыла тайные шинки) и пьянство, по показанію самихъ крестьянъ, сильно сократилось,—по крайней мѣрѣ, не видишь ежедневно у мелочныхъ лавокъ пьяницъ, своимъ видомъ и словами развращающихъ малолѣтокъ. Кстати сказать, царскій манифестъ о сокращеніи пьянства, на сколько намъ пришлось наблюдать, повсемѣстно почти встрѣченъ крестьянствомъ съ радостнымъ, благодарнымъ чувствомъ,—чѣмъ и объясняются всюду составляемые крестьянами приговоры о закрытіи казенныхъ винныхъ лавокъ. Говорятъ, что въ Россіи черезчуръ много праздничныхъ дней, въ Государственной Думѣ и Совѣтѣ по этому поводу раздавались довольно страстные дебаты, Святѣйшій Синодъ обратился съ посланіемъ къ чадамъ Православной Церкви, въ которомъ разъяснилъ, чтобы, въ видахъ сокращенія пьянства, духовенство не запрещало населенію въ праздники—такъ сказать—второго разряда, но фактически населеніе всетаки не знаетъ праздничнаго отдыха, за исключеніемъ 10—15 дней въ году, упадающихъ исключительно на зимніе мѣсяцы года. По нашему крайнему мнѣнію, лучше было бы точно опредѣлить количество праздничныхъ, кромѣ воскресныхъ, дней, но гарантирующихъ населенію дѣйствительный отдыхъ и охраняемыхъ закономъ отъ посягателей на него. Быть можетъ, тогда крестьянинъ хотя отъ скуки

пойдетъ въ храмъ, на чтеніе и что нибудь вынесетъ для своей пользы.

Пора, пора же властно заявить, что день Господень святъ и ни за какія преміи ради земной суеты не долженъ быть нарушаемъ, дабы православное населеніе могло исполнять великую заповѣдь Господа Бога!

Свящ. Іаковъ Приходинъ.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія Богослуженія.

11 апрѣля Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній совершилъ всенощное бдѣніе въ кафедральномъ соборѣ, а 12 апрѣля, въ воскресенье, Божественную литургію на греческомъ языкѣ въ Іоанно-Богословской церкви при Харьк. Духовной Семинаріи. А Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ въ этотъ день совершилъ Богослуженіе въ городѣ Сумахъ.

15 апрѣля, въ день преполовенія Пятидесятницы, Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ совершилъ Божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ.

18 апрѣля Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ совершилъ всенощное бдѣніе въ кафедральномъ соборѣ, а 19 апрѣля въ воскресенье, Божественную литургію въ Харьк. Покровскомъ монастырѣ.

21 апрѣля всенощное бдѣніе и 22 апрѣля Божественную литургію Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ совершилъ въ Покровскомъ монастырѣ, изъ котораго затѣмъ послѣдовало торжественное перенесеніе чудотворной Озерянской иконы Божіей Матери въ Куряжскій монастырь, при участіи возвратившагося изъ Петрограда Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Антонія.

23 апрѣля, въ день Тезоименитства Государыни Императрицы, Божественную литургію съ молебствіемъ совершили: Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній въ кафедральномъ соборѣ, а Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ въ Куряжскомъ монастырѣ.

25 апрѣля всенощное бдѣніе и 26 апрѣля, въ воскресенье, Божественную литургію совершили: Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Антоній въ кафедральномъ соборѣ, а Преосвященнѣйшій Епископъ Θεодоръ въ Куряжскомъ монастырѣ.

28 апрѣля, въ годовщину смерти Высокопреосвященнаго Архієпископа Арсенія, Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Теодоромъ въ Покровскомъ монастырѣ была совершена Божественная литургія, а послѣ нея Высокопреосвященнѣйшимъ Архієпископомъ Антоніемъ и Преосвященнѣйшимъ Епископомъ Теодоромъ была совершена панихида на могилѣ почившаго.

29 апрѣля, наканунѣ праздника Вознесенія Господня, Высокопреосвященнѣйшій Архієпископъ Антоній всенощное бдѣніе совершилъ въ кафедральномъ соборѣ, а Божественную литургію въ день праздника, 30 апрѣля, въ Харьк. Вознесенской церкви. Въ тотъ же праздникъ Преосвященнѣйшій Епископъ Теодоръ совершилъ Богослуженіе въ Хорошевскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ.

2 мая всенощное бдѣніе Высокопреосвященнѣйшій Архієпископъ Антоній совершилъ въ Покровскомъ монастырѣ, а Божественную литургію 3 мая, въ воскресенье, въ церкви Харьк. Епархіальнаго женскаго Училища. А Преосвященнѣйшій Епископъ Теодоръ всенощное бдѣніе и Божественную литургію совершилъ въ кафедральномъ соборѣ.

· Ключарь кафедр. собора, Протоіерей *Л. Твердохлбовъ*.

Рѣдкое торжество въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

23 апрѣля въ Харьк. Епарх. женскомъ училищѣ происходило рѣдкое торжество—врученіе начальницѣ училища Евгеніи Николаевнѣ Гейцыгъ Высочайше пожалованнаго ей Государемъ Императоромъ портрета съ собственноручнымъ начертаніемъ на немъ имени Его Величества. Въ половинѣ второго часа дня въ училище прибылъ изъ кафедральнаго собора, по окончаніи въ немъ богослуженія по случаю высокоторжественнаго дня, Высокопреосвященный Архієпископъ Антоній вмѣстѣ съ г. Губернаторомъ, шталмейстеромъ Двора Его Величества М. К. Катериничъ; къ этому времени въ училищной столовой (залъ занятъ подъ спальни по случаю помѣщенія въ училищномъ зданіи военнаго госпиталя) собрались воспитанницы училища съ своими воспитательницами, преподаватели и преподавательницы училища, Совѣтъ училища во главѣ съ предѣдателемъ прот. о. І. Знаменскимъ, почетная попечительница училища жена тайнаго совѣтника Д. Д. Оболенская, городское духовенство во главѣ съ о. ректоромъ семинаріи прот. А. М. Юшковымъ, благочинными прот. о. Вл. Александровымъ, свящ. о. П. Вишняковымъ и прот. о. І. Дмитриевымъ. При входѣ въ столовую Высокопреосвященнаго и г. Гу-

бернатора, воспитанницы училища пропѣли пасхальный тропарь, а потомъ Его Высокопреосвященство обратился къ собравшимся съ слѣдующими словами: Я получилъ отъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода В. К. Сайлера письмо слѣдующаго содержания: Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему моему, въ 12 день минувшаго марта, въ Царскомъ селѣ, докладу, Всемилостивѣйше соизволилъ на пожалованіе начальницѣ Харьковскаго епархіальнаго училища Евгеніи Гейцыгъ. во вниманіе къ ея отлично усердной службѣ и особымъ трудамъ по устроенію сиротъ галичанъ, портретъ Его Императорскаго Величества съ собственнымъ начертаніемъ на ономъ Высочайшаго Имени. Препроводя при семъ означенный портретъ Его Императорскаго Величества для выдачи по принадлежности, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство не отказать въ увѣдомленіи о полученіи онаго. Испрашивая Вашихъ святительскихъ молитвъ и пр... Портретъ этотъ, сказала Владыка, вручить Евгеніи Николаевнѣ г. Губернаторъ, представитель Государя Императора. Г. Губернаторъ, принявъ портретъ отъ Его Высокопреосвященства, обратился къ Е. Н. съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: «я очень радъ, что имѣю возможность вручить вамъ эту рѣдкую высочайшую награду; искренно желаю вамъ много еще лѣтъ трудиться съ такимъ же усердіемъ, съ какимъ вы такъ долго трудились въ этомъ училищѣ на пользу духовнаго просвѣщенія и воспитанія ввѣренныхъ вамъ воспитанницъ»; при этомъ г. Губернаторъ вручилъ Евгеніи Николаевнѣ портретъ. Воспитанницы пропѣли передъ портретомъ Государя, который держала Евгенія Николаевна, народный гимнъ: «Боже, Царя храни!» Евгенія Николаевна взволнованнымъ голосомъ обратилась къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующими словами: «Ваше Высокопреосвященство, милостивый архипастырь и отецъ! Иѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ день празднованія 25-ти лѣтія моей службы въ этомъ родномъ мнѣ училищѣ, я вспоминала счастливые, незабвенные дни въ моей жизни. Все прошлое казалось мнѣ такимъ хорошимъ, полнымъ, удовлетворявшимъ мою долгую казенную жизнь, и въ будущемъ я ничего себѣ не желала. Могла ли я ожидать, что судьба пошлетъ мнѣ еще одинъ день невѣроятнаго, недостижимаго счастья: удостоиться получить личную Царскую милость! Его Величеству Государю Императору благоугодно было выслушать докладъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода о моей дѣятельности; Государь изволилъ оцѣнить мою скромную дѣятельность, мой долголѣтній трудъ *«тяжелый и неблагодарный»* и сдѣлать его, по предсказанію Его Августѣйшаго Родителя, *«легкимъ и приятнымъ»*, какъ бы запечатлѣвъ это предсказаніе

Своею собственноручною подписью. Данное мнѣ великое счастье сегодня было всецѣло въ вашихъ рукахъ, Высокопреосвященнѣйшій Владыка. Царская награда есть знакъ Вашего милостиваго вниманія ко мнѣ. Но съумѣю ли я доказать Вашему Высокопреосвященству мою глубокую сердечную благодарность! Съумѣю ли я своимъ трудомъ и усердіемъ облегчить Ваши архипастырскія заботы объ училищѣ и въ частности о дѣтяхъ—галичанахъ, которыхъ Вы изволили вручить моему попеченію! Усердно работать подъ мудрымъ Вашимъ руководствомъ—мой долгъ, моя привычка; но потрудиться ради Васъ и для Васъ будетъ моей отрадой! Я усердно молюсь, чтобы Господь сохранилъ Ваше здоровье, продлилъ Вашу жизнь на-долго-долго на благо православной церкви, на пользу дорогому и родному мнѣ нашему училищу, а мнѣ бы далъ возможность при Васъ закончить мою службу, уйти на покой напутствованной Вашимъ святительскимъ благословеніемъ. Многая лѣта нашему любвеобильному и милостивому архипастырю, Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Антонію». По окончаніи рѣчи всѣ воспитанницы пропѣли трижды многолѣтіе Архіепископу. Владыка предложилъ присутствовавшимъ пропѣть многолѣтіе почетному гостю г. Губернатору. По окончаніи пѣнія, преподаватель Дух. Семинаріи г. Дьяковъ, галичанинъ по происхожденію, обратился къ Евгеніи Николаевнѣ съ рѣчью, въ которой отъ лица родныхъ ему галичанъ благодарилъ Е. Н. за ея заботы о дѣтяхъ—галичанахъ, которыхъ она приютила въ училищѣ и которымъ она замѣнила родную ихъ мать; при чемъ высказалъ искреннюю радость, что Государь Императоръ оцѣнилъ эти заботы высочайшимъ пожалованіемъ Своего портрета. Въ заключеніе торжества предѣдатель Совѣта училища прот. о. І. П. Знаменскій обратился къ Архіепископу съ рѣчью, въ которой отъ лица всѣхъ служащихъ благодарилъ Высокопреосвященнаго Владыку за его вниманіе къ училищу и въ частности за вниманіе къ начальницѣ училища Евгеніи Николаевнѣ, которая съ рѣдкимъ усердіемъ и особою любовію служитъ въ этой должности 32 года и въ теченіе этого времени воспитала цѣлыя тысячи дѣвицъ въ духѣ христіанства и теперь воспитываетъ дочерей своихъ воспитанницъ и ихъ внучекъ, и слѣдовательно многимъ воспитанницамъ Евгеніи Николаевны уже приходится бабушкой и даже прабабушкой.. Воспитанницы еще разъ пропѣли своей начальницѣ матери—бабушкѣ многая лѣта. Торжество закончилось пѣніемъ: „Свѣтися, свѣтися..!“; г. Губернаторъ простился со всѣми и уѣхалъ изъ училища, а Архіепископъ и всѣ присутствовавшіе на торжествѣ посѣтили квартиру

начальницы. Шествіе, во главѣ Архіепископа и Евгеніи Николаевны, несшей Царскій портретъ, окруженныхъ преподавателями, духовенствомъ и воспитанницами, представляло очень торжественный видъ. Въ квартирѣ начальницы всѣмъ гостямъ предложенъ былъ счастливой хозяйкой чай.

Пожалованный царскій портретъ величиною 30×24 сант. въ очень изящной рамѣ (42×35 сант.) съ золотою вверху царской короной; подъ портретомъ Собственноручно начертано Его Величествомъ: «Николай. 1915 года».

На письмѣ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода о пожалованіи Высочайшаго портрета Его Высокопреосвященство положилъ слѣдующую резолюцію: «Съ великою радостію переживаю награжденіе достойнѣйшей работницы духовнаго просвѣщенія. Портретъ Государя Императора врученъ начальницѣ г. Губернаторомъ въ присутствіи духовенства, учащихся и учащихъ. 23-го апрѣля 1915 года».

Л—скій.

Посѣщенія Харьковской Семинаріи Высокопреосвященнѣйшимъ Архіепископомъ Антоніемъ.

29-го Апрѣля Его Высокопреосвященство посѣтилъ Харьковскую Семинарію и присутствовалъ на экзаменѣ въ 6-мъ кл. по предметамъ — исторіи и обличенія сектантства и обличительнаго Богословія. По обычаю своему, Владыка прослушалъ отвѣты почти всѣхъ воспитанниковъ, живо интересуясь ихъ познаніями, и отбылъ изъ Семинаріи во 2-мъ ч. дня.

2-го Мая Владыка вновь посѣтилъ Семинарію и торжественно совершилъ благодарственное Господу Богу молебствіе по случаю выпуска окончившихъ курсъ Семинаріи воспитанниковъ.

Владыка прибылъ въ Семинарію въ 1 ч. дня и проелѣдовалъ въ храмъ, гдѣ были собраны вся корпорація и окончившіе курсъ воспитанники.

Молебствіе Владыка совершалъ въ сослуженіи всего семинарскаго духовенства и членовъ семинарскаго Правленія отъ духовенства— о.о. пр. В. Александрова и П. Вишнякова, при участіи протодіакона В. Д. Вербицкаго.

Послѣ молебствія Владыка обратился къ окончившимъ курсъ воспитанникамъ съ словомъ наставленія.

Переживаемый моментъ, указывалъ Владыка, весьма важный въ жизни каждаго человѣка, превращающагося съ этихъ поръ изъ ученика въ самостоятельную личность, особенно важенъ въ жизни питомцевъ

духовной школы, такъ какъ большинство изъ нихъ поступаютъ съ этихъ поръ на отвѣтственное поприще пастырскаго служенія.

Обычно приступающіе къ пастырству по своему настроенію раздѣляются на два разряда, продолжалъ Владыка. Одни смотрятъ слишкомъ увѣренно на будущее, считая предстоящее дѣло не столь труднымъ, а себя достаточно подготовленными къ нему; другіе, наоборотъ, слишкомъ умаляютъ свои силы и взираютъ на предлагающій путь со страхомъ и смущеніемъ, говоря, что у нихъ нѣтъ ни подготовки, ни достаточныхъ данныхъ для успѣшнаго прохожденія его.

И тѣ, и другіе неправы: первые забываютъ высоту пастырскаго служенія и необъятность дѣла; вторые не замѣчаютъ въ себѣ многихъ добрыхъ качествъ и средствъ, облегчающихъ пастырское служеніе и являющихся залогомъ успѣха.

Въ дальнѣйшемъ Владыка остановился на раскрытіи тѣхъ положительныхъ задатковъ, которые свойственны питомцамъ духовной школы.

Сюда относятся: большая ихъ, по сравненію съ питомцами другихъ школъ, религіозность, простота душевная и любовь къ прѣстолу народу, наследованная отъ отцовъ и дѣдовъ.

Эти цѣнныя качества вмѣстѣ съ научной подготовкой даютъ возможность каждому питомцу духовной школы стать добрымъ пастыремъ и должны вселить въ души колеблющихся увѣренность въ успѣшности прохожденія пастырскаго поприща.

Однако необходимо помнить, что всякіе сѣмена и задатки даютъ добрые всходы лишь въ томъ случаѣ, если за ними заботливо ухаживаютъ, укрѣпляютъ, возвращаютъ.

Поэтому долгъ cadaго питомца—не подражать рабу лукавому, не зарывать данныхъ отъ Бога талантовъ, а развивать, приумножать, совершенствоваться.

Въ трудномъ дѣлѣ созиданія въ себѣ истинно—пастырскаго духа, какъ на могучее воспитательное средство, Владыка указывалъ питомцамъ на молитву, причемъ, помимо обычнаго пониманія значенія молитвы, ссылаясь еще на мало извѣстное, высказываемое въ Псалтири Слѣдованной.

Истинная молитва, по проводимой въ Псалтири Слѣдованной мысли, есть не только бесѣда души съ Богомъ, просвѣщающая разумъ и укрѣпляющая въ добрѣ волю, но имѣетъ особое, таинственное значеніе: она дѣлаетъ человѣка сопричастникомъ самаго существа Божія, истиннымъ Богоносцемъ. Истинный молитвенникъ приобрѣтаетъ исключительное вліяніе на окружающихъ, влечетъ къ себѣ души другихъ.

Отсюда и смиренный пастырь молитвенникъ всегда будетъ имѣть надъ пасомыми такое вліяніе и власть, какихъ не могутъ сообщить ни ученость, ни таланты.

Примѣръ Іоанна Кронштадтскаго является тому лучшимъ доказательствомъ.

Владыка и закончилъ свое слово призывомъ подражать этому великому пастырю.

Преподанныя Владыкой наставленія, носившія истинно отеческій характеръ, проникнутыя задушевностью и теплотой, были выслушаны собравшимися съ искреннимъ чувствомъ умиленія.

Годичный актъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ Училищѣ.

3-го сего мая, въ воскресенье, въ Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ состоялся годичный актъ и отпускъ воспитанницъ, окончившихъ курсъ ученія. Наканунѣ въ 6 час. вечера о. инспекторомъ классовъ было совершено всенощное бдѣніе, а 3-го мая, въ недѣлю Св. Отецъ 1-го Вселенскаго Собора въ Нивевъ, Божественную литургію въ училищномъ храмѣ совершилъ Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Антоній, Архіепископъ Харьковскій, въ сослуженіи о. предсѣдателя Совѣта училища, прот. І. Знаменскаго, о. ключаря кафедральнаго собора, прот. Л. Твердохлѣбова, о. инспектора классовъ училища прот. І. Котова и о. законоучителя прот. Н. Любарскаго. Всѣ пѣснопѣнія Божественной литургіи стройно и умирительно исполнили воспитанницы выпускныхъ классовъ подъ управленіемъ преподавателя пѣнія свящ. І. Петровскаго. За литургіей Владыкой былъ рукоположенъ одинъ ставленникъ въ санъ діакона. Въ концѣ литургіи по заамвонной молитвѣ Его Высокопреосвященство обратился къ выпускнымъ воспитанницамъ съ словомъ:

«Сегодняшній день, говорилъ Владыка, для васъ, любезныя дѣти, день прощанія,—и все содержаніе Богослуженія поддерживаетъ и углубляетъ то прощальное настроеніе, которымъ вы проникнуты въ настоящее время. Евангеліе, какъ вы слышали, повѣствуетъ о прощальной бесѣдѣ Господа съ учениками предъ Его вознесеніемъ на небо, изъ Апостольскихъ дѣяній читается о прощаніи апостола Павла съ Ефесскими пастырями. Всѣ окружающія васъ добрыя любящія лица, провожая васъ, высказываютъ вамъ свои пожеланія счастливой спокойной жизни, благополучія, часто богатства. Сейчасъ въ вашемъ сердцѣ, конечно, самыя благородныя, самыя хорошія, самыя добрыя чувства, въ вашемъ

умѣ самые яркіе планы, много добрыхъ замысловъ, надеждъ и ожиданій. Вы спѣшите въ жизнь, какъ на прекрасный праздникъ, гдѣ-бы вы могли показать себя, развернуть свои силы, блеснуть своими дарованіями. Но не смотрите такъ на жизнь. Не все, далеко не все въ ней такъ прекрасно, какъ вамъ кажется на первый взглядъ. Взгляните хотя-бы на тѣхъ, которые получили ужасное названіе «отребья рода человѣческаго», взгляните на массу преступниковъ, которые наполняютъ наши тюрьмы, которые грабятъ церкви, готовятъ фальшивую монету, совершаютъ также другія противозаконныя, противоправительственныя дѣла, взгляните на потерявшихъ образъ человѣческой падшихъ женщинъ, воровъ, убійцъ, аферистовъ—и вы ужаснетесь, увидѣвъ, какъ глубоко испорчены они, какъ мало въ нихъ осталось того, что въ человѣкѣ составляетъ подобіе Божества. Каковъ-же будетъ вашъ ужасъ тогда, когда вы вспомните, что эти жалкіе, несчастные и порочные люди были такъ же молоды, такъ же въ нихъ созрѣвали благородные замыслы, такъ же стремились они къ истинѣ, счастью, добру, красотѣ, такъ же любили другъ друга и своихъ наставниковъ?! Каковъ будетъ вашъ ужасъ, когда вы подумаете, что и вы, молодая, чистая, добрая дѣвушка, можете превратиться въ такихъ-же жалкихъ, несчастныхъ людей, можете производить такое-же отталкивающее впечатлѣніе. Значитъ, жизнь не только прекрасна, не только открываетъ она широкое поле для развитія лучшихъ сторонъ человѣческаго существа. Есть въ ней и такія условія, которыя далеко не развиваютъ человѣка, не направляютъ его къ добру, а, наоборотъ, обнаруживаютъ и развиваютъ такія черты его характера, о существованіи которыхъ въ юности, быть можетъ, и не подозрѣвалъ онъ. На ряду съ несчастными, попавшими въ дѣйствительно ужасныя условія, мы видимъ и людей, пользующихся положеніемъ въ обществѣ, той или иной обезпеченностью, имѣющихъ широкій кругъ знакомыхъ, возможность развивать свои духовныя и умственныя силы—и все-же глубоко и низко павшихъ въ нравственномъ отношеніи. Эта-то испорченность еще болѣе убѣждаетъ насъ въ томъ, что въ жизни мало поистинѣ красиваго и, съ другой стороны, что внѣшняя сила, богатство, мудрость—все это не спасаетъ насъ отъ нравственнаго паденія. Здѣсь нужно другое—нужна великая нравственная сила, на ряду съ необыкновенной нравственной чуткостью, нужна твердость въ проведеніи въ жизни своихъ нравственныхъ принциповъ, а эта твердость возможна только лишь тогда, когда существуетъ въ насъ надежда на помощь Господа, являющаяся слѣдствіемъ искренней, глубокой и сердечной любви къ Богу и вѣры въ Него. Итакъ, выходя изъ училища, вступая въ жизнь, старайтесь быть

сильными не только съ внѣшней стороны: будьте сильны своей внутренней нравственной силой. Она, эта великая сила, и откроетъ вамъ возможность самаго полнаго, самаго широкаго счастья на землѣ, счастья, приобретаемаго путемъ страданія. Всѣ люди страдаютъ, но не всѣ умѣютъ переносить страданія и потому не для всѣхъ равно возможно искупленіе путемъ страданія. Иногда человекъ только въ силу тѣхъ или иныхъ условій необходимо долженъ страдать—и эти страданія вызываютъ въ немъ только озлобленіе, такое страданіе не ведетъ ко спасенію. Счастье, радость, неизмѣримое блаженство соединяются со страданіемъ, если оно вызываетъ у человека только восхваленіе Бога и Его Божественной премудрости. Для женщины особенно широкъ этотъ путь ко спасенію. Женщина уже въ силу своей природы страдаетъ неизмѣримо больше мужчины. Уже тѣ муки, съ которыми сопряжено дѣторожденіе, вызываютъ ужасъ и содроганіе. Но тѣ же муки открываютъ женщинѣ возможность неизмѣримаго счастья, неисчерпаемаго наслажденія—возможность воспитанія дѣтей, любви къ нимъ. Если-бы самой бѣдной женщинѣ предложили огромную сумму денегъ взаменъ за ея единственнаго ребенка, повѣрьте, рѣдкая мать согласилась-бы на это. Вотъ образецъ, вотъ краснорѣчивый примѣръ истиннаго счастья, великаго счастья, посылаемаго Богомъ какъ-бы въ награду за страшныя мученія и указывающій, съ другой стороны, на ничтожность счастья, понимаемаго какъ внѣшнее благополучіе. Поэтому и вы, милыя дѣвочки, ищите счастья не въ богатствѣ, не въ роскоши или наслажденіяхъ, даже не въ умѣ, а въ вѣрѣ, открывающей красоту жизни даже тогда, когда эта послѣдняя—сплошное страданіе. Въ страданіи вѣдь и счастье. Избѣгайте увлеченія модными направленіями, Боже васъ сохрани отъ нигилизма, фравтовства, роскоши, отъ всего, что отравляетъ молодую душу, вноситъ въ нее начала разложенія, такъ губельно могущія сказаться послѣ. Ищите прежде всего вѣры, ею живите, въ любви къ ближнимъ, въ собственномъ страданіи умѣйте находить удовлетвореніе. Конечно, тутъ невольно приходитъ въ голову вопросъ. Вѣдь для того, чтобы достичь идеала въ этомъ отношеніи, нужно отказаться отъ всего личнаго, отъ всего того, что волнуетъ, невольно увлекаетъ живую молодую душу. Но это всецѣло зависитъ отъ самаго человека. Если онъ способенъ обдумать все здраво, онъ самъ пойметъ, что истинной радости нужно искать не въ увлеченіи той шумихой, которая оставляетъ въ душѣ только горькій осадокъ, которая не даетъ ничего, кромѣ разочарованія; истинныя, менѣ шумныя, но зато постоянныя радости открываетъ покойная семейная жизнь, воспитаніе дѣтей, любовь къ нимъ, умѣнье раздѣ-

лечь ихъ радости, понимать ихъ горе, жить ихъ интересами, вообще жить не для себя только, а, главнымъ образомъ, для блага и счастья другихъ. Въ этой области вамъ, будете-ли вы сами матерями, или же будете воспитывать чужихъ дѣтей, какъ учительницы, открывается широкое поле дѣятельности. Старайтесь—же въ этой дѣятельности проявить себя съ такой хорошей стороны, чтобы всё, видя и понимая васъ, узнавали въ васъ ученицъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища, какъ нѣкогда узнавали воспитанницъ Леонтьевой—Начальницы Смольнаго Института. Не разрывайте связи съ училищемъ, не забывайте своей доброй начальницы, любящихъ васъ воспитательницъ, будьте добры по отношенію ко всѣмъ окружающимъ, внимательны къ ихъ переживаніямъ, будьте счастливы счастьемъ и радостью близкихъ вамъ и любящихъ васъ лицъ—и это будетъ лучшей наградой для всѣхъ, трудившихся надъ вашимъ воспитаніемъ.

По окончаніи Божественной литургіи Его Высокопреосвященство вышелъ на солею храма и всѣ сослужащіе стали предъ нею, и о. протоіакономъ было провозглашено многолѣтіе Государю Императору, Царствующему Дому, Святѣйшему Синоду и члену онаго Высокопреосвященнѣйшему Антонію, начальствующимъ, учащимъ и учащимся. Послѣ сего вся корпорація училища, воспитательницы и воспитанницы, окончившія курсъ ученія, приложились ко кресту и были окроплены св. водою.

Въ 1 часъ дня въ одномъ изъ классовъ училища состоялся актъ, который почтилъ своимъ присутвіемъ Его Высокопреосвященство. Здѣсь—же были: о. Ректоръ Семинаріи, протоіерей А. М. Юшковъ, почетная попечительница училища Д. Д. Оболенская, предсѣдатель и члены училищнаго Совѣта, вся корпорація училища, о. ключарь каедральнаго собора, прот. Л. И. Твердохлѣбовъ, Епархіальный архитекторъ В. Покровскій, родители и родственники воспитанницъ, и всѣ выпускныя воспитанницы двухъ 6-хъ, 7-го и 8-го класса. На актъ, при входѣ Владыки воспитанницы пропѣли тропарь храма св. Варвары и тропарь Вознесенія, послѣ чего членомъ—дѣлопроизводителемъ Совѣта свящ. Н. И. Липскимъ былъ прочитанъ краткій отчетъ за минувшій 1914—1915-й учебный годъ.

Изъ отчета видно, что въ истекшемъ учебномъ году учебно-воспитательный персоналъ училища состоялъ изъ 23 преподавателей, 20 учительницъ, 19 старшихъ воспитательницъ и 17 младшихъ.

Послѣ пріемныхъ экзаменовъ къ 1 Сентября составъ учащихся опредѣлился въ 771 воспитанницу, составляя слѣдующіе классы: три отдѣленія I-го класса, три отдѣленія II-го класса, два отдѣленія III класса.

три отдѣленія IV' класса, три отдѣленія V' класса, два отдѣленія VI' класса, два отдѣленія VII педагогическаго класса 1-го года обученія и VIII педагогическій классъ 2-го года обученія, состоящій изъ двухъ отдѣленій—словесно-историческаго и физико-математическаго.

Въ теченіе года выбыло изъ училища по разнымъ причинамъ 6 воспитанницъ, но въ январѣ мѣсяцѣ было принято въ число воспитанницъ въ разные классы 11 дѣвочекъ—галичанокъ, такъ что къ концу учебнаго года оставалось 776 дѣвицъ.

По прочтеніи отчета и по окончаніи раздачи аттестатовъ, свидѣтельствъ и наградъ о. инспекторъ классовъ прот. І. Котовъ обратился къ Его Высокопреосвященству съ слѣдующими словами:

Высокопреосвященнѣйшій Владыка! За свое сравнительно непродолжительное пребываніе въ Харьковской епархіи Вы изволили неоднократно посѣщать училище, совершали въ немъ торжественно Богослуженія, назидали насъ своимъ словомъ и сегодня, въ знаменательный день жизни училища—выпуска воспитанницъ, Вы совершили въ училищной церкви Божественную лутургію и обратились къ выпускнымъ воспитанницамъ съ напутственнымъ словомъ. Позвольте, Владыко, отъ лица всей корпораціи поблагодарить Васъ за отеческое отношеніе къ училищу и прогнѣть Вашему Высокопреосвященству «многая лѣта». Воспитанницами училища было прогнѣто Высокопреосвященнѣйшему Антонію трижды «многая лѣта». Въ отвѣтъ на это Владыка сказалъ, что Харьковское Епархіальное училище онъ сравнительно мало знаетъ, такъ какъ по сложности дѣлъ не имѣетъ времени столь часто посѣщать его, какъ посѣщалъ Волынское училище въ Житомирѣ, но Харьковское Епархіальное училище ему давно извѣстно съ самой лучшей стороны. Владыка предложилъ прогнѣть «многая лѣта» о. предсѣдателю Совѣта училища, г-жѣ Начальницѣ, почетной попечительницѣ Д. Д. Оболенской, всѣмъ учащимъ и воспитывающимъ.

Всѣмъ означеннымъ лицамъ воспитанницы прогнѣли: «многая лѣта».

Послѣ сего хоромъ воспитанницъ и всѣми присутствовавшими былъ исполненъ гимнъ: «Боже, Царя храни»!

Актъ закончился благословеніемъ Владыки.

Инспекторъ классовъ, *Протоіерей Іоаннъ Котовъ.*

Присоединеніе къ православію магометанина.

Перваго Марта с. г. въ приходскомъ храмѣ сл. Рябушекъ совершено было таинство св. крещенія надъ обращеннымъ изъ магометанства татариномъ Абдуломъ Адамовымъ, жителемъ Дагестанской области, состоящимъ на излеченіи въ мѣстномъ госпиталѣ обще-земской организаціи.

По какому побужденію татаринъ Адамовъ пожелалъ обратиться въ православіе, видно изъ его словъ, сказанныхъ мѣстному священнику, когда онъ спросилъ его о мотивахъ его желанія принять православіе: „Находясь часто въ общеніи съ православными, говорилъ татаринъ, слыша отъ нихъ разговоры о ихъ вѣрѣ и уяснивъ изъ этихъ разговоровъ преимущество православія предъ магометанствомъ, я почувствовалъ желаніе принять эту вѣру, но долго не рѣшался, колебался и осуществленіе этого желанія откладывалъ со дня на день, изъ года въ годъ. Наконецъ, началась война; я, увлекшись добрыми примѣрами вѣрныхъ сыновъ отечества, принялъ въ ней участіе, поступивъ добровольцемъ. Вотъ тутъ, въ боевой обстановкѣ, гдѣ такъ дешево цѣнится жизнь человѣческая, предо мной всталъ вопросъ, что же есть такое, чѣмъ человѣкъ долженъ дорожить больше всего? Вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ на такой вопросъ я получилъ уже здѣсь, въ вашихъ, батюшка, душевныхъ религіозныхъ бесѣдахъ съ нами ранеными, а именно: ваши бесѣды ясно навели меня на сознаніе, что для человѣка дороже всего вѣчная жизнь и вѣчное спасеніе, а это можно обрѣсти только въ лонѣ церкви православной. Тутъ то и созрѣло у меня непреодолимое рѣшеніе сдѣлаться членомъ этой церкви,—принять вѣру православную“

И вотъ Адамовымъ было подано Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Антонію прошеніе о разрѣшеніи священнику наставить его въ вѣрѣ и совершить надъ нимъ таинство св. крещенія. Послѣ полученія Архипастырскаго разрѣшенія, когда истекъ 40 дневный срокъ оглашенія, рѣшено было таинство совершить 1 марта.

Какъ необычное событіе въ жизни сельскаго прихода, оно было торжественно обставлено. Воспріемниками были: членъ Л. З. Управы В. Н. Щекинъ-Кротовъ и жена помѣщика Л. Д. Ковалевская. На торжествѣ присутствовало много народа изъ прихожанъ, присутствовали весь медицинскій персоналъ госпиталя и почти вся мѣстная интеллигенція. Всѣ раненые и больные госпиталя, кому только возможно было, почли своей обязанностью, какъ они говорили, быть при крещеніи своего товарища.

Послѣ св. крещенія священникъ обратился къ воспріемникамъ съ привѣтствіемъ, а затѣмъ сказалъ сердечное слово сажому ново-просвѣщенному. Торжество, видимо, произвело большое впечатлѣніе на мѣстныхъ прихожанъ изъ крестьянъ; выходя изъ храма и съ благоговѣніемъ осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, они говорили: «бачъ, татары переходять у нашу виру, значитъ наша вира сама лучша, а у насъ булы такі., що отбазувалысь отъ виры».

Священникъ Александръ Поповъ.

ИНОЕПАРХІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЬ.

Наши епископы на войнѣ.

Еп. Трифонъ.

Еп. Дмитровскій, викарій Московскій, Трифонъ отправился на галиційскій фронтъ въ качествѣ простаго полковаго священника и исполнялъ одновременно обязанности благочиннаго дивизіи. Фактъ служенія епископа въ качествѣ простаго священника, къ тому же официально именующагося «исполняющимъ обязанности священника», почти исключителенъ въ жизни нашего духовенства.

Въ простой поддевкѣ, съ простымъ крестомъ, безъ всякихъ вышнихъ отличій архіерейскаго сана совершалъ епископъ Трифонъ трудный походъ со своимъ полкомъ. Его сопровождала походная церковь, принесенная въ даръ при отъѣздѣ изъ Москвы епископу Трифону Великой Княгиней Елисаветой Теодоровной. Служеніе епископа происходило все время почти на передовыхъ позиціяхъ, въ обстановкѣ ожесточенныхъ боевъ, и не разъ жизнь архипастыря подвергалась смертельной опасности. Приходилось подъ градомъ пуль и подъ визгъ шрапнели служить на поляхъ битвъ молебствія: съ крестомъ въ рукахъ, въ разгаръ сраженія, епископъ Трифонъ вносилъ духъ бодрости въ войска, со словомъ утѣшенія обходилъ раненыхъ и умирающихъ.

Однажды въ закрытое помѣщеніе, въ которомъ служилъ епископъ Трифонъ, попала граната, которая разрушила половину помѣщенія. Къ счастью, епископъ и все окружающіе его остались невредимыми. Епископа обдало только осколками и комьями земли. Вся эта многотрудная, полная опасности и тревогъ, въ суровые морозы,

бури и вьюги протекавшая боевая дѣятельность сильно отразилась на здоровьѣ архипастыря, у котораго распались нервы. Сильно простуженный, онъ прибылъ въ Москву. Еп. Трифонъ удостоенъ необычайной награды, получивъ архіерейскую панагію на Георгіевской лентѣ.

По выздоровленіи епископъ Трифонъ предполагаетъ снова вернуться къ своему полку, съ которымъ его крѣпко связала военная жизнь, полная подвиговъ и самоотверженности. Какъ извѣстно, епископъ Трифонъ, въ міру князь Туркестановъ, происходитъ изъ военной среды.

Еп. Холмскій Анастасій.

Когда городъ Холмъ въ началѣ войны подвергся сильной опасности, военные власти предложили епископу Анастасію покинуть городъ, но преосвященный отказался уѣхать, заявивъ: «Я буду со своею паствой и послѣднимъ оставлю городъ». Затѣмъ въ разгаръ ожесточенныхъ боевъ въ этомъ районѣ былъ моментъ, когда епископъ Анастасій въ Холмѣ оставался одинъ и имѣлъ даже гражданскія полномочія.

Много рассказываютъ о неутомимой и самоотверженной дѣятельности епископа Анастасія на пользу мѣстнаго населенія, страдающаго отъ войны. Епископъ отдалъ архіерейскій домъ подъ лазаретъ, кормитъ и устраиваетъ пріюты для нуждающихся. Даже свою карету епископъ отдалъ для перевозки раненныхъ и больныхъ.

Епископъ Анастасій часто выѣзжаетъ на позиціи на простой походной повозкѣ. Онъ служитъ здѣсь молебствія и панихиды, благословляетъ отправляющихся въ сраженія. Епископъ часто подвергается при своихъ выѣздахъ на передовыя позиціи опасности. Недавно онъ попалъ подъ обстрѣлъ и была разбита въ щепы его повозка. Епископъ, къ счастью, не пострадалъ.

Эта высокая дѣятельность епископа Анастасія обратила на себя вниманіе высокихъ сферъ. Прошлой осенью онъ былъ награжденъ орденомъ Владиміра 2-й степени. Теперь же епископъ Анастасій представленъ къ новой наградѣ за свои боевыя заслуги—къ ордену Св. Александра Невского съ мечами.

Архіепископъ Михаилъ.

Въ Св. Синодѣ получено сообщеніе военачальствующихъ лицъ о самоотверженномъ исполненіи архипастырскаго долга подъ неприятельскими выстрѣлами архіепископомъ Гродненскимъ Михаиломъ. Въ

началъ февраля непріятельскія войска вошли въ предѣлы Гродненской епархіи, причеъ заняли Красноставскій монастырь. Гродненская духовная консисторія была переведена въ Слонимъ, но оставшіяся въ Гроднѣ арх. Михаилъ ежедневно совершалъ богослуженіе въ мѣстномъ соборѣ, а 14-го февраля, въ самый разгаръ артиллерійскаго боя, прибылъ въ сѣверо-восточное укрѣпленіе и здѣсь подъ выстрѣлами непріятели совершилъ торжественное богослуженіе и затѣмъ обошелъ всѣ укрѣпленія, окропляя ихъ, войска и орудія св. водой и благословляя чудотворной иконой Коложской Божіей Матери. Послѣ этого архіепископъ обратился къ защитникамъ крѣпости съ пламенной, воодушевляющей рѣчью. Вскорѣ непріятель подъ натискомъ нашихъ войскъ отступилъ отъ Гродны. По свидѣтельству вышшаго команднаго состава, богослуженіе и пламенная рѣчь архіепископа Михаила значительно способствовали укрѣпленію духа славныхъ защитниковъ Гродны и успокоенію многихъ жителей. Арх. Михаилъ представленъ къ наградѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Гордись, мать!

Вчера я видѣлъ плачущихъ матерей...

Не дай Богъ еще пережить такихъ впечатлѣній.

Что можно было сказать несчастнымъ, у которыхъ жребій войны отнялъ весь смыслъ, всю необходимость жизни? Открылись неизяемые источники горя, неутолимаго ничтвмъ. Война кончится, — мы всѣ будемъ опять благополучны, спокойны. Намъ ждуть вдохновляющія легенды великихъ побѣдъ, воспоминанія объ оставленныхъ позади небывалыхъ подвигахъ, когда весь народъ, великодушный, самоотверженный, отважный, шелъ на бой, какъ къ причастію, неся на Голгову свои знамена, какъ Христосъ Свой крестъ, чтобы мукой и смертью дать радость торжества ближнимъ. Намъ за этой мрачной ночью невѣроятныхъ битвъ, гдѣ миллионы палачей схватываются съ миллионами ратниковъ свободы и независимости, открываются свѣтоносныя дали мирнаго труда, завоеваній ума и сердца. Уцѣлѣвшіе въ этой стихійной борьбѣ рыцари духа вернутся къ намъ живою сказкой нашей доблести и силы... Но мать, мать, бѣдная мать! Ты выносила и подняла здоровую и сильную жатву прекрас-

ныхъ дѣтей цѣною незамѣтныхъ будничныхъ лишеній и страданій, отъ которыхъ поблекло твое лицо, ввалилась вскормившая ихъ грудь, потускнѣли когда-то яркія очи. Ты жила ихъ смѣхомъ, радовалась ихъ улыбкой,—и, бодрые, смѣлые, сильные, ушли они отъ тебя, чтобы лечь у великихъ алтарей грядущаго счастья первыми искупительными жертвами за свой чудный народъ, за свою святую родину, за тихія села неогляднаго простора, за бѣдные очаги смиренныхъ деревень... Мнѣ хотѣлось бы крикнуть тебѣ: Гордись, мать! Ради тебя небо помилуетъ твое отечество. Гордись, мать,—ты своей неутѣшной скорбью платишь за нашу славу. Не мы, а ты—побѣдительница! Мы отдаемъ только жизнь. Ты бросаешь подъ удары вражьихъ штыковъ, подъ пули и рвущія живыя тѣла гранаты то, что дороже жизни,—свой свѣтъ, свое небо, свое прошлое, свое сегодня и завтра—сына, каждое мгновеніе котораго было твоимъ дыханіемъ, мыслью, порывомъ, твоей глубокою радостью, нѣжной, теплой надеждой, свѣтомъ твоего существованія. Гордись, мать, и да святится имя твое во вѣки-вѣковъ въ нашихъ благодарныхъ воспоминаніяхъ. Гордись, мать... Плачь о погибшемъ на полѣ славной битвы сынѣ, но помни, что его кровью ты приобщила всю свою родину. Ты была золотою чашею, гдѣ эта кровь претворилась въ святую. Мы пьемъ изъ этой чаши, и вмѣсто одного павшаго сына всѣ уцѣлѣвшіе въ эту годину испытаній стануть твоими дѣтьми. Плачь, мать, но и гордись,—ты больше всѣхъ насъ отдала въ этотъ страшный часъ величайшаго изъ искупленій. Гордись, мать! Мы сильны твоею скорбью. Нѣтъ на свѣтѣ такихъ Содома и Гоморры, которыхъ не помиловала бы вѣчная правда за такія слезы, какъ твои. И если бы такія же матери были въ спаленныхъ огненнымъ дождемъ городахъ Мертваго моря,—они бы до сихъ поръ цвѣли пышными садами, звучали счастливымъ смѣхомъ и веселою пѣсней своихъ дѣтей. Плачь, мать, но и гордись,—каждая твоя слеза, упавшая на благодарную землю, дастъ новую жатву героевъ, но уже героевъ труда и просвѣщенія... Ты насъ снабдила сильными руками, способными носить и факелъ во тьмѣ, и мечъ въ бою, ты дала разумъ вождямъ и отвагу солдатамъ. Ты, смиренная страдальца, одѣла некрушимою желѣзною стѣною бойцовъ наши рубежи, и еще неизвѣстно, что больше говоритъ Божественному Уму вселенной—Господу правды: кровь твоихъ сраженныхъ дѣтей, или твои молчаливыя, въ тишинѣ одинокихъ горницъ пролитыя слезы. Гордись, мать,—ты страдальца, но ты и побѣдительница»... (Р. С.).

Открыта подписка на 1915 годъ

на еженедѣльный, литературный, художественно-иллюстрированный журналъ

НАША РУСЬ.

Подписчики получаютъ въ теченіе подписного года

- 52 №№ журнала: романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и пр. съ рисунками и иллюстраціями.
- 52 Картины Великой Войны Народовъ. Русскихъ, англійскихъ и французскихъ художниковъ, размѣромъ 80×40 сант.
- 12 Книгъ полного собранія сочиненій И. С. Тургенева.
- 12 Книгъ литературно-художественныхъ произведеній полн. собранія сочиненій Л. Н. Толстого, Война и Миръ. Анна Каренина и пр.
- 12 Иллюстрированныхъ книгъ ВСЕМІРНАЯ ВОЙНА.
- 12 Книгъ библіотеки „Знаніе“.
- 4 Книги галлерей русскихъ героевъ. Эпизоды отдѣльныхъ сраженій, рисунки, портреты нашихъ героевъ, описаніе ихъ подвиговъ.

Подписная цѣна на журналъ со всеми приложеніями, безъ доставки 5 р. 50 к.; съ доставкой въ Петроградъ и Москвѣ 6 руб. Съ пересылкою по всей Россіи 7 руб. За границу 10 руб.

Допускается разсрочка въ 2, 3 и 4 срока.

Въ 2 срока: При подпискѣ 4 р. 1 Іюня 3 р. Въ 3 срока: При подпискѣ 3 р. 1 Апрѣля 2 р. 1 Іюня 2 р. Въ 4 срока: При подпискѣ 2 р. 1 Марта 2 р. 1 Мая 2 р. 1 Іюня 1 р.

Служащимъ въ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при коллективной подпискѣ (не менѣе 10 абонентовъ) разсрочка допускается ежемѣсячными взносами по 1 руб. За пріемъ подписки книжнымъ магазинамъ скидка 5%.

Деньги и требованія адресовать въ контору Редакціи журнала „НАША РУСЬ“

Петроградъ, Чернышевъ пер., д. 24, кв. 8.

Издатель Дворянинъ И. И. Пославскій.

ИКОНОПИСЕЦЪ ХУДОЖНИКЪ

Николай Васильевичъ Курдыкинъ.

— (ПРАВОСЛАВНЫЙ ГАЛИЧАНИНЪ), —

НАПИСАВШІЙ ИКОНЫ.

Успенія, Покрова и другія за гробомъ св. Мелетія въ Покровскомъ Харьковскомъ монастырѣ, предлагаетъ свои услуги по исполненію иконописныхъ работъ въ храмахъ.

Харьковъ. — Архіерейскій домъ. — Канцелярія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новое иллюстрированное изданіе

„ЛѢТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ“

== ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ==

Генераль-Маіора **Ф. Г. ИГНАТЬЕВА.**

== ПРИ УЧАСТИИ ==

Генерала-отъ инфантеріи **М. И. БОТЪЯНОВА.**

(по официалнымъ даннымъ, свѣдѣніямъ печати и показаніямъ очевидцевъ—участниковъ войны).

Съ картами, планами, портретами, изображеніями боевыхъ сраженій и рисунками изъ военного быта.

Изданіе печатается на роскошной бумагѣ большого альбомнаго формата и выходитъ еженедѣльными выпусками. Каждый выпускъ Лѣтописи содержитъ вполнѣ законченную часть и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ.

1) **Официальный отдѣлъ:**

Официалныя данныя о войнѣ: **ВЫСОЧАЙШЕ** указы, правительственныя распоряженія, сообщенія Верховнаго Главнокомандующаго сообщенія Штаба, телеграммы и свѣдѣнія со всѣхъ театровъ войны

2) **Неофициальный отдѣлъ:**

Историческія описанія, статьи, разъясняющія ходъ сраженій, описаніе военныхъ дѣйствій со словъ участниковъ или очевидцевъ сраженій корреспонденціи съ театровъ войны, отклики на Руси и за границей свѣдѣнія о военныхъ силахъ державъ, свѣдѣнія о мѣстностяхъ военныхъ сраженій, крѣпостяхъ и пр., свѣдѣнія о герояхъ и жертвахъ и всѣхъ тѣхъ, кто на полѣ брани явилъ собою примѣръ доблести и беззавѣтнаго исполненія долга, замѣтки о военныхъ событіяхъ, хроника войны и пр.

Первый выпускъ для ознакомленія высылается за 30 к.
(по полученіи марокъ).

== Подписка принимается пока только на 12 выпусковъ. ==

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:—3 руб. съ пересылкой по всей Россіи.
Допускается разсрочка въ 2 и 3 срока.

Деньги и требованія адресовать
въ Главную контору

„ЛѢТОПИСИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ“

ПЕТРОГРАДЪ. Владимірскій пр., № 7.

Открыта подписка на 1915 г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РОДНАЯ ЖИЗНЬ

(ранѣе—„Трезвая Жизнь“).

XI-й годъ изданія.

Являясь органомъ Высочайше утвержденнаго Всероссийскаго Александро-Невскаго Братства трезвости и продолжая задачи просвѣтительнаго характера, поставленныя 10 лѣтъ назадъ „Трезвой Жизнью“, преобразованная изъ послѣдней „Родная Жизнь“ съ наступающаго 1915-го года будетъ выходить еженедѣльнымъ изданіемъ и значительно расширить свою программу. Такое расширение программныхъ задачъ вызывается обстоятельствами переживаемаго нами времени. На нашихъ глазахъ совершается дѣяніе великой исторической важности. По мановенію Царя Русь отрезвѣла. Запрещеніемъ казенной виноторговли нанесенъ развитію алкоголизма и народнаго пьянства подъ самый корень смертельный ударъ. Одновременно съ этимъ наступило народное отрезвленіе въ болѣе широкой области. Русскій народъ постепенно начинаетъ освобождаться изъ-подъ власти такъ несродныхъ его душѣ, чуждыхъ иноземныхъ вліяній, которыя раньше какъ-бы оупьяняли и затемняли его здравый смыслъ и національное чувство. Русь святая возвращается къ забытымъ ея завѣтамъ родной исторіи. Пробуждается великій, самобытный творческій духъ народный. Воскресаетъ предъ нами родная жизнь, родной бытъ въ ихъ высокіхъ, воспитанныхъ православной культурой идеалахъ. Съ задворковъ антихристіанской цивилизаціи съ ея языческими мечтами о земномъ раѣ, о новой землѣ, но безъ всякаго Неба, русская душа возвращается, какъ блудный сынъ евангельской притчи, въ домъ отчій. Ударъ бронированнаго кулака, который озвѣрѣвшіе представители матеріалистической нѣмецкой культуры направляютъ въ нашу русскую грудь, какъ бы отрезвилъ насъ. Русскій народъ понялъ, гдѣ таятся истинные, неизсякаемые родники его побѣдоносной силы, и направляетъ свои стопы на поклоненіе роднымъ святынямъ. Освѣтить этотъ великій историческій путь огнями вѣры и священными завѣтами нашей исторіи и составляетъ главную задачу журнала „Родная Жизнь“.

Стремясь къ возможно полному и всестороннему освѣщенію родной жизни въ ея идеалахъ и дѣйствительности, журналъ въ отдѣлѣ „За семь дней“ дастъ исчерпывающую лѣтопись важнѣйшихъ политическихъ и общественныхъ событій, чѣмъ исполнѣ замѣнить для провинціи ежедневную газету. Но на первомъ мѣстѣ будетъ попрежнему стоять отдѣлъ „Трезвая Жизнь“, гдѣ будутъ широко обсуждаться вопросы, связанные съ трезвеннымъ движеніемъ.

Въ журналѣ, кромѣ того, будутъ печататься отдѣлы: 1) Статьи по вопросамъ церковнымъ, общественнымъ, экономическимъ; 2) Вопросы религіи и морали; 3) По обществамъ трезвости; 4) Церковная жизнь; 5) Новости литературы и исторіи; 6) Изъ газетъ и журналовъ; 7) По Россіи; 8) Сельско-хозяйственныя нужды деревни; 9) Вопросы алкоголизма и охрана народнаго здравія; 10) Очерки и разказы; 11) Переписка съ читателями.

Въ военномъ обозрѣніи будутъ даваться сводки официальныхъ свѣдѣній и корреспондентскихъ сообщений съ театра военныхъ дѣйствій.

Въ качествѣ бесплатнаго приложенія подписчики получаютъ:

Труды Всероссийскаго Съезда практическихъ дѣятелей по борьбѣ съ алкоголизмомъ, т. II-й.

(1 т., бывшій приложеніемъ при „Трезвой Жизни“, можно выписывать изъ редакціи). Цѣна журнала съ бесплатнымъ приложеніемъ и пересылкой въ годѣ 3 руб.; за границу—5 руб. Адресъ редакціи: Петроградъ, Обводный кан., 116.

Редакторъ Прот. П. Миртовъ.

Открыта подписка на 1915 годъ
 НА ЖУРНАЛЬ-ГАЗЕТУ

„ВОСКРЕСЕНІЕ“

Еженедѣльный, иллюстрированный самый дешевый журналъ-газета для народа, школь, духовенства и сельской интеллигенціи.

Дать читателю исключительно дешевый журналъ-газету, который еженедѣльно полно отражалъ бы жизнь (военныя событія въ данное время въ особенности) и тѣмъ для лицъ малоимущихъ или живущихъ въ глухой провинціи замѣнялъ бы ежедневное чтеніе газетъ, а для читателей ежедневныхъ газетъ дополнялъ бы кругъ газетныхъ свѣдѣній литературнымъ и рисуночнымъ матеріаломъ—такова задача журнала.

Создать рука-объ-руку съ читателями общедоступный по цѣнѣ и содержанію, нужный нашей родинѣ честный, полезный, широко распространенный журналъ-газету, вѣстникъ всесторонняго нашего Воскресенія—такова цѣль изданія журнала.

Полезьа, занимательность, легкость усвоенія, живость и яркость изложенія и подчасъ возможность отвести душу на шуткѣ и остроуміи словѣ—таковы основанія литературнаго изложенія статей, которыя будутъ весьма разнообразны по содержанію. Иллюстраціи—рисунки (въ особенности, касающіеся войны), портреты, злободневныя шуточные карикатуры и проч. будутъ многочисленны и вполне отчетливо исполнены. Приглядная внѣшность журнала будетъ соответствовать достоинствамъ его содержанія.

При всѣхъ этихъ условіяхъ, Редакціей, въ расчетѣ на широкій кругъ подписчиковъ, назначена исключительно дешевая

Подписная плата: годъ 1 руб. 50 коп., полгода 85 коп.

Плату слѣдуетъ направлять въ контору журнала—Петроградъ. Каменноостровскій пр., 26.

Редакторъ-издатель Н. С. Сергѣевскій.

усты своими, и устнами чтутъ Мѧ: сердце же ихъ далеке отстоитъ отъ Мене. Все же чтутъ Мѧ (Матѳ. XV, 8. 9).

Молитва бываетъ: а) *домашняя* (частная) и *церковная* (общественная). Первая совершается каждымъ—и отъ себя; вторая (богослуженіе) совершается: а) отъ лица всѣхъ вѣрующихъ, б) священнослужителями, в) по установленному чину или порядку и г) преимущественно въ храмѣ.

Какъ должно молиться для полученія благодати, Спаситель преподалъ слѣдующія наставленія.

а) Должно молиться въ *мирѣ* съ собою и ближними. Такъ, въ Нагорной проповѣди Спаситель заповѣдалъ: „Если ты принесешь даръ твой къ жертвеннику, и тамъ вспомнишь, что братъ твой имѣетъ что нибудь противъ тебя; оставь тамъ даръ твой предъ жертвенникомъ, и пойдѣ, прежде помирись съ братомъ твоимъ, и тогда прійди, и принеси даръ твой (Матѳ. V, 23—24). И св. Церковь насъ приглашаетъ: *Миромъ* (успокоившись, сосредоточившись, затѣмъ—въ мирѣ съ ближними) *Господу помолимся*.

б) Должно убѣгать молитвы *суетной*, напоказъ (лицемѣрной) и молиться *искренно*, предъ лицомъ всевидящаго Бога. „Когда молишься, не будь, какъ лицемеръ, которые любятъ въ синагогахъ и на углахъ улицъ останавливаясь молиться, чтобы показаться предъ людьми... Ты же, когда молишься, войди въ комнату твою ¹⁾ и, затворивъ дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“ (Матѳ. VI, 5—6).

в) Должно молиться *всегда*, неотступно, и *не унывать*. „Просите, и дано будетъ вамъ; ищите, и найдете; стучите, и отворятъ вамъ... Если вы, будучи злы, умѣете даянія благія давать дѣтямъ вашимъ; тѣмъ болѣе Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него“ (Матѳ. VII, 7—11). Спаситель указалъ также на *безсовѣстнаго судію* (въ притчѣ), ко-

¹⁾ Подъ *клятвю* (комната) разумѣется клять души. Св. Іоаннъ Златоустъ говоритъ: „Если и въ клять войдешь, и затворишь за собою двери, но едѣлаешь сіе по тщеславію, затворенныя двери не принесутъ тебѣ никакой пользы... Спаситель желаетъ, чтобы ты заключилъ двери сердца твоего“.

торый, уже не боясь Бога и не стыдясь людей, тѣмъ не менѣе защитилъ бѣдную вдову отъ ея соперника—потому, что она каждый день приходила къ нему и докучала ему. „И сказалъ Господь: слышите, что говоритъ судья неправедный. Богъ ли не защититъ избранныхъ Своихъ, *вопьющихъ къ Нему день и ночь*, хотя и медлитъ защищать ихъ? Сказываю вамъ, что подастъ имъ защиту вскорѣ“ (Лук. XVIII 1—8).

г) Должно молиться *со смиреніемъ и съ раскаяніемъ* во грѣхахъ. Молитва фари́сея (притча о мытарѣ и фарисеѣ) состояла въ одномъ униженіи ближнихъ и въ высчитываніи предъ Богомъ своихъ заслугъ поста и молитвы: „Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь. Пощусь два раза въ недѣлю; даю десятую часть изъ всего, что приобрѣтаю. Мытарь же, стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ на небо; но, ударяя себя въ грудь, говорилъ: *Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшнику*. Сказываю вамъ,—прибавилъ Спаситель,—что сей пошелъ оправданнымъ въ домъ свой болѣе, нежели тотъ: ибо всякій, возвышающій самъ себя, униженъ будетъ; а унижающій себя, возвысится“ (Лук. XVIII, 10—14).

д) Должно молиться съ *сыновнимъ дерзновеніемъ*. Хананейка вопіяла вслѣдъ І. Христа долго и неотступно, но Христосъ сперва не отвѣчалъ ей ни слова. Когда она еще настойчивѣе стала просить: Господи! помоги мнѣ,—то Христосъ, испытывая ея вѣру, сказалъ: „Не хорошо взять хлѣбъ у дѣтей, и бросить псамъ“. Она же сказала: „Такъ, Господи! но и псы ѣдятъ крохи со стола господъ ихъ. Тогда Іисусъ сказалъ ей: о, женщина! велика вѣра твоя; да будетъ тебѣ по желанію твоему. И исцѣлилась дочь ея въ тотъ часъ“ (Лук. XV, 22—28).

е) Должно молиться съ *покорностію* волѣ Божіей. Этому научаетъ насъ Господь какъ словами Своей (Господней) молитвы: *да будетъ воля Твоя!* такъ и примѣромъ Своей молитвы въ саду Геосиманскомъ. Молясь до кроваваго пота и до такого изнеможенія, что явился Ангелъ съ неба, чтобы укрѣпить Его (Лук. XXII, 43),—молясь о минованіи для Него чаши предстоящихъ страданій, Господь закончилъ Свою молитву такъ: „Впрочемъ, не какъ Я хочу, но какъ Ты; да будетъ воля Твоя“ (Матѣ. XXVI, 39, 42).

ж) Должно *благодарить Бога* за получение прошенія. Когда изъ *исцѣленныхъ*, по слову Спасителя („шедше, покажитесь священникомъ“), десяти *пронаженныхъ* возвратился поблагодарить Бога только одинъ,—и то самарянинъ, то Господь сказалъ: „Не десять ли очистились? гдѣ же девять? Какъ они не возвратились воздать славу Богу, кромѣ сего иноплеменника?“ (Лук. XVII, 12—18).

з) Должно относиться нъ храму—мѣсту особо угодной молитвы Богу съ *благоговѣніемъ*. Спаситель изгналъ изъ храма Иерусалимскаго торгующихъ волами, овцами и голубями (для жертвоприношеній), и доски мѣновщиковъ съ деньгами опрокинулъ, и сказалъ: „Домъ Мой домомъ молитвы наречется; а вы сдѣлали его вертепомъ разбойниковъ“ (Матѣ. XXI, 12—13).

Храмомъ называется особо устроенное и посвященное Богу зданіе, въ которое вѣрующіе собираются для молитвы, особенно для совершенія Таинства Причащенія. Такъ какъ вѣрующіе составляютъ *Церковь Христову*, то храмы также называются *церквами*.

Храмы устроются въ видѣ: а) корабля (человѣкъ спастись можетъ въ одной лишь Церкви), б) креста (основаніемъ Церкви является крестъ Распятаго І. Христа), в) звѣзды, со многими углами (Церковь есть путеводная звѣзда христіанской жизни), г) круга (Церковь вѣчна,—Матѣ. XVI, 18).

Главные части храма: а) *притворъ*, въ древности занимаемый оглашенными и кающимися; б) *средняя часть храма*—для вѣрующихъ, и в) *алтарь* (возвышенное мѣсто) съ главными святынями: престоломъ, жертвенникомъ, горнимъ мѣстомъ и др. На престолѣ находятся: *антиминсъ* (въмѣстопрестоліе)—шелковый или льняной платъ съ изображеніемъ положенія во гробъ Спасителя, съ частью св. мощей, освящаемый епископомъ; Дарохранительница, Св. Евѣнгеліе и Крестъ.

Алтарь отдѣляется отъ храма *иконостасомъ*, т. е. стѣною изъ иконъ въ нѣсколько рядовъ, съ тремя дверьми, изъ коихъ среднія называются *царскими*, такъ какъ ими проходитъ въ Св. Тайнахъ Царь славы І. Христось.

Одной **внутренней молитвы безъ наружной** стяжать невозможно. Богъ создалъ человѣка изъ души и тѣла,

потому служить Богу, или *прославлять Бога*, по заповѣди Ап. Павла, мы должны *въ тѣлесахъ нашихъ, и въ душахъ нашихъ, яже суть Божія* (1 Кор. VI, 20). При томъ, тѣло является органомъ души и столь съ нею связано, что всѣ душевныя чувства проявляются въ тѣлесныхъ движеніяхъ: горе—въ слезахъ, радость—въ смѣхѣ и т. д. Потому *отъ избытка сердца уста глаголютъ* (Матѣ. XII, 34). Христосъ былъ духовенъ въ высочайшей степени; но и Онъ при молитвѣ произносилъ слова, возводилъ очи къ небу, падалъ ницъ (Іоан. XVII, 1; Матѣ. XXVI, 39; Лук. XXII, 41).

Главными **священнодѣйствіями** при богослуженіи и вообще при молитвѣ являются: по примѣру І. Христа (Лук. XXIV, 50)—воздѣяніе рукъ и именованное благословеніе: Епископское обѣими руками и Священническое одною рукою; кажденіе еиміамомъ (Исх. XXX, 8); возженіе свѣтильниковъ (Исх. XXX, 7—8); крестное знаменіе; поклоны поясные и земные; паденіе ницъ; звонъ въ колокола и др.

20. Молитва Господня.

Общею христіанскою **молитвою** и **образцомъ** для всѣхъ молитвъ является *молитва Господня*, т. е. та молитва, которой научилъ Апостоловъ Господь нашъ І. Христосъ, и которую они передали вѣрующимъ, именно: *Отче нашъ, Иже еси на небесахъ! Да святится имя Твое: да придетъ царствіе Твое. Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь: и остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ. И не введи насъ во искушеніе: но избави насъ отъ лукаваго. Яко Твое есть царство, и сила, и слава во вѣки, аминь* (Матѣ. VI, 9—13).

Для лучшаго изученія эту молитву дѣлятъ: на **призываніе**, **семь прошеній** и **славословіе**.

21. Призываніе.

Отче нашъ, Иже еси на небесахъ!

Всѣ люди—созданія Божіи, и имѣютъ право называть Бога своимъ Отцомъ. Но христіане имѣютъ на это особое право—по вѣрѣ въ І. Христа, искупившаго насъ отъ діавола и грѣха Своею кровію, и по благодати возрожденія (въ Крещеніи) и усыновленія. Св. Іоаннъ говоритъ: *Елицы пріяша Его, даде имъ область (власть) чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже (которые) не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Іоан. І, 12—13).

Но если мы, Христіане,—особо близкіе Богу, дѣти Единаго Отца небеснаго (Матѣ. XXIII, 9), то между собою являемся братьями, и потому должны имѣть любовь другъ къ другу (Іоан. XIII, 34—35). Поэтому, когда кто и одинъ молится, долженъ говорить: *Отче нашъ*, прося отъ Него благъ столько для всѣхъ, сколько и для себя.

Слова: *Иже еси на небесахъ* не означаютъ, что Богъ пребываетъ только на небѣ, ибо Онъ—вездѣсущъ; а внушаютъ намъ, что Богъ превыше всего земного и являетъ Свою славу на небѣ блаженнымъ духамъ; посему мы, приступая къ молитвѣ, должны возвыситься отъ земного, житейскаго—къ вѣчному и Божественному.

22. Первое прошеніе.

Да святится имя Твое.

Имя Божіе само по себѣ свято, какъ говоритъ Пресв. Богородица: *Свято имя Его* (Лук. І, 49). Но оно можетъ **святиться**, т. е. прославляться **въ людяхъ**, людьми; именно: а) когда мы, держа въ умѣ и сердцѣ имя Божіе, живемъ достойно Его святости и

своего христіанскаго званія, и тѣмъ прославляемъ Бога; б) когда съ благоговѣніемъ произносимъ имя Божіе и прославляемъ Господа въ молитвахъ и благочестивыхъ бесѣдахъ; в) когда, смотря на нашу добрую жизнь, и другіе люди (невѣрующіе) прославляютъ Бога,—подобно тому какъ добрыя дѣти и благоправныя ученики снискиваютъ почетъ и уваженіе родителямъ и воспитателямъ. Христосъ сказалъ: *Тако да просвѣтитъ ся свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла, и прославятъ Отца вашего, Иже на небесахъ* (Матѣ. V, 16).

Особенно располагали язычниковъ прославлять Бога Христіане первыхъ вѣновъ своею необычайною любовію къ ближнимъ, даже ко врагамъ. И язычники, плѣняемые готовностію христіанъ положить душу свою за ближнихъ, во множествѣ обращались ко Христу, познавъ святость и величіе Того, Кто вдохновлялъ христіанъ на столь высокую жизнь. Ибо Христосъ училъ въ Нагорной проповѣди: *Любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ, и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ; да будете сынами Отца вашего небеснаго; ибо Онъ повелѣваетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми, и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Ибо, если вы будете любить любящихъ васъ, какая вамъ награда? Не то же ли дѣлаютъ и мытари? И если вы приветствуете только братьевъ вашихъ, что особеннаго дѣлаете? Не такъ же ли поступаютъ и язычники? Итакъ будьте совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ небесный* (Матѣ. V, 44—48).

Но людямъ, зараженнымъ грѣхомъ, были изревле, какъ и нынѣ, свойственны и поступки, недостойныя святѣйшаго имени Божія. Даже **Моисей** и **Ааронъ** не прославили Бога, когда, получивъ отъ Него повелѣніе извести Израилю въ пустынѣ Синъ воду изъ камня однимъ лишь словомъ, выразили сомнѣніе, и Моисей воскликнулъ: „Послушайте, непокорныя, развѣ намъ изъ этой скалы известъ для васъ воду“? при чемъ ударилъ дважды жезломъ по скалѣ. Воды потекло много; но Господь сказалъ Моисею и Аарону: „За

то что вы не повѣрили Миѣ, чтобы явить святость Мою предъ Израилемъ, не введете вы народа сего въ землю, которую Я дамъ ему“ (Числ. XX, 1—12). Ааронъ послѣ сего умеръ вскорости, на горѣ Оръ (—ст. 28), а Моисей—на границахъ Ханаана, на горѣ Нево (Вторз. XXXIV, 5).

Что грѣховная жизнь людей безславить имя Божіе, и дурные дѣти могутъ порочить и даже губить своихъ родителей, показываетъ печальный примѣръ Израильскаго судіи и первосвященника Илія и его сыновей Офни и Финееса. Илій былъ благочестивъ, но старъ и безхарактеренъ; сыновья же его были „негодные люди и не знали Господа“, допуская въ Скинии всякія непотребства и развращая Израиля. Господь изрекъ Свой праведный судъ надъ ними, не только умертвивъ въ одинъ день въ битвѣ съ Филистимлянами обоехъ сыновей Илія, но и допустилъ плѣненіе ковчега Завета; отъ каковыхъ бѣдствій самъ Илій упалъ со стула навзничъ и умеръ (1 Цар. II, 12—36; IV, 11—18).

23. Второе прошеніе.

Да придетъ царствіе Твое.

Царствіе Божіе, о пришествіи котораго мы здѣсь молимся, есть царство *Благодати*, которое, по Ап. Павлу, есть *правда* (праведность), *миръ и радость о Духѣ Святѣ* (Рим. XIV, 17).

Мы молимся о наступленіи этого царства потому, что оно для нѣкоторыхъ, еще не совершенныхъ христіанъ, не пришло во всей силѣ; для нѣкоторыхъ же (упорныхъ грѣшниковъ и невѣрующихъ) и вовсе не пришло, такъ какъ *царствуетъ грѣхъ въ мертвенномъ тѣлѣ ихъ, во еже послушати его въ похотехъ его* (Рим. VI, 12), т. е. царствуетъ въ нихъ не благодать Божія, очищающая и спасающая человѣка, а грѣхъ, погибельная склонность къ страстямъ и порокамъ.

Такое благодатное и духовно-радостное состояніе души сперва зарождается въ тайникахъ сердца человѣческаго и сразу не поддается виѣшнему наблюденію, но происходитъ *сокровенно и внутренно*. (удей,

искавшіе мірскаго царства Мессіи, далеки были отъ уразумѣнія этой истины, почему Христось сказалъ имъ: *Не придетъ царствіе Божіе съ соблюденіемъ* (видимо, замѣтно). *Се бо царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. XVII, 20—21).

Но цѣль какъ жизни нашей, такъ и благодатнаго Царства состоитъ въ приготовленіи къ царству небесному, къ вѣчной блаженной жизни. Посему, молясь о наступленіи на землѣ царства благодати, т. е. мира, любви и добра, мы можемъ просить и царства *славы*, т. е. вѣчнаго блаженства, какъ говоритъ о себѣ Ап. Павелъ: *Желаніе имый* (имѣю) *разрѣшиться* (отъ тѣла) *и со Христомъ быти* (Филип. I, 23).

24. Третье прошеніе.

Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.

Словами: *да будетъ воля Твоя* просимъ Бога, чтобы все въ нашей жизни: и дѣла наши, и всѣ обстоятельства происходили не по нашему желанію, но по волѣ Божіей. Это—потому, что мы сами по себѣ слишкомъ привязаны къ землѣ и плоти, и часто желаемъ себѣ грѣховнаго и погибельнаго; а Богъ непогрѣшительно и несравненно болѣе, чѣмъ мы сами, желаетъ намъ блага, и всегда намъ даетъ его, если мы, побѣждая своеволие и упрямство, предаемъ себя во всемъ въ волю Божію.—Ап. Павелъ о любви и благости къ намъ всемогущаго Бога говоритъ: *Могущему же паче вся творити по преизбыточеству* (гораздо больше), *иже просимъ, или разумѣемъ, по силѣ дѣйствующей въ насъ, Тому слава въ Церкви* (Ефес. III, 20—21).

Эту любовь къ людямъ Отца небеснаго опытно познали Ангелы и Святые на небѣ, и въ неуклонномъ и радостномъ исполненіи Его воли почерпаютъ

неизреченное блаженство. Потому прибавлено: *да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.*

Своеволие и похотливость ослѣпляютъ людей, и навлекая гнѣвъ Божій, ведутъ къ вреду и гибели. Примѣръ сего видимъ въ непокорности евреевъ и въ неоднократномъ ихъ ропотѣ на Бога и Моисея. Не вразумили ихъ безчисленныя знаменія и чудеса, коими Богъ помогалъ имъ съ момента призванія Моисея къ освобожденію ихъ отъ ига египтянъ, и еврей, впадая въ малодушіе при малѣйшемъ лишеніи или испытаніи, часто роптали и возмущались. Богъ то ободрялъ ихъ внезапною и чудесною помощію, то посылалъ имъ наказанія. Особенно еврей согрѣшили при приближеніи къ границамъ Ханаана, на 2-мъ ходу выхода изъ Египта, когда соглядатаи земли Обѣтованной навели на нихъ страхъ рассказами о необычайной крѣпости Ханаанскихъ городовъ и ихъ защитниковъ—исполиновъ. Еврей, забывъ всѣ чудеса Божіи, всю ночь проплакали, на утро рѣшили убить Моисея и Аарона и возвратиться въ Египеть. За это они были осуждены на сорокалѣтнее странствованіе въ пустынѣ, пока не умрутъ изъ нихъ всѣ взрослые, вышедшіе изъ Египта (Числ. гл. гл. XIII и XIV).

25. Четвертое прошеніе.

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ.

Хлѣбъ насущный—значить необходимый, чтобы существовать, или жить, какъ то: пища, одежда и жилище. Мы, по заповѣди Господа, должны этого хлѣба просить столько, сколько его нѣжно *только для существованія*; а что сверхъ этого, и служить не столько для нужды, сколько для удовольствія (богатство), то предоставить волѣ Божіей: даетъ Богъ—благодарить Его, если не дастъ—не печалиться и не завидовать богатымъ.

Но и хлѣба насущнаго Христосъ повелѣваетъ просить только *днесъ*, т. е. только на этотъ день. Это—для того, чтобы мы не заботились о будущемъ

чрезмѣрно, а больше въ этомъ надѣялись на Бога, ибо мы не знаемъ ни будущаго, ни продолжительности жизни. Христось сказалъ: *Не печитесь убо на утрей* (о завтрашнемъ днѣ), *утреній бо собою* (о себѣ) *печется; довлѣетъ дневи* (довольно для каждаго дня) *злоба его. Въсть бо Отецъ вашъ небесный, яко требуете сихъ всѣхъ* (Мате. VI, 34; 32).

Дабы показать, что жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія, Господь сказалъ притчу о любостыжательномъ богачѣ. Богачъ, у котораго уродилось много хлѣба, самодовольно мечтаетъ о запасѣ хлѣбнаго богатства на многіе годы и о жизни, исполненной всецѣло покоя, веселья и чревоугодія. Но Богъ сказалъ ему: „Безумный! въ сію ночь душу твою возьмутъ у тебя; кому же достанется то, что ты заготовилъ? Такъ-прибавилъ Христось—бываетъ съ тѣмъ, кто собираетъ сокровища для себя, а не въ Бога богатѣетъ“ (Лук. XII, 15—21).

Люди пристращаются къ богатству, и при внѣшнихъ иногда дѣлахъ благочестія, теряютъ способность къ высшему совершенству, къ самоограниченію и къ слѣдованію за Христомъ. Когда богатый юноша спросилъ Христа: „Что сдѣлать мнѣ добраго, чтобы имѣть жизнь вѣчную?“—и получилъ въ отвѣтъ требованіе, кромѣ обычнаго исполненія Заповѣдей, раздать имѣніе нищимъ и слѣдовать за Нимъ (Христомъ), то юноша отошелъ отъ Христа съ печалію, ибо сильно пристрастился къ богатству. Христось сказалъ: „Какъ трудно богатому войти въ царство небесное! Удобнѣе верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти въ царствіе Божіе“ (Мате. XIX, 16—24).

Но человѣкъ имѣетъ потребности не одного тѣла, а и души. Потому мы должны просить также и хлѣба духовнаго, именно: слова Божія и Тѣла и Крови Христовыхъ, которые оживляютъ, возвышаютъ и очищаютъ душу человѣка, и безъ которыхъ напротивъ наша душа черствѣетъ и умираетъ.—Христось сказалъ: *Не о хлѣбѣ единомъ живѣть будетъ человекъ, но*

о всякомъ глаголь, исходящемъ изоустъ Божіихъ (Матѳ. IV, 4), *Плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво* (Іоан. VI, 55).

Что пища духовная важнѣе тѣлесной, Господь далъ наставленіе во время **посѣщенія** Имъ **Марѳы и Маріи**. Когда Марѳа, въ излишнихъ заботахъ объ угощеніи Господа, упрекнула Его, почему Онъ не прикажетъ Маріи на—время перестать слушать слова Его и помочь ей, то Христось сказалъ: „Марѳа! Марѳа! ты заботишься и суетишься о многомъ; а одно только нужно. Марія же избрала благую часть, которая не отнимется отъ нея“ (Лук. X, 38—42).

26. Пятое прошеніе.

И остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.

Долги, объ оставленіи (прощеніи) которыхъ мы молимся Богу, это—наши грѣхи; такъ они названы потому, что мы, получая все отъ Бога, Ему же должны все и отдать, т. е. всѣ силы и благо употреблять Ему во славу, а себѣ и ближнимъ на пользу; не дѣлая этого, т. е. грѣша, мы остаемся въ *долгу* у Бога.

Наши должники—это люди, которые *намъ* не отдали должнаго по закону Божію, напр. вмѣсто любви проявили къ намъ вражду, вообще чѣмъ—нибудь обидѣли насъ, причинили вредъ.

Такъ какъ грѣхи, по правосудію Божію, требуютъ возмездія, то мы можемъ надѣяться на прощеніе долговъ нашихъ: а) чрезъ ходатайство І. Христа, претерпѣвшаго за насъ крестныя страданія, и б) если сами другихъ прощаемъ.—Ап. Павелъ говоритъ: *Единъ бо есть Богъ, и единъ Ходатай Бога и чловѣковъ, чловѣкъ Христось Іисусъ, давший Себе избавленіе за всѣхъ* (1 Тимѳ. II, 5—6).

Прощать своихъ должниковъ, для полученія прощенія отъ Бога. нужно потому, что въ противномъ

случаѣ мы оказываемся злыми и неспособными по своему душевному складу къ воспріятію Божьяго дара всепрощенія, какъ камень или твердая почва. неспособны [воспріять дождевой влаги,—и такимъ образомъ удаляемъ отъ себя благодать и милосердіе Божіе. Спаситель сказалъ: *Аще бо отпущаете чело- вѣкомъ согрѣшенія ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный: аще ли не отпущаете чело вѣкомъ со- грѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ отпуститъ вамъ согрѣ- шеній вашихъ* (Матѣ. VI, 14—15).

Эту же истину Господь пояснилъ притчею о милосер- дномъ царѣ и безжалостномъ займодавцѣ. Рабъ былъ дол- женъ Царю десять тысячъ талантовъ (около 25 милліоновъ руб.) и сталъ просить Царя „потерпѣть долгъ“, обѣщая уплатить. Царь умилосердился и весь долгъ простилъ ему. Но самъ рабъ, по выходѣ встрѣтивъ товарища, должникаго ему всего сто динаріевъ (около 20—25 руб.), схватилъ и сталъ душить его говоря: отдай мнѣ долгъ! Не смотря на усилен- ныя мольбы объ отсрочкѣ долга, рабъ посадилъ своего дол- жника въ темницу. Тогда узнавшій объ этомъ Царь раз- гнѣвался и отдалъ его самого истязателямъ, пока не отдастъ всего долга. „Такъ и Отецъ Мой,—прибавилъ Христосъ,— поступитъ съ вами, если не проститъ каждый изъ васъ отъ сердца своего брату своему согрѣшеній его“ (Матѣ. XVIII, 23—35).

Настроеніе нашей души, при словахъ: и мы оста- вляемъ должникомъ нашимъ, должно быть поэтому чуждо всякой вражды и гнѣва, и мы должны имѣть со всѣми миръ и любовь. Спаситель сказалъ: *Аще убо принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ прежде смирися съ бра- томъ твоимъ, и тогда пришедъ, принеси даръ твой* (Матѣ. V, 23—24).

Если же нельзя вскорѣ найти своего соперника, или онъ не пожелаетъ примириться, то нужно сдѣ-

латъ это въ сердцѣ, предъ очами Всевидящаго Бога: *Аще возможно еже отъ васъ, со вѣсми чловѣки миръ имѣйте* (Рим. XII, 13).

27. Шестое прошеніе.

И не введи насъ во искушеніе.

Нужно различать **искушеніе** отъ **испытанія**: послѣднее посылается Богомъ, а первое происходитъ: а) отъ нашей *плоти*, подъ которой разумѣются злыя склонности и души, и тѣла,—отъ *міра* (дурныхъ и грѣшныхъ людей), и отъ *дѣвола*.

Богъ, какъ Всесвятѣйшій, „не искушается зломъ, и Самъ не искушаетъ никого“ (зломъ,—Іак. I, 13). Посему испытанія, посылаемыя отъ Бога, хотя иногда и называются искушеніями, но не похожи на нихъ; испытанія—это вѣрныя средства къ укрѣпленію чловѣка въ добрѣ (Іак. I, 12); они никогда не служатъ во вредъ чловѣку, но къ великой пользѣ души, научая ее смиренномудрію и другимъ добродѣтелямъ.

Такъ, Господь послалъ испытаніе Аврааму, и чрезъ это открылась его великая вѣра и послушаніе волѣ Божіей (Быт. гл. XII), почему онъ и названъ *отцомъ вѣрующихъ* (Гал. III, 7). Такъ, желая показать *терпѣніе Іовле* и благій его конецъ отъ Господа, св. Церковь указываетъ намъ на этого Ветхозавѣтнаго праведника, который, подвергшись искушенію отъ Бога по зависти и для посрамленія дѣвола, и потерявъ всѣхъ дѣтей и имущество, сказалъ: „Господь далъ, Господь и взялъ: какъ угодно было Господу, такъ и сдѣлалось; да будетъ имя Господне благословенно.“ А когда поразила его проказа, и онъ потерялъ почетъ, друзей и даже право жить среди другихъ здоровыхъ людей, то на предложеніе обезумѣвшей отъ горя и нужды жены—похулить Бога и умереть—отвѣтилъ: „Ты говоришь, какъ одна изъ безумныхъ; неужели доброе мы будемъ принимать отъ Бога, а злаго не будемъ принимать?“ И такимъ образомъ „во всемъ этомъ не согрѣшилъ Іовъ, и не произнесъ ничего неразум-

наго о Богѣ“, почему Господь далъ Іову вдвое больше того, что онъ имѣлъ прежде, и благословилъ послѣдніе дни его болѣе, нежели прежніе (Іов. I, 21—22; II, 9—10; XLII, 10. 12).

Искушенія бываютъ, какъ сказано, **отъ плоти, міра и діавола**; это такое стеченіе обстоятельствъ, при которыхъ есть опасность потерять вѣру, или впасть въ тяжкій грѣхъ.

Слабый въ нравственныхъ понятіяхъ бѣднякъ, или голодный—крадетъ вещи, деньги или пищу; это—искушеніе *отъ плоти* или нашей грѣховности. Такой же слабый человекъ заражается примѣромъ пьянства, разврата и распущенности отъ дурныхъ товарищей или, видя благоденствіе безчестныхъ людей, — для упроченія благополучія своего или своей семьи самъ дѣлается безчестнымъ; это—искушенія *отъ міра*. *Діаволъ* также внушаетъ намъ злыя мысли и нечистыя желанія; это каждый знаетъ по внутреннему опыту, испытывая въ себѣ постоянную смѣну помысловъ и стремленій добрыхъ и злыхъ, чистыхъ и грѣховныхъ, и переживая борьбу между ними.

Особенно яснымъ примѣромъ боренія отъ діавола является **искушеніе Господа І. Христа въ пустынь**, послѣ крещенія отъ Іоанна на Іорданѣ. І. Христосъ, постившись сорокъ дней и ночей, напослѣдокъ взалкалъ. „И приступилъ къ Нему искушитель, и сказалъ: если Ты Сынъ Божій; скажи, чтобы камни сіи сдѣлались хлѣбами. Онъ же сказалъ ему въ отвѣтъ: написано: не хлѣбомъ однимъ будетъ жить человекъ, но всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ. Потомъ беретъ Его діаволъ въ святыи городъ (Іерусалимъ), и поставляетъ Его на крылѣ храма, и говоритъ Ему: если Ты Сынъ Божій, бросься внизъ; ибо написано: Ангеламъ Своимъ заповѣдаетъ о Тебѣ, и на рукахъ понесутъ Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею. Исусъ сказалъ ему: написано также: не искушай Господа Бога твоего. Опять беретъ Его діаволъ на весьма высокую гору, и показываетъ Ему всѣ царства міра и славу ихъ, и говоритъ Ему: все

это дамъ Тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ. Тогда Іисусъ говоритъ ему: отойди отъ Меня, сатана; ибо написано: Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи. Тогда оставляетъ Его діаволь, и се, Ангелы приступили. и служили Ему“ (Матѣ. IV, 1—11).

Такимъ образомъ, Христось отвергъ „похоть плоти, похоть очей, и гордость житейскую“ (1 Іоан. II, 16), коими діаволь прельщаетъ слабыхъ и грѣховныхъ людей, и показалъ намъ, что постъ, молитва, слово Божіе и послушаніе Отцу небесному—лучшія средства для побѣжденія искушителя—діавола.

Молясь: *и не введи насъ во искушеніе*, мы просимъ Отца небеснаго не допустить насъ до тѣхъ искушеній (отъ плоти, міра и діавола), при которыхъ мы можемъ впасть въ грѣхъ и даже потерять вѣру; если же Господь благоволитъ Самъ испытать насъ и очистить бѣдствіями (искушеніями), то—чтобы мы не пали, преодолѣли искушеніе и укрѣпились въ добрѣ.

Примѣры мужественнаго перенесенія бѣдствій, ниспосланныхъ Богомъ стоятелямъ за Рускую землю въ години ея нестрастій, представляетъ намъ жизнь митрополита Филиппа и патріарховъ Іова и Ермогена.

Митрополитъ Филиппъ совершилъ овой великій подвигъ самоотверженія при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, когда опричники безнаказанно обижали и грабили мирныхъ гражданъ, и самъ царь съ ними дошелъ до крайней степени распушенности, кровожадности и кощунства. Св. Филиппъ былъ изъ знатнаго рода бояръ Колычевыхъ; сперва проходилъ строгое иночество въ Соловецкой обители; затѣмъ, склоненный усиленными просьбами царя Іоанна и обѣщаніями прекратить грабежи и насилія опричины, принялъ санъ митрополита. Когда ужасы опричины возникли съ прежнею силою, то св. Филиппъ сталъ обличать царя всенародно. Съ особо сильнымъ обличеніемъ св. Филиппъ выступилъ 21 Марта, въ недѣлю крестопоклонную, когда царь явился въ храмъ съ опричниками въ шлыкахъ и рясахъ, подъ которыми были ножи и кинжалы. Святитель сказалъ: „Въ этой одеждѣ странной я не узнаю царя православнаго, не узнаю его и

въ дѣлахъ царства. Благочестивый, кому поревновалъ ты, сказавъ такимъ образомъ твое благолѣпіе?! Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтитъ солнце на небѣ, не слыхано, чтобы благочестивые цари возмущали собственную державу... У татаръ и язычниковъ ссть законъ и правда; а у насъ ихъ нѣтъ. Мы, государь, приносимъ Богу безкровную жертву, а за алтаремъ льется неповинная кровь христіанская. Не скорблю о тѣхъ, которые, проливая свою невинную кровь, сподобляются доли святыхъ мучениковъ; о твоей бѣдной душѣ страдаю: хотя и образомъ Божиимъ почтенный, ты, однакожь, перстный человекъ, и Господь взыщетъ все отъ руки твоей“. Царь кнѣзь гнѣвомъ, стучалъ жезломъ о полъ, наконецъ воскликнулъ: „Филиппъ! или нашей державѣ ты смѣешь противиться? Посмотримъ, велика ли твоя крѣпость“.—Злоба Іоанна все болѣе накоплялась, къ чему было не мало поводовъ. Такъ однажды, когда святитель указалъ ему на опричника, стоявшаго во время чтенія Евангелія въ шапкѣ (татарской тафѣ), и когда опричникъ поспѣшилъ снять ее прежде, нежели царь обернулся къ нему, то опричники обвинили св. Филиппа въ клеветѣ и желаніи посрамить царя предъ народомъ. Наконецъ, когда 8 ноября святитель въ послѣдній разъ служилъ въ Успенскомъ соборѣ, бояринъ Басмановъ прочиталъ грамоту о лишеніи его сана, опричники сорвали съ него облаченіе, одѣли его въ рваную рясу и на дровняхъ отвезли въ одинъ изъ Московскихъ монастырей; а когда народъ толпами простаивалъ возлѣ его темницы и рассказывалъ о немъ чудеса, то его перевели въ тверской, Отрочъ монастырь, гдѣ чрезъ годъ послѣ сего, во время похода Грознаго на Новгородъ и Псковъ, Малюта Скуратовъ задушилъ его собственными руками († 23 Дек. 1569 г.). Мощи священномученика почиваютъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Патріархъ Іовъ былъ первымъ російскимъ патріархомъ, въ каковой санъ былъ возведенъ въ 1589 году при сынѣ Іоанна Грознаго, Феодорѣ Іоанновичѣ¹⁾. Учрежденіемъ патріаршества этотъ благочестивый царь стремился возвеличить русскую Церковь и освободить ее отъ непосредственной зависимости Константинопольскихъ патріарховъ; Господь же устроилъ такъ, что первые два патріарха стали храни-

¹⁾ См. стр. 100—ю.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналъ помѣщены были, между прочимъ слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московский періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Проф. И. Корсунскаго.— „Религіозно-просвѣтительное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Проф. В. Надлера.— „Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“ Бюграфическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.— „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).— Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія каеолитической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.— „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.— „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Западная средновековая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.— „Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“—В. Ковалевскаго.— „Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.— „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.— „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.— „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).— „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.— „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.— „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.— „Ультрамонтантское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.— „Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.— „Зло, его сущность и происхожденіе“ Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла. Проф. Н. Глубоковскаго.— „Основное или Апологетическое Богословіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Статьи объ антихристѣ. Проф. А. Д. Вѣляева.— „Книга Руевъ“. Пресвященнаго Иннокентія, (бывшаго Экзарха Грузіи).— „Религія, ея сущность и происхожденіе“, Проф.—прот. Т. И. Буткевича.— „Естественное Богопознаніе“, Проф. О. С. Глаголева.— „Философія моназма“. Проф.—прот. Т. Буткевича.— „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. П. Струве.— „Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Проф. П. И. Линицкаго.— „Законъ причинности“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“.—Проф. П. П. Соколова.— „Очеркъ современной французской философіи“. Проф. А. И. Введенскаго.— „Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.— „Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Проф. А. Шилтова.— „Психологическіе очерки“. Проф. В. А. Снегирева.— „Чтеніе по космологіи“. Проф. В. Д. Кудрявцева.— „Законъ жизни“. Проф. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаемы были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ Г.Г. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціей литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы о томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

==== Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статьи и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

====
Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминоу.